

Пол Андерсон

ЗОВИТЕ МЕНЯ
ДЖО

Мастера фантазии

Пол Андерсон

Зовите меня Джо

«Издательство АСТ»

1950-1973

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Андерсон П. У.

Зовите меня Джо / П. У. Андерсон — «Издательство АСТ»,
1950-1973 — (Мастера фантазии)

ISBN 978-5-17-983314-7

Пол Андерсон (1926–2001) – американский писатель-фантаст, лауреат 8 «Хьюго», 4 «Небьюла», 6 «Прометеев», а также других премий. Чрезвычайно плодовитый писатель – 7 десятков романов, множество повестей и рассказов, – он выдавал по 2–3 книги в год, причем область его творческих интересов практически безгранична: НФ, детская литература, книги, популяризирующие науку, авантурные романы и детективы, переводы и переработки скандинавских саг. Физик по образованию, Андерсон в своих произведениях также обращается к истории, социологии, антропологии. Приключения в космосе и странствия во времени, «оживление» мифов и альтернативная история, сочетающие авантурные перипетии сюжета с тонкими размышлениями о судьбах человечества... Замечательные сюжеты его книг не только служили эталоном качества для представителей следующего поколения писателей, но и приобретали всемирную известность. И совсем нетрудно поверить, что рассказ «Зовите меня Джо» мог вдохновить Кэмерона на съемки «Аватара», а многочисленные произведения на тему параллельности миров и мгновенно перемещающих порталов – на создание сериала «Звездные врата»...

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-983314-7

© Андерсон П. У., 1950-1973
© Издательство АСТ, 1950-1973

Содержание

Тау – ноль	7
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	34
Глава 6	39
Глава 7	48
Глава 8	55
Глава 9	58
Глава 10	63
Глава 11	67
Глава 12	76
Глава 13	83
Глава 14	88
Глава 15	95
Глава 16	99
Глава 17	105
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Пол Андерсон

Зовите меня Джо

Poul Anderson
Tau Zero
Flight to Forever
Collection of Short Stories

© Poul Anderson, 1950, 1951, 1956, 1957, 1958, 1959, 1961, 1963, 1965, 1966, 1970, 1971,
1973

© Перевод. В. Баканов, 2020
© Перевод. В. Вебер, 2020
© Перевод. А. Иорданский, наследники, 2017
© Перевод. К. Круглов, 2020
© Перевод. М. Вершовский, 2019
© Перевод. А. Корженевский, 2019
© Перевод. М. Пчелинцев, наследники, 2020
© Перевод. Ю. Соколов, 2020
© Перевод. А. Александрова, 2020
© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

* * *

Тау – ноль

Глава 1

– Посмотрите-ка – вон там, прямо над Десницей Господа... Это он?

– Да, думаю, это он. Наш корабль.

Весь вечер они бродили по Миллесгардену¹, и теперь тут кроме них уже не осталось ни одного посетителя. Он видел скульптуры впервые и восхищался ими, а она молча прощалась с тем, что было до сих пор частью ее жизни. С погодой им повезло. В этот день, один из последних дней лета, на Земле светило солнце, ветерок качал ветви деревьев и тени листвы танцевали на стенах белокаменных вилл; ясно, звонко журчали фонтаны.

А когда солнце село, парк вдруг ожил. Показалось, будто каменные дельфины резвятся в волнах, Пегас рвется в небеса, а Фольке Фильбитер² живо вглядывался в даль, будто и вправду надеялся разглядеть там своего потерянного внука, и конь его словно по-настоящему споткнулся, переходя брод... Орфей чутко прислушивался к чему-то, юные сестры пугливо обнимались – все скульптуры ожили, воскресли на одно краткое безмолвное мгновение, но этот миг их жизни был для них не менее реален, чем время, текущее по людским часам, для живых людей.

– Кажется, что они живые, что это они устремлены к звездам, а наш удел – остаться здесь, стариться и умереть... – прошептала Ингрид Линдгрэн.

Чарльз Реймонт не расслышал ее слов. Он, стоя на вымощенной плитами площадке под березой, листья которой уже тронула желтизна, не отрываясь смотрел в небо на «Леонору Кристин». «Десница Господа», величественная колонна, вздымавшая в небеса Гений Человека, могущественно белела на фоне зеленовато-голубого неба. Крошечная, быстро летящая звездочка блеснула и погасла над скульптурой.

– Вы уверены, что это не спутник? – нарушила молчание Линдгрэн. – Вот уж не думала, что мы ее увидим...

Реймонт искоса посмотрел на спутницу.

– Вы первый помощник и не знаете, где летает ваш корабль?

По-шведски Реймонт говорил с ужасным акцентом, как, впрочем, и на всех остальных языках кроме родного, и ощущалось в этом что-то вроде насмешки.

– Я же не навигатор, – оправдываясь, сказала Линдгрэн. – И потом, я вообще-то, честно говоря, стараюсь сейчас как можно реже думать о корабле, о полете. И вам советую. Столько лет только об этом придется теперь думать. – Она подошла к Реймонту поближе и произнесла почти умоляюще: – Прошу вас. Не надо портить такой прекрасный вечер.

– Простите, – извинился Реймонт. – Я ничего такого не имел в виду.

Тут к ним подошел смотритель, остановился неподалеку и нерешительно проговорил:

– Прошу прощения, но мы должны запирать ворота.

– О! – Линдгрэн вздрогнула и посмотрела на часы, потом огляделась по сторонам. Кругом было пусто – никого, кроме скульптур Карла Миллеса³, персонажей, которых он изваял из камня и металла три века назад. – Да ведь парк давно уже должен был закрыться! Я совсем забылась.

Смотритель понимающе кивнул:

---

¹ Миллесгарден – парк в Стокгольме, украшенный скульптурами Карла Миллеса. (Здесь и далее примеч. пер.)

² Фольке Фильбитер – легендарный народный герой Швеции времен раннего Средневековья.

³ Карл Миллес (1875–1955) – знаменитый шведский скульптор, лауреат многих престижных премий в области искусства.

– Я так понял, что господин и госпожа очень хотели еще побродить по аллеям, вот я и не стал вас торопить, после того как другие посетители ушли.

– Значит, вы нас знаете? – удивленно спросила Линдгрэн.

– Кто же вас не знает! – восхищенно воскликнул пожилой смотритель, глядя на Линдгрэн.

Она была высокая, стройная, с правильными чертами лица, светловолосая, синеглазая. Одета намного изысканнее, чем можно было ожидать от космолетчицы, и ей удивительно шли глубокие мягкие тона легкого платья времен раннего Средневековья.

Реймонт выглядел полной противоположностью: крепко сложенный, темноволосый, с суровым обветренным лицом. Правую бровь пересекал шрам, который, судя по всему, Реймонта совершенно не смущал. Его строгая рубашка и простые брюки запросто сошли бы за форменные.

– Спасибо, что не выдали нас, – поблагодарил он смотрителя, скорее формально, нежели от души.

– Я решил, что вам будет неприятно, если на вас станут глазеть, – объяснил смотритель. – Не сомневаюсь, – добавил он, – вас многие узнали, но повели себя так же, как я.

– Вот видите, какие мы, шведы, тактичные люди, – сказала Линдгрэн, улыбаясь Реймонту.

– Разве я спорю? – пожал плечами ее спутник. – Это так типично для Солнечной системы. И вообще, – добавил он, немного помолчав, – всякий, кто завоевывает мир, вынужден быть вежливым. Римляне в свое время были куда как вежливы. Пилат, к примеру.

Смотрителя явно смутил столь неожиданный выпад. Линдгрэн обиженно возразила:

– Я сказала «alskvardig», а не «artig» («тактичны», а не «вежливы»). Благодарю вас, господин смотритель. – Она протянула старику руку.

– Приятно было познакомиться, мисс первый помощник Линдгрэн, – церемонно поклонился смотритель. – Желаю вам счастливого пути и благополучного возвращения домой.

– Если путь наш будет действительно счастливым, – уточнила Линдгрэн, – домой мы не вернемся никогда. А если вернемся... – она запнулась. Если они вернутся, смотрителя уже не будет в живых. – Позвольте вас еще раз поблагодарить, – кивнула она старику. – Прощайте, – сказала она деревьям, фонтанам и скульптурам.

Реймонт пожал смотрителю руку, пробормотал что-то нечленораздельное, и они с Линдгрэн вышли за ворота парка.

Высокие стены отбрасывали густую тень на мостовую. В тишине гулко звучали шаги. Через некоторое время Линдгрэн задумчиво проговорила:

– Я все думаю: действительно ли мы видели наш корабль? Мы ведь сейчас на такой широте... Даже корабль с двигателем Буссарда не так велик, чтобы сверкнуть в лучах закатного солнца.

– Его можно заметить, если выпущены ловушки силового поля, – сказал Реймонт. – Корабль вчера вывели на околоземную орбиту для последних испытаний.

– Да, все правильно. Программу испытательных полетов я видела. Но мне совершенно не обязательно помнить, что происходит с «Леонорой, Кристин» каждую минуту. Особенно потому, что до отлета еще так много времени – почти два месяца. Зачем думать об этом? Какой от этого толк?

– Ну, ясно. Какое мне, простому корабельному констеблю, до этого дело, – ухмыльнулся Реймонт. – Будем считать, что я тренируюсь на случай тревоги.

Линдгрэн искоса, с опаской посмотрела на Реймонта. Они подошли к парапету на набережной. Вдалеке на другом берегу поочередно загорались огоньки Стокгольма. Над домами и деревьями сгущалась ночная тьма. Поверхность воды канала стала похожа на темное зеркало.

Звезд на небе было пока еще совсем немного, только Юпитер, видимый невооруженным глазом, горел ярко и ровно.

Реймонт присел и подтянул к берегу взятую напрокат лодку. Спускавшиеся в воду якорные цепи придавали ей полное сходство с настоящей. У Реймонта была специальная лицензия, позволявшая причаливать практически где угодно. Ведь межзвездная экспедиция – событие всемирного масштаба. Утром они с Линдгрэн совершили настоящий круиз по архипелагу – несколько часов подряд любовались пышной зеленью островов, среди которой живописно расположились нарядные домики, легкими парусами, чайками и солнечными зайчиками на синих волнах. Таких красот на бете Девы им не увидеть, а уж по пути туда – тем более.

– Карл, – назвала Реймонта на шведский манер Линдгрэн, – у меня такое ощущение, что я вас совершенно не знаю. Да и не только я, наверное.

– А? – откликнулся Реймонт. Борт лодки ударился о гранитный берег. – Моя биография записана, как и у всех остальных членов команды, – буркнул он и прыгнул на кокпит.

Придерживаясь одной рукой за борт, другую он подал Линдгрэн. В принципе, можно было бы и не опираться на плечо Реймонта, но она оперлась. А его рука даже не дрогнула от ее веса.

Линдгрэн села на скамейку неподалеку от штурвала. Реймонт повозился с рулем, отвинтил головку цилиндра. Раздался еле слышный звук – заработал молекулярный двигатель, и тут же послышался плеск воды за кормой – завертелся винт. Движения Реймонта были далеко не такими изящными, как у его спутницы, зато он действовал быстро и четко.

– Да, мы все знаем друг о друге то, что написано в полетных документах, – кивнула Линдгрэн. – Но про вас там сказано предельно кратко, по минимуму. «Чарльз Ян Реймонт. Гражданство – межпланетчик. Возраст – тридцать четыре года. Родился в Антарктиде, но не в самой престижной колонии...» Да, там, на нижних уровнях Полиюгорска, мальчику, отец которого рано умер, светили только нищета и неуверенность в завтрашнем дне. «В юности попал на Марс (каким образом – не указано) и работал там, то и дело меняя профессии, – до тех пор, пока не начались беспорядки... Потом... потом он сражался с «Зебрами», да так отчаянно, что ему в конце концов предложили место в Корпусе Лунных Спасателей. На Луне Реймонт завершил свое образование и, быстро продвигаясь по служебной лестнице, дослужился до чина полковника, в коем был направлен в полицию для улучшения работы. Когда он подал заявление на участие в экспедиции, Генеральный Руководитель Проекта с радостью дал положительный ответ на запрос». Вот и все. О вас как о человеке там ни слова не сказано, – не унималась Линдгрэн. – Неужели вам удалось это скрыть даже во время психологического тестирования?

Реймонт перешел на нос лодки, перегнулся через борт и аккуратно выбрал оба якоря, сел к штурвалу и завел двигатель. Магнитный мотор работал бесшумно, винт почти беззвучно вертелся за кормой, но лодка быстро и легко заскользила вперед. Реймонт смотрел прямо перед собой.

– Почему вас это так интересует? – спросил он, не оборачиваясь.

– Нам предстоит прожить рядом не один год. Очень может быть – до конца жизни.

– Ну, тогда я поистине удивлен, что вы решили этот день провести со мной.

– Вы же меня пригласили, Карл.

– После того как вы позвонили мне в гостиницу. Наверное, по корабельному реестру вы знали, где я остановился?

Миллесгарден растаял за кормой. Было темно и не видно, покраснела ли Линдгрэн. Глядя в спину Реймонта, она призналась:

– Да. Просто я подумала, что, может быть, вам одиноко. У вас же никого нет, верно?

– Да, родственниками на Земле я не обзавелся. А сейчас... мотаюсь по всяким красивым местечкам. Там, куда мы направляемся, такого не предвидится.

Линдгрэн подняла глаза к небу. Юпитер горел еще ярче – ровным белым светом, словно ночник. Рядом с ним загорались все новые и новые звезды. Она поежилась и поплотнее закуталась в плащ. Стало совсем по-осеннему прохладно.

– Не предвидится, это точно, – грустно проговорила она. – Там все будет чужим... Мы даже не можем вообразить, что собой представляет планета, на которую мы летим... а ведь она наша соседка, сестра, можно сказать... и нам предстоит путь длиной в тридцать два световых года.

– Таковы люди, – коротко отозвался Реймонт.

– А почему вы решили лететь, Карл? – задала вопрос Линдгрэн.

Он пожал плечами.

– Из любопытства, пожалуй. И еще... откровенно говоря, я успел нажать врагов в Корпусе. Кого-то гладил против шерстки, кому-то продвинуться не давал. Да и сам зашел в тупик – дальше мне выслужиться не удалось бы, если бы я не стал соблюдать неписанные законы внутренней политики. А я их презираю, законы эти. – Он обернулся и встретился взглядом с Линдгрэн. – А вы почему?

Она вздохнула:

– Наверное, из чистой романтики. Я с детства мечтала полететь к звездам – как тот принц из сказки, что грезил о стране эльфов. В конце концов я сумела уломать родителей, и они разрешили мне поступить в Академию.

Реймонт улыбнулся – на этот раз теплее, чем обычно.

– И, судя по всему, вы на хорошем счету в межпланетной службе. Первый полет за пределы Солнечной системы – и сразу в должности первого помощника.

Линдгрэн протестующе подняла руки.

– Зачем вы так? Между прочим, я свою работу знаю и делаю хорошо. Просто в наше время, как ни странно, женщине легче продвинуться по службе, чем мужчине. В такой экспедиции женщины очень нужны. И работа на борту «Леоноры Кристины» у меня будет не совсем обычная. Мне придется больше заниматься... ну, скажем так: человеческими взаимоотношениями, чем астронавигацией.

Реймонт отвернулся и снова стал смотреть вперед.

Лодка обогнула мыс и понеслась к Сальтсвону. Тут движение было гораздо более оживленным. Мимо то и дело проносились суда на подводных крыльях. Грузовая подводная лодка медленно удалялась в направлении Балтики. А в темном небе, словно светлячки, мелькали огоньки воздушных такси. Освещенный центр Стокгольма стал похож на многоцветный пылающий костер. Тысячи звуков непостижимым образом сливались воедино, звуча подобно многоголосому хору.

– Хочу вернуться к моему вопросу, – сказал Реймонт. – Вернее, к контрвопросу, поскольку вы меня вынудили его задать. Только не думайте, что мне была неприятна ваша компания. Напротив – очень даже приятна, и, если вы не откажетесь со мной поужинать, я буду считать сегодняшний день одним из лучших в жизни. Но... как только закончились тренировки, почти вся наша группа распалась, рассыпалась, как капельки ртути. Каждый нарочито избегает встреч с будущими товарищами по команде. Наверное, *все* считают, что сейчас лучше проводить время с теми, кого больше никогда не увидят. А вы... вы же тут успели корни пустить. Древний, уважаемый род, обеспеченное семейство, где все друг друга любят. У вас, как я понимаю, живы и мать, и отец. Братья, сестры, родные и двоюродные, – наверняка все просто жаждут сделать для вас все, что в их силах, в эти оставшиеся до отлета несколько недель. Почему же вы покинули их сегодня?

Линдгрэн не ответила.

– Все дело в ваших шведских замашках, – сделал вывод Реймонт. – Как это похоже на правителей человечества. Зачем меня только сюда понесло? Ну да ладно, я ведь тоже имею

право на личную жизнь, и его у меня никто не отнимет. Ну так что – поужинаете со мной? Я отыскал очень милый ресторанчик, где посетителей обслуживают по старинке, то бишь живые официанты.

– Да, – ответила Линдгрэн. – Спасибо, с удовольствием.

Она встала и осторожно коснулась плеча Реймонта. На кончиках ее пальцев напряглись железные мускулы.

– Только... не называйте нас правителями, – попросила она. – Мы вовсе не такие. Просто таково было одно из условий мирного договора после ядерной войны, когда планета была на грани гибели... нужно же было что-то делать.

– Угу, – буркнул Реймонт. – Знаете, я время от времени почитываю книжки по истории. То-се, «Всемирное Разоружение», «все силы Интерпола брошены на его обеспечение» и так далее. *Sed quis custodiet ipsos custodes?*⁴ Кому же доверить контроль за уничтожением оружия, способного уничтожить всю планету? Кому поручить организацию деятельности органов расследования и наказания? Ну конечно же, стране, которая достаточно велика и развита, для того чтобы превратить мир и спокойствие в главную отрасль производства. Но между тем недостаточно велика для того, чтобы одолеть другие страны или навязать кому бы то ни было свою волю без поддержки большинства наций. Такой стране вдобавок, о которой все хорошего мнения. Короче говоря – Швеции.

– Значит, вы все понимаете! – радостно воскликнула Линдгрэн.

– Да. И последствия тоже. Власть, таким образом, находится на самообеспечении и действует, исходя из логической необходимости. Деньги, которые платит вся планета на содержание аппарата, осуществляющего контролирующие функции, стекаются сюда, и потому вы стали самой богатой страной на Земле. И само собой разумеется – центром мировой дипломатии. А в то время, когда каждый реактор, каждый космический корабль, любая лаборатория потенциально опасны и должны находиться под неусыпным надзором, получается, что по каждому конкретному вопросу последнее слово непременно остается за каким-нибудь шведом. А это означает, что перед вами выслушиваются даже те, кто давно уже от вас не в восторге. Ингрид, голубушка, тут уж ничего не поделаешь – мало-помалу ваш народ превращается в римлян.

Линдгрэн явно расстроилась.

– И вы тоже нас не любите, Карл?

– Как сказать... В конце концов, вы не хуже остальных. До сих пор вы были вполне гуманными правителями. Даже слишком гуманными, я бы сказал. А уж я лично и вообще должен быть вам несказанно благодарен: ведь вы позволили мне стать человеком без гражданства, а это как раз то, что мне нужно. Нет, лично мне вы ничего плохого не сделали. Только... – Реймонт махнул рукой в сторону ярко освещенных башен. – Долго это все равно не протянется.

– Что вы имеете в виду?

– Не знаю... Просто я уверен в том, что ничто не вечно. Как распрекрасно ни продумывай систему, со временем она все равно устаревает и гибнет. – Реймонт помолчал, подбирая слова. – В вашем случае, – продолжил он после паузы, – конец наступит из-за той самой стабильности, которой вы так гордитесь. Разве что-нибудь глобально изменилось на Земле с конца двадцатого столетия? Разве сейчас мы имеем желаемое положение вещей? По моему мнению, – задумчиво проговорил Реймонт, – это и есть одна из главных причин колонизации Галактики – бегство от Ragnarok⁵.

Линдгрэн сжала кулаки и промолчала. Небо над городом было залито огненным заревом, и звезды тут были почти не видны, а вот в других местах – ну, например, в Лапландии, где у родителей Линдгрэн был летний домик, звезд на небе так много и они такие яркие...

---

⁴ «Но кто же будет сторожить стерегущего?» (*лат.*) – цитата из Лукиана.

⁵ Ragnarok – сумерки богов (*швед.*). (В переносном смысле – конец света.)

– Кавалер из меня неважный, что и говорить, – извинился Реймонт. – Ладно, давайте не будем говорить об азбучных истинах и обсудим что-нибудь поинтереснее. Как, к примеру, насчет аперитива?

Линдгрэн рассмеялась, но не сказать, чтобы очень весело.

Реймонт направил лодку в Стреммен⁶, причалил, помог Линдгрэн выбраться на набережную, и они зашагали по мосту в Старый Город. Всю дорогу Реймонт болтал на отвлеченные темы. За королевским дворцом освещение улиц стало более мягким. Линдгрэн и Реймонт проходили по узким улочкам мимо позолоченных фасадов зданий, которые стояли здесь уже не одну сотню лет. Туристский сезон уже закончился, так что, за исключением редких пешеходов и электроциклистов Реймонт и Линдгрэн были совсем одни.

– Я буду очень скучать по всему этому, – призналась она.

– Да, тут красиво, – согласился он.

– Тут не просто красиво, Карл. Тут ведь не музей под открытым небом. Тут люди живут. А те, кто жил тут раньше, – они все тоже так реальны... Башня Ярла Биргера⁷, церковь Риддархольм⁸, Дом Благородных, Золотые Покои, где пил и пел Глашатай... А в космосе, Карл, вдали от тех, кого уже не будет на свете, мне будет так одиноко...

– И все-таки вы летите.

– Да. Хотя мне нелегко. Нелегко покидать мою мать, выносившую и родившую меня, моего отца, который брал меня, маленькую, за ручку и показывал созвездия на ночном небе. Знал ли он, к чему это приведет? – Линдгрэн замолчала и перевела дыхание. – Знаете, я, наверное, потому вам и позвонила. Нужно было вырваться из дома, забыть о том, какую боль я им всем причиняю. Хотя бы на день.

– Выпить вам надо, вот что, – резюмировал Реймонт. – А мы уже пришли.

Окна ресторанчика смотрели на Большую Рыночную Площадь. Запросто можно было вообразить, как мимо невысоких зданий по мостовой прогуливаются рыцари. Правда, вспомнить наколотые на копья отрубленные головы и текущие по этой самой мостовой ручьи крови не хотелось – а ведь такое произошло здесь как-то зимой, давным-давно...⁹ Люди не любят вспоминать о том, как одни из них убивали других.

Реймонт подвел Линдгрэн к столику, стоявшему в уютном, озаренном свечами кабинете на двоих, и заказал водку и пиво.

Линдгрэн пила наравне с Реймонтом, хотя явно не имела большого опыта, да и весовая категория у нее была другая. Еда, поданная после аперитива, оказалась обильной даже по скандинавским стандартам, и под нее было выпито изрядное количество вина, а после – еще и коньяк. Линдгрэн болтала без умолку. Реймонт не прерывал ее.

А она рассказывала о своем доме, что стоял неподалеку от Троттингхольма, и окружающие сады и парки как бы принадлежали Ингрид, о солнечных зайчиках на вошеном паркете и столовом серебре, что передается в их семье из поколения в поколение, о шлюпке на озере с парусом, надутым ветром, свежим ветром, который трепал ее волосы, об отце с трубкой в зубах, и он поворачивает румпель... О зимних ненастьях и о чудесном теплом празднике посреди жестокой зимы – Рождестве, о коротких светлых летних ночах, о факелах, что зажигают в канун Дня святого Иоанна в память о тех огнях, что приветствовали возвращение Бальдра из подземного царства¹⁰, о прогулке под дождем с первым возлюбленным, о том, какой тогда был

---

⁶ Стреммен – гавань Стокгольма.

⁷ Ярл Биргер – основатель династии Биргерссонов, объединитель Швеции (XIII в.).

⁸ Риддархольм – церковь в центре Стокгольма, усыпальница шведской знати.

⁹ Вероятно, имеется в виду народное восстание 1434–1436 гг. под предводительством Энгельбректа Энгельбректсона, жестоко подавленное дворянством.

¹⁰ Бальдр – в древнескандинавской мифологии бог солнца и света, сын Одина и Фригг. Слепой бог Хед убил его прутом из омелы – единственной вещью, на которой не было заклатья Фригг. Но верховные боги вызволили Бальдра из подземного

дивный прохладный воздух, как чудно пахло сиренью... О путешествиях по Земле – пирамидах, Парфеноне, Париже – какой он на закате с вершины Монпарнаса... о Тадж-Махале, Ангкор-Вате, Кремле, Мосте Золотых Ворот, а еще о Фудзияме, Большом каньоне, водопаде Виктория, Большом Барьерном рифе...

О том, сколько было в родном доме любви и счастья, но какая там при этом царила строгость и даже чопорность в присутствии гостей, о музыке, которой была наполнена ее жизнь, – прежде всего о Моцарте... О замечательной школе, где она училась и где учителя и одноклассники открывали ей как бы новую вселенную, об Академии, где ей поначалу пришлось так трудно, что и представить было невозможно, и о том, как она радовалась, когда все стало получаться... О полетах в космос, на другие планеты... о том, как она стояла в снегах Титана, а над ее головой проплывал Сатурн, очаровавший ее своей красотой, и о том, что она всегда-всегда мечтала вернуться к доброму миру, его людям, его радостям и святостям... Да, да, конечно, тут хватало проблем, тут было много жестокости, но ведь все эти проблемы можно было бы со временем решить с помощью разума и доброй воли, и было так радостно верить в это – это была некая новая религия, призванная улучшить мир, довести его до совершенства – конечной цели... Ну а пока это было не так, она должна была стараться делать все для того, чтобы человечество двигалось по пути добра.

Но при этом она вовсе не синий чулок, пусть он так не думает. Порой ей кажется, что она, наоборот, ведет слишком свободный образ жизни. Но зла при этом никому не делает, как ей кажется. Она живет большими надеждами и высокими целями.

Реймонт налил Линдгрэн последнюю чашечку кофе. Официант не торопился нести счет. Похоже, деньги его мало интересовали.

За время ужина пара как-то незаметно перешла на «ты».

– Надеюсь, – сказал Реймонт, – несмотря на некоторые досадные мелочи, ты все-таки сочтешь день удачным?

Ингрид в упор посмотрела на него ясными синими глазами. Голос ее немного дрожал.

– Сочту, – сказала она решительно. – И сделаю все для этого. И позвонила я тебе не просто так. Помнишь, во время тренировок я убедила тебя приехать сюда перед отлетом?

Реймонт закурил сигару. В космосе курить будет нельзя, чтобы не перегружать системы очистки воздуха. Сегодня еще можно было себе позволить эту роскошь.

Ингрид наклонилась и накрыла руку Реймонта своей.

– Я думала о будущем, – сказала она. – Двадцать пять мужчин и двадцать пять женщин. Пять лет в металлической скорлупе. И еще пять, если мы сразу вернемся. Это большой кусок жизни, как ни крути.

Реймонт кивнул.

– А ведь мы наверняка задержимся для проведения исследований, – продолжала она. – Если третья планета окажется пригодной для жизни, мы вообще останемся там навсегда, станем там жить, обзаведемся детьми. Хочешь не хочешь, а придется создавать семьи.

Негромко – может быть, для того, чтобы не прозвучало грубо, Реймонт спросил:

– Так ты думаешь, из нас с тобой получится парочка?

– Да, – твердо, решительно заявила Линдгрэн. – Может быть, я веду себя нескромно... но, видишь ли, в первые недели полета я буду жутко занята и у меня не будет времени на всякие там нюансы и ритуалы ухаживания. Может запросто выйти, что мне ничего такого не захочется. А думать о будущем и готовиться к нему нужно. Что я и делаю.

Реймонт поднес к губам руку Ингрид.

– Это большая честь для меня, Ингрид. Но... мы такие разные.

– Наверное, потому меня так тянет к тебе. – Она коснулась кончиками пальцев его губ, погладила щеку. – Я хочу узнать тебя поближе, Карл... Ты настоящий мужчина. Таких, как ты, я никогда не встречала.

Наконец появился официант. Реймонт расплатился. Только сейчас Ингрид впервые заметила, что он немного волнуется. Рука его, когда он гасил сигару, едва заметно дрожала.

Не поднимая глаз, Реймонт сообщил:

– Я остановился в гостинице на Тиска Бринкен. Там не слишком шикарно, предупреждаю.

– Мне все равно, – шепнула Ингрид. – Думаю, я этого не замечу.

Глава 2

С борта одного из челноков, доставлявших членов команды на «Леонору Кристин», открывался вид на корабль, похожий на серебристый клинок, острие которого было нацелено на звезды.

Внешние бортовые конструкции не портили, а как бы, наоборот, украшали причудливым орнаментом стройный конический силуэт корабля – люки и шлюзы, системы сенсорных датчиков, камеры для двух катеров, предназначенных для высадки десантов, паутина батарей системы Буссарда, которые сейчас, правда, были убраны. Основание конуса было довольно-таки массивным – там располагался реактор, помимо всего прочего, но его объемность скрадывалась общей длиной «Леоноры Кристин».

Нос корабля венчала конструкция, напоминавшая каркас плетеной корзины. По окружности располагались восемь ажурных цилиндров, вытянутых в направлении кормы – трубы акселераторов, направлявших поток энергии назад при движении корабля с межпланетной скоростью. В «корзине» находились система управления и источник энергии.

Внизу было подобие рукояти клинка, цветом темнее, чем серебристое «лезвие» корпуса, и заканчивающееся затейливой «головкой» – двигателем Буссарда. Корпус экранирован от радиации.

Такова была «Леонора Кристин», седьмой, самый новый корабль в серии. Внешняя простота его силуэта диктовалась миссией, для которой предназначался корабль. Обшивка его была чувствительной, как человеческая кожа, а его внутренние конструкции отличались такой же сложностью и тонкостью, как внутренние органы человеческого организма. Со времени, когда впервые была предложена идея создания таких кораблей, то есть с середины двадцатого столетия, до того момента, когда мечта воплотилась в реальность, были потрачены миллионы человеко-часов умственного и физического труда, и некоторые из тех, кто работал над созданием кораблей, были величайшими гениями. И хотя в то время, когда началась сборка «Леоноры Кристин», уже был накоплен большой опыт и существовали необходимые инструменты, хотя технический прогресс в целом достиг настоящего расцвета (ему наконец перестали мешать войны сами по себе и даже их угроза), все равно нашлись такие, кто выражал бурное недовольство проектом из-за его стоимости: столько денег, и все это ради того, чтобы отправить пятьдесят человек к одной-единственной, да к тому же совсем близкой – рукой подать – звезде?

Все правильно. Таковы размеры Вселенной.

Корабль летел вокруг Земли, и Вселенная была везде – позади него, впереди и вокруг. Далеко-далеко, дальше Солнца и планет, царила прозрачная чернота – тьма, сравнить которую было не с чем. Назвать пространство совсем черным было нельзя – отраженный свет есть везде. И все же... это была та вечная ночь, от зрелища которой оберегают нас наши милосердные небеса. Ткань ночи была усеяна звездами – они горели ровным, немерцающим светом, холодным, пронизывающим. Те звезды, что хорошо видны и с поверхности Земли, тут представляли во всем блеске: серебристо-синяя Вега, золотая Капелла, янтарная Бетельгейзе. Тому, кто видел это впервые, было трудно объединить звезды в знакомые созвездия – их было слишком много. Ночь, полная солнц.

Млечный Путь опоясывал небеса серебристо-ледяной лентой Магеллановы Облака, с Земли туманные, мерцающие, отсюда выглядели густыми и ярко светились. Туманность Андромеды отчетливо горела на расстоянии больше миллиона световых лет... и казалось, что душа тонет в бездонных глубинах Вселенной, и хотелось перевести взгляд на что-то более привычное и менее пугающее – хотя бы на интерьер кабины челнока.

Ингрид Линдгрэн вошла на капитанский мостик, ухватилась за скобу и, повиснув в воздухе, доложила:

– Готова приступить к выполнению обязанностей, господин капитан.

Ларе Теландер обернулся, чтобы поприветствовать ее. Забавно было наблюдать за его тощей фигурой, ставшей такой нескладной в условиях невесомости – капитан напоминал не то плывущую рыбу, не то парящего ястреба. В обычной жизни капитан был ничем не примечательным седым пятидесятилетним мужчиной. Ни на его форме, ни на форме Ингрид не было никаких погон и нашивок – никаких военных условностей, которых строго придерживаются на обычных космических кораблях.

– Добрый день, – поздоровался с Ингрид капитан. – Надеюсь, прощание с Землей прошло не слишком печально?

– Все хорошо, – ответила она и немного покраснела. – А у вас как?

– О... все в порядке. Я большей частью разыгрывал из себя туриста, колесил по Земле от края до края. Просто удивительно – сколько же всего я раньше не видел!

Линдгрэн смотрела на капитана немного сочувственно. А капитан проплыл по рубке к креслу пилота – одному из трех, стоявших около пульта управления и приемно-передающего устройства. Шкалы, считывающие экраны, индикаторы и прочие приборы уже вовсю работали – мигали, покачивали стрелочками, выводили на экранах кривые. Но почему-то их обилие только подчеркивало одиночество капитана. Пока не зашла Линдгрэн, в рубке царила тишина, которую нарушало только негромкое урчание кондиционеров да редкое пощелкивание реле.

– Значит, у вас на Земле никого не осталось? – спросила она.

– Никого из близких, – ответил Теландер, и его длинное, сухое лицо озарила неловкая улыбка. – Не забывайте, по стандартам Солнечной системы я уже почти сто лет прожил. Когда я в последний раз навестил родину – деревеньку Даларна, внук моего брата уже был гордым папашей двух сорванцов. Им трудно считать меня близким родственником.

Теландер родился за три года до старта первой Экспедиции к альфе Центавра. Пошел в детский сад за два года до того, как первые мизерные сообщения от экспедиции долетели до станции на обратной стороне Луны. Рос замкнутым, мечтательным ребенком. В возрасте двадцати пяти лет окончил Академию, имея выдающиеся успехи в области межпланетных полетов, и был зачислен в первый состав экспедиции на эпсилон Эридана. Экспедиция вернулась на Землю через двадцать пять лет, но из-за временного сдвига для ее участников прошло всего одиннадцать, шесть из которых они провели на разных планетах. Сделанные членами команды открытия увенчали их неувядаемой славой. Ко времени их возвращения уже был готов корабль, предназначенный для полета к тау Кита. Теландер мог полететь на нем в должности первого помощника, если бы согласился стартовать меньше чем через год. Он согласился. На этот раз он вернулся на Землю через тринадцать лет, по его часам, в должности командира корабля, заменив на этом посту капитана, погибшего на жестокой незнакомой планете. А на Земле прошел тридцать один год. В это время на орбите уже полным ходом шла сборка «Леоноры Кристин». Разве можно было найти для нее лучшего командира? Теландер растерялся. Согласись он, все те три года, что оставались до старта новой экспедиции, только и придется, что думать об отлете и готовиться к нему... Но отказаться было невыносимо: И потом, на Земле он стал чужим, здесь все ему было незнакомо.

– Давайте займемся делами, – сказал капитан. – Видимо, Борис Федоров и его инженеры прибыли вместе с вами?

Она кивнула:

– Он с вами свяжется по интеркому, как только обоснуется и все наладит, он так мне сказал.

– Хм. Мог бы оказать мне любезность и сообщить о своем прибытии.

– Он не в настроении. Всю дорогу от Земли надутый сидел. Это имеет значение?

– Нам в этой скорлупе придется довольно долго пробыть вместе, Ингрид, – усмехнулся Теландер. – И конечно, наше настроение и поведение имеют значение.

– О, Борис скоро придет в себя. Может быть, он выпил лишнего, а может быть, какая-нибудь девица отказала ему прошлой ночью, ну или еще что-нибудь в таком духе. На тренировках он мне показался очень мягкосердечным человечком.

– Данные психопрофилирования говорят об этом. И все же есть нечто такое в каждом из нас, чего не выявишь никаким тестированием. Всякие потенциальные качества. И нужно следить за тем, – сказал Теландер, махнув рукой в сторону закрытого колпаком оптического перископа, словно это и был тот самый прибор, с помощью которого можно было замерить эти самые качества, – чтобы их проявление не застало тебя врасплох, – как хороших черт, так и дурных. А они проявляются. Всегда проявляются. Ну ладно, – прокашлявшись, проговорил Теландер. – Научный персонал прибывает по графику?

– Да. Двумя рейсами. Первый – в тринадцать сорок, второй – в пятнадцать ровно.

Теландер сверился с графиком прибытия членов команды, пришпиленным к рабочему столу. Время совпадало с расчетным.

– Сомневаюсь, что нужен был такой большой интервал между рейсами, – добавила Линдгрэн.

– Требования безопасности, – равнодушно отозвался Теландер. – Ну и потом, тренировки, конечно, дело хорошее, но все равно надо дать сухопутным крысам время освоиться с невесомостью.

– Карл с ними управится, – сказала Линдгрэн. – Если понадобится, он всех перетащит поодиночке и быстрее, чем может показаться на первый взгляд.

– Реймонт? Наш констебль? – уточнил Теландер, глядя на Линдгрэн, ресницы которой подозрительно вздрагивали. – Я знаю, он не новичок в невесомости и он прибудет с первым челноком, но что, он и правда такой удалец?

– Мы с ним побывали на L'Etoile de Plaisir¹¹.

– Где-где?

– Это спутник-курорт.

– А-а-а, вот вы о чем. Играли в невесомость?

Ингрид отвела взгляд и кивнула. Капитан снова улыбнулся:

– Как я понимаю, это вы чередовали с другими играми?

– Он будет жить у меня. В моей каюте.

– Гм-м-м... – пробормотал Теландер и смущенно потер подбородок. – Я бы, честно говоря, предпочел, чтобы он находился на посту, в боевой готовности на случай беспорядков среди... гм-м-м... пассажиров. Собственно говоря, он для того и зачислен в команду.

– Что ж, я могу уйти в его каюту, – предложила Линдгрэн.

Теландер покачал головой.

– Нет. Офицеры должны жить, что называется, в офицерской стране, на своей половине. И то, что их каюты располагаются на ближайшей к капитанскому мостику палубе, это не пустая прихоть. Ингрид, в ближайшие пять лет вы усвоите, как важны в нашем деле символы. Ну... – сказал капитан, пожав плечами, – в конце концов, остальные каюты – на следующей палубе. Пожалуй, он в случае чего сможет быстро дотуда добраться. В общем, если ваш приятель не возражает, пусть переезжает, я не против.

– Спасибо, – негромко поблагодарила Линдгрэн.

– Вы уж простите, но я все-таки несколько удивлен, – извинился капитан. – Никак не думал, что вы его выберете. Думаете, ваши отношения – это надолго?

---

¹¹ «Звезда Развлечений» (фр.).

– Надеюсь. Он говорит, что тоже хочет этого, – ответила Ингрид и, справившись со смущением, пошла в атаку: – Ну, а вы? Завели знакомства?

– Нет. Попозже. Безусловно, но попозже. Поначалу я буду слишком занят. В моем возрасте с такими делами не торопятся, – рассмеялся Теландер, но тут же стал серьезен. – Что касается времени, то терять его нам не следует. Прошу вас, принесите результаты проверки и...

Челнок подлетел к кораблю и состыковался с ним с помощью специальных якорей – маленькое тупоносое суденышко в сравнении с величественной, стройной «Леонорой Кристин». Корабельные роботы – сенсорно-компьютерно-эффекторные устройства – осуществили процедуру стыковки: челнок, так сказать, поцеловался с кораблем. В будущем роботов ждала куда более сложная работа, чем эта. Из шлюзовых камер откачали воздух, открылись их внешние клапаны, и камеры соединились одна с другой с помощью плотного пластикового воздухонепроницаемого кольца. Потом в шлюзы снова накачали воздух, проверили, нет ли хоть малейшей утечки, и когда стало ясно, что все в порядке, открылись внутренние клапаны.

Реймонт отстегнул привязные ремни и плавно поднялся в воздух, глядя на ряд пассажирских кресел. Американский химик Норберт Вильямс тоже возился с пряжкой ремня.

– Не отстегивайтесь, – скомандовал ему Реймонт по-английски. Шведский знали все, но не все достаточно хорошо. В ученой среде главными языками общения сделались английский и русский. – Оставайтесь на местах. Я же вам сказал еще в порту: я всех провожу в каюты по одному.

– Насчет меня можете не волноваться, – заверил Вильямс. – Я в невесомости отлично передвигаюсь.

Вильямс был краснощеким коротышкой с соломенно-желтыми волосами, обожал яркую одежду и говорил оглушительно громко.

– Да, вы все более или менее имеете об этом понятие, – согласился Реймонт. – Вы тренировались, но все равно – это далеко от тех рефлексов, которые приобретаются только долгим опытом.

– Ну, побарахтаемся немного. Что с того?

– А то, что возможны несчастные случаи. Не обязательно, но возможны. Мой долг – предотвратить их. Я обязан препроводить всех до одного в каюты, где вы будете находиться в ожидании дальнейших распоряжений.

Вильямс покраснел.

– Послушайте, Реймонт...

Серые глаза констебля в упор уставились на него.

– Это приказ, – четко выговорил Реймонт. – Я имею право приказывать. Давайте не будем начинать полет с перепалок.

Вильямс защелкнул пряжку ремня. Он явно злился – руки дрожали, губы плотно сжались, на лбу выступили капельки пота и струйками стекали по щекам, сверкая в лучах флуоресцентного светильника над его головой.

Реймонт обратился к пилоту челнока по интеркому. Пилот не должен был переходить на «Леонору Кристин» – ему предстояла отстыковка и возвращение на Землю, как только члены команды перейдут в корабль.

– Вы не возражаете, если мы начнем переход? Это займет некоторое время, так что пусть народ пока отдохнет, отвлечется.

– Можете топать, – ответил голос пилота. – Все в норме, опасности никакой. Только... ну да, дело понятное, они же Землю теперь не увидят чертовски долго, а?

Реймонт объявил о разрешении отстегнуть ремни. Все, как один, только успев отстегнуться, торопились к гласиловым иллюминаторам. Реймонт занялся препровождением ученых в каюты.

Четвертой он должен был проводить Чиюань Айлинь. Реймонт долго не решался оторвать ее от иллюминатора – она просто прилипла к стеклу.

– Теперь вы, пожалуйста, – сказал Реймонт. Она не отвечала. – Мисс Чиюань, – позвал он и коснулся ее плеча. – Прошу вас, ваша очередь.

– О! – воскликнула она, словно очнулась ото сна. В глазах ее стояли слезы. – Я... простите меня... Я совсем забылась...

Корабль и состыкованный с ним челнок приближались к очередному рассветному зареву. Величественный горизонт Земли был залит светом и играл тысячами красок – от рубиново-красной, как осенние кленовые листья, до темно-синей, как круги на перьях павлина. Одно мгновение был виден зодиакальный свет, словно гало вокруг поднимающегося огненного диска. Выше – звезды и ущербная луна. А внизу – планета... искрящиеся, переливающиеся просторы океанов, облака, таящие в себе ливни и гром, зелено-коричнево-снежные материки и города, похожие на шкатулки с драгоценностями. Каждый видел, каждый чувствовал, что планета живая.

Чиюань никак не могла расстегнуть пряжку ремня. Ее тоненькие пальчики не могли с ней справиться.

– Оторваться невозможно, – пробормотала она по-французски. – Спи крепко, Жак, отдохни без меня...

– Вы сможете на корабле в иллюминатор смотреть сколько угодно, как только закончатся перегрузки, – успокоил ее Реймонт, тоже по-французски.

Его голос вернул женщину к реальности.

– Значит, мы все-таки улетаем, – вымученно улыбнулась она.

Настроение у нее явно было не элегическое – скорее это был экстаз.

Она была маленькая, хрупкая, похожая на мальчишку, в рубашке с высоким воротником и широких брюках, сшитых по новомодному восточному фасону. Мужчины, однако, были единогласны в своем мнении о том, что личико у нее чуть ли не самое очаровательное из всего дамского состава экспедиции. Волосы у Чиюань были прямые, длинные, иссиня-черные. Когда она говорила по-шведски, легкий китайский акцент превращал ее речь в подобие песенки.

Реймонт помог женщине отстегнуться и обнял за талию. На нем не было ботинок с тяжелой подошвой, облегчающих передвижение в невесомости. Реймонт оттолкнулся одной ногой от кресла и поплыл по проходу. Около люка он ухватился за скобу, снова оттолкнулся и, проплыв через шлюз, оказался внутри корабля. Как правило, его клиенты расслаблялись, и ему было легче препровождать их – неуклюжие попытки помочь только мешали ему. С Чиюань все было по-другому. Она знала, как себя вести. Ну и, в конце концов, она была планетологом, ей не занимать опыта передвижения в условиях невесомости.

Поэтому они продвигались вперед легко и быстро.

Путь от входного люка пролегал через грузовые палубы – они располагались вокруг центральной оси корабля в несколько слоев и служили средством дополнительной защиты для персонала. Тут были установлены лифты для поднятия и спуска тяжелых грузов. Но, пожалуй, большей популярностью должны были пользоваться винтовые лестницы, обвивающие цилиндрические шахты скоростных лифтов. Реймонт и Чиюань направились к одной из таких лестниц – она вводила их от палубы, служащей центром тяжести корабля. Здесь располагалось электрическое и гироскопическое оборудование. Лестница вела в жилые отсеки. Невесомые, они проплыли над ступенями, не касаясь их. В полете они набрали такую скорость, что от действия центробежной и кориолисовой сил немного закружились головы. Было похоже на легкое опьянение, когда хочется хохотать без удержу.

– И-е-ще-о-дин-кру-жок-и-и-и!

Каюты гражданского персонала располагались вдоль двух длинных коридоров. Напротив – двери ванных комнат. От пола до потолка в каждой каюте было два метра, жилая площадь

– четыре квадратных метра. Две двери, две прихожих, два встроенных шкафа с полками до потолка, две кровати, которые можно было либо сдвинуть, либо раздвинуть. Во втором случае можно было разделить кровати плотной ширмой, и каюта превращалась в две отдельные спальни.

– Это путешествие надо будет описать в моем дневнике, констебль, – заявила Чиюань, ухватившись за скобу и прижавшись лбом к металлической двери. В уголках ее губ еще таился смех.

– С кем вы делите каюту? – поинтересовался Реймонт.

– Пока что – с Джейн Седлер, – ответила Чиюань и кокетливо посмотрела на Реймонта, сверкнув глазами. – Если у вас нет другого предложения.

– А? Я... Я буду жить с Ингрид Линдгрэн.

– Уже? – разочарованно протянула она. – Простите. Я повела себя бестактно.

– Да нет. Это я должен просить прощения. Заставил вас ждать вместе с остальными, словно вы тоже новичок в невесомости.

– Ну, вы же не могли делать исключений, – сказала Чиюань, снова ставшая серьезной. Она подплыла к кровати и начала разбирать постель. – Хочу поваляться немного в одиночестве и подумать.

– О Земле?

– О многом. Мы покидаем гораздо больше, чем кто-либо из нас в силах осознать, Чарльз Реймонт. Это что-то вроде смерти, после которой наступит воскресение, – но все равно вроде смерти.

Глава 3

...ноль!

Ионный двигатель заработал. Если бы человек мог проникнуть за его толстый плотный кожух и увидел, как он работает, он бы не прожил и секунды. Однако никто не слышал шума двигателя, не ощущал никакой вибрации. Двигатель был слишком совершенен, чтобы производить шум и вибрацию. В так называемом машинном отделении, которое в действительности было чем-то вроде электронного мозга, работники слышали отдаленное урчание насосов, перекачивающих из цистерн реакционную массу. Но они на это почти не обращали внимания, будучи заняты наблюдением за счетчиками, дисплеями, измерительными приборами, Экранами считывающих устройств и кодовыми сигналами, говорящими о работе системы двигателя. Рука Бориса Федорова всегда находилась неподалеку от кнопки аварийного отключения. Капитан Теландер и Федоров негромко переговаривались по линии внутренней связи. Правду сказать, никакое ручное управление «Леоноре Кристин» не требовалось. Даже менее сложные корабли со всеми функциями справлялись сами. А «Леонора Кристин» – и подавно. Ее многофункциональные встроенные роботы осуществляли все операции более быстро и четко, и даже более гибко, безусловно в пределах программирования, чем любой из людей. Но чисто психологически людям необходимо было быть рядом с приборами.

В жилых же отсеках для тех, кто там находился, единственным признаком, что корабль движется, было возвращение силы тяжести. Пока ее прирост был невелик – менее одной десятой *g*, все-таки появилось ощущение «верха» и «низа». Члены команды смогли наконец покинуть койки. Из динамиков интеркома послышался голос Реймонта: «Сообщение констебля персоналу, свободному от вахты. Вы можете свободно передвигаться по кораблю, то есть по своей палубе и выше. (Насмешливо): Напоминаю, что официальная церемония прощания – пожелания счастливого пути и все такое прочее – будет передаваться в полдень по Гринвичу. Для тех, кто хочет посмотреть, она будет показана в спортивном зале».

Вещество для реакции поступило в камеру. Термоядерные генераторы активировали мощнейшие электрические дуги, расщеплявшие атомы на ионы, магнитные поля, которые разделяли положительные и отрицательные частицы, силы, которые формировали пучки частиц, механизмы ускорителей, разгонявших частицы до субсветовой скорости. И при этом – никаких взрывов, языков пламени. На это энергия не тратилась. Все, что только могло быть выжато из физических законов, тратилось на то, чтобы толкать «Леонору Кристин» вперед.

Корабль такого веса нельзя было разогнать, как, скажем, патрульный крейсер. Тогда понадобилось бы столько топлива, сколько корабль не смог бы поднять, имея на борту пятьдесят человек и все, что могло им потребоваться в течение десяти-пятнадцати лет, да еще уйму приборов для научных исследований по прибытии, да еще (на тот случай, если данные, переданные автоматической станцией, подтвердятся и третья планета беты Виргинис окажется пригодной для обитания) машины и оборудование для ее освоения. Корабль медленно покидал орбиту Земли. Его пассажиры приникли к иллюминаторам, глядя на родную планету, тающую среди звезд.

Космос требует экономии. Каждый кубический сантиметр внутреннего пространства корабля должен работать. Но люди – умные, чувствительные – просто сошли бы с ума в такой насквозь «функциональной» среде. До сих пор корабельные помещения отделявали только металлом и пластиком. Однако люди с художественным вкусом не желали с этим мириться. Реймонт увидел в коридоре Эмму Глассголд – молекулярного биолога. Она разрисовывала стену, изображая лес по берегам освещенного солнцем озера. Полы в зоне отдыха и жилых отсеках были застелены ярко-зеленым пружинящим, похожим на весеннюю траву покрытием. Воздух, поступающий из кондиционеров, был не только очищен: он пропусклся через гид-

ропонные теплицы, где росли живые растения, а также через систему коллоидных растворов Дарелла. Его температура, запах и ионизация время от времени менялись. Сейчас пахло свежим клевером, а из камбуза доносились аппетитные ароматы – всем известно, что изысканная еда помогает пережить многие лишения.

Целая палуба была отведена под помещения для отдыха. Спортивный зал, он же театр и зал для собраний, занимал ее большую часть. В столовой хватало места, чтобы сидеть с комфортом – даже ноги вытянуть было можно. Тут же располагались комнаты для настольных игр, плавательный бассейн, небольшие садики и беседки. Кое-кто из дизайнеров спорил о том, оборудовать ли эту палубу кабинками для искусственных сновидений или не стоит. Следует ли напоминать людям, приходящим сюда, чтобы развлечься и отдохнуть, о том, что за дверями таких кабинок прячутся суррогаты покинутой ими реальности? Но в конце концов, искусственные сновидения – тоже развлечение, тоже отдых. Не размещать же их в зоне лазарета – а это была единственная альтернатива.

Пока что в этих аппаратах особой необходимости не было. Путешествие только началось. На корабле царил атмосфера радостного возбуждения. Мужчины скандалили, женщины болтали без умолку, столовая оглашалась взрывами хохота, а во время довольно часто проводившихся танцевальных вечеров члены команды флиртовали направо и налево. Проходя по спортивному залу, Реймонт увидел там группу, азартно сражающуюся в ручной мяч. При небольшой силе тяжести, когда игроки могли буквально ходить по стенам, игра представляла собой увлекательнейшее зрелище.

Реймонт вошел в помещение плавательного бассейна. У бортика располагалась уютная ниша, где можно было отдохнуть от шумной толпы. Но сейчас, в двадцать один ноль-ноль, тут никого не было, кроме Джейн Седлер, которая в глубокой задумчивости стояла на краю бассейна, нахмурившись. Джейн, высокая брюнетка из Канады, работала биотехнологом в группе органического синтеза. Черты лица у нее были ничем не примечательные. Тонкая футболка и шорты облегали ее высокую грудь и широкие бедра.

– Какие-нибудь трудности? – поинтересовался Реймонт.

– О, привет, констебль, – ответила она по-английски. – Да нет, все в порядке. Просто я думаю, как бы тут оформить интерьер покрасивее. От меня ждут рекомендаций в этом плане.

– Может, что-нибудь наподобие римских бань?

– Ага! – весело прищурилась Седлер. – Это идея. Но тогда сколько всякого нарисовать нужно? Нимфы, сатиры, тополевы рощицы, здания храмов и тому подобное? Ну что ж... – Она рассмеялась. – Предложу нимф и сатиров. Не понравится – всегда можно переделать, только бы красок хватило. По крайней мере, будет чем заняться.

– Неужели кто-то может прожить пять лет – и еще пять, если нам суждено вернуться, – рассчитывая на хобби? – медленно проговорил Реймонт.

Седлер снова рассмеялась:

– Никто не сможет, конечно. Не волнуйтесь. У каждого на борту полно работы: у кого – научные изыскания, у кого – роман о Великой Космической Эпохе, у кого – преподавание греческого языка вперемежку с тензорными вычислениями.

– Конечно. Я читал программу. Как думаете, она сработает?

– Констебль, да будет вам! У других же экспедиций все получалось, а мы чем хуже? Поплавали бы лучше, поныряли бы, что ли, – посоветовала Седлер, усмехаясь.

Реймонт изобразил улыбку, разделся, повесил одежду на поручень. Джейн Седлер восхищенно присвистнула.

– Ого! – воскликнула она. – Да вы, констебль, культурист, не иначе, – целая коллекция бицепсов, трицепсов и прочего.

– Такая работа. Надо держать себя в форме, – немного смущенно отозвался Реймонт.

– Послушайте, заходите как-нибудь ко мне, когда будете свободны от дежурства, покажете какие-нибудь упражнения, что ли...

– Я бы с радостью, – сказал Реймонт, окинув оценивающим взглядом фигуру Джейн. – Но дело в том, что мы с Ингрид...

– Ладно вам. Я же пошутила. У меня, похоже, в ближайшее время тоже появится постоянный возлюбленный.

– Правда? Кто, если не секрет?

– Элоф Нильссон, – ответила Седлер и предостерегающе подняла руку. – Только, пожалуйста, ничего не говорите. Да, он, конечно, не Адонис. И манеры у него не самые любезные подчас. Но он такой умный, наверное, самый умный на корабле. Его так интересно слушать. И еще... – Она отвела взгляд и закончила: – Он так одинок...

– А вы просто красавица, Джейн, – сказал Реймонт. – Послушайте, у нас с Ингрид тут встреча назначена. Может, присоединитесь к нам?

Джейн запрокинула голову.

– Черт подери, вы хоть и полицейский, а все-таки человек! Не бойтесь, я не выдам вашу тайну. И не задержусь здесь. Личная жизнь – это личная жизнь. Желаю вам тут наедине удачи.

Она помахала рукой и ушла. Реймонт проводил ее взглядом и прыгнул в воду. Вскоре в бассейн вошла Ингрид.

– Прости, что опоздала, – извинилась она. – Была связь с Луной. Очередные идиотские расспросы – как у нас тут дела. Поскорее бы уйти в глубокий космос.

Ингрид поцеловала Реймонта. Он не ответил на поцелуй.

– Что случилось, милый? – обеспокоенно спросила она.

– Скажи, ты считаешь меня слишком грубым? – спросил он требовательно.

Она ответила не сразу. Ее светлые волосы искрились в лучах флуоресцентного света, поток воздуха слегка пошевеливал их. Из спортивного зала доносился шум игры. Наконец Ингрид ответила вопросом:

– Почему ты спрашиваешь?

– Из-за одной фразы. Ничего дурного, но все равно обидно.

Линдгрэн нахмурилась:

– Я тебе уже говорила... несколько раз, когда ты наводил порядок... словом, ты вел себя более жестко, чем нужно, на мой взгляд. На корабле нет дураков, злодеев и саботажников, пойми.

– Что, мне не следовало обрывать Норберта Вильямса, когда он за обедом начал поносить шведов? Знаешь, такие замашки ни к чему хорошему не приведут. Я понимаю, – сказал Реймонт, сцепив одной рукой другую, зажатую в кулак, – военная дисциплина тут ни к чему, она нежелательна... пока. Но я видел столько смертей, Ингрид. Может настать такое время, что мы просто не выживем, если не будем действовать сообща и реагировать на приказы как положено.

– Да, безусловно, на бета-Третьей, – согласилась Линдгрэн. – Хотя автоматическая станция не сообщила о каких-либо признаках наличия там разумной жизни. В худшем случае нам там встретятся вооруженные копьями дикари – но вряд ли они будут настроены враждебно по отношению к нам.

– Я не об этом. Я об опасностях типа бурь, землетрясений, болезней. Бог знает, сколько всякого такого может оказаться на планете, совершенно не похожей на Землю. Мало ли что может случиться по пути. Я не уверен, что люди знают о Вселенной абсолютно все.

– Банально.

– Да. Старо, как космические полеты, и еще старше! Однако не менее реально от этого. – Реймонт задумался, подбирая слова. – Я растерян. Ситуация для меня непривычная. Я пытаюсь... каким-то образом... сохранить само понятие власти, дисциплины. Нет, не тупого пови-

новения уставу и офицерам. Понятие такой власти, которая имеет право послать человека на смерть, если это необходимо, ради спасения остальных.

Она смотрела на него удивленно и испуганно.

– Вижу, ты не понимаешь, – вздохнул Реймонт. – Не можешь понять. Ты жила в слишком благополучном мире.

– Может быть, ты сумел бы мне это объяснить как-то иначе, – нежно проговорила Ингрид. – Может, я бы тоже смогла помочь тебе кое-что понять. Это будет нелегко. Ты ведь никогда не расставался с оружием. Но давай попробуем, ладно? – она улыбнулась и шлепнула его по бедру. – А сейчас, глупыш, мы не на работе. Давай поплаваем?

Ингрид разделась. Реймонт не спускал с нее глаз. Она любила занятия спортом, после которых загорала под ультрафиолетовой лампой. У нее была красивая грудь, широкие бедра, тонкая талия. Чудесный бронзовый загар очень шел к светлым волосам.

– Боже мой, – восхищенно проговорил Реймонт по-русски. – Ты просто красавица!

Она грациозно повернулась на носке.

– К вашим услугам, господин, если поймаете!

Ингрид побежала к трамплину и четко, красиво нырнула. Ее прыжок получился замедленным из-за малой силы тяжести – что-то вроде балета в воздухе. И брызги воды так же замедленно взметнулись и упали.

Реймонт не стал нырять с трамплина – прыгнул прямо с бортика. Плавать было приятно. В воде невесомость не чувствовалась. Казалось, будто купаешься в реке или в море. Ингрид как-то сказала, что из-за таких чудесных мелочей она вряд ли будет мучиться ностальгией. Весь космос принадлежал человеку.

Они плавали наперегонки, ныряли, выныривали, Ингрид то подплывала к Реймонту, то выскальзывала из его объятий и уплывала, и их веселый смех эхом отскакивал от стен. Когда наконец Реймонт догнал и обнял ее, она обвила его шею руками и прошептала:

– Ну все, ты меня поймал...

– М-м-м-м-м... – пробормотал Реймонт и поцеловал ямочку между ключицами. – Давай-ка заберем одежду и пойдем.

Ингрид весила сейчас всего шесть килограммов, и Реймонт легко вынес ее из бассейна на одной руке. Когда он нежно погладил кожу Ингрид, она рассмеялась:

– Сладколюбец!

– Скоро сила тяжести станет обычной, и тогда я вряд ли смогу поднять тебя одной рукой, – напомнил ей Реймонт и со скоростью, при которой на Земле можно было запросто сломать шею, помчался вниз по ступенькам винтовой лестницы к офицерской палубе.

А потом в полутемной каюте Ингрид подперла щеку ладонью, и ее глаза встретились с его глазами. Ее тело казалось янтарно-золотым. Ингрид нежно коснулась щеки Реймонта.

– Ты очаровательный любовник, Карл, – прошептала она. – Лучше тебя у меня никого не было.

– Ты мне тоже очень нравишься, – признался он.

Ингрид нахмурилась, в голосе ее прозвучала нотка боли:

– Но ты только в постели расслабляешься. Да и расслабляешься ли? Забываешь ли обо всем?

– Было бы о чем забывать, – угрюмо пробурчал Реймонт. – Я тебе все про себя рассказал.

– Анекдотики всякие. Обрывки. Все как-то бессвязно... Вот в бассейне впервые за все время ты хоть чуть-чуть раскрылся по-настоящему. Чуть-чуть – и тут же снова спрятался. Почему? Я же не собираюсь обижать тебя, Карл, делать тебе больно.

Он сел, нахмурился.

– Не понимаю, о чем ты. Люди узнают друг друга, когда живут рядом. Ты знаешь, что я люблю художников-классиков, таких как Рембрандт и Бонестель, и терпеть не могу абстракции.

онистов и хромодинамиков. Не очень разбираюсь в музыке. Юмор у меня солдафонский. Что касается политики, то я убежденный консерватор. Больше люблю жареное мясо, чем тефтели, но никогда не прочь культурно развлечься. Я люблю азартные игры, неплохо играю в покер, и здесь бы играл, будь в этом смысл. Люблю и умею работать руками, а потому с удовольствием приму участие в устройстве лабораторных помещений, как только позовут. Не раз пытался прочесть «Войну и мир», но всякий раз засыпаю. Чего же тебе еще? – спросил он, в сердцах хлопнув ладонью по матрасу.

– Я хочу все знать о тебе, – немного грустно сказала Ингрид и красноречиво обвела рукой каюту. Дверца шкафа была открыта, на плечиках висели ее лучшие платья. На полочках были расставлены и разложены любимые безделушки – старая статуэтка Глашатая, лютня, с десятков неразвешенных картин, маленькие фотографии родственников, нарядная шведская кукла. – А ты с собой ничего такого не взял.

– Я всю жизнь кочую со скоростью света.

– И дороги тебе, судя по всему, выпадают нелегкие. Может быть, когда-нибудь ты станешь со мной более откровенен, – сказала Ингрид и обняла Реймонта. – Карл, давай больше не будем об этом. Я не хочу тебя огорчать. Иди ко мне. Понимаешь, все теперь не так просто... Я люблю тебя, Карл...

Когда была набрана нужная скорость, полет земного корабля к тому знаку зодиака, которым управляла Дева, стал свободным. Сопла остыли, и корабль превратился в подобие кометы. Теперь на него действовала только гравитация – определяла курс, уменьшала скорость.

Все шло по плану. Однако действие гравитации нужно было свести к минимуму. В межзвездной навигации слишком много тонкостей, а потому команда – профессиональные космолетчики, ученые и инженеры – трудилась не покладая рук.

Борис Федоров вывел бригаду в открытый космос для осуществления сложнейшей операции. Для того чтобы работать в условиях невесомости, нужно было обладать большим опытом владения как инструментами, так и собственным телом. Но даже самые опытные специалисты ухитрялись порой отстыковываться и отлетать от корабля, а потом, чертыхаясь, выбирать фал и подтягиваться к обшивке. Освещение оставляло желать лучшего: либо глаза слепили лучи солнца, либо царила густая, словно чернила, темнота, которую разрывали только лучики укрепленных на шлемах фонарей. То же самое и со слышимостью. Речь смешивалась с шумом дыхания и пульса – звуки концентрировались и усиливались внутри оболочки скафандра, да добавь сюда еще треск всевозможных космических шумов, – все это звучало в наушниках. Система очистки воздуха в скафандрах была далеко не такая совершенная, как внутри корабля, и потому отработанные газы удалялись плоховато. За несколько часов работы внутри скафандра образовывалась настоящая парилка – запах пота, водяные пары, углекислота, сероводород, ацетон... белье прилипало к телу... жутко болела голова, и даже на звезды смотреть не хотелось.

Но невзирая на все трудности, модуль Буссарда – рукоять и головка клинка – был отсоединен. Отвод его от корабля был делом тонким и небезопасным. В отсутствие трения и тяжести он сохранял каждый грамм своей значительной инерционной массы. Стоило ему начать двигаться, затормозить его было крайне тяжело.

Наконец модуль отплыл от корабля на буксире. Федоров лично проверил результат отстыковки.

– Получилось, – пробурчал он и добавил: – Надеюсь.

Его сотрудники подсоединили свои фалы к буксиру. Федоров сделал то же самое, связался по радио с Теландером. Включились механизмы выбора буксира – он сматывался, унося инженеров внутрь корабля.

У них были причины торопиться. Пока модуль будет двигаться за корпусом приблизительно по одинаковой траектории, вступят в действие дифференциальные силы. Вскоре они

и вызовут нежелательный сдвиг в относительной расстановке. И до начала следующей стадии процесса бригада должна оказаться внутри корабля. За его пределами обстановка создастся, мягко говоря, неблагоприятная для живых организмов.

«Леонора Кристин» выпустила паутину сетей силового поля. Они ярко сверкали в лучах солнца – серебро на черном. Наверное, издавек корабль сейчас был похож на паучка, одного из тех отважных путешественников, что отправляются в дорогу по тоненьким нитям собственных паутинок. Да в конце концов, по сравнению с колоссальными размерами Вселенной «Леонора Кристин» и была крошечной точкой.

И все же то, что сейчас происходило с кораблем, с человеческой точки зрения, было грандиозно. Внутренний источник направил энергию к генераторам ловушек. Паутину ловушек окружило поле магнитогидродинамических сил – невидимое, но простиравшееся на многие тысячи километров; плод динамического взаимодействия, это поле не отличалось статичной конфигурацией, но удерживалось и контролировалось с потрясающей точностью, грандиозно мощное и еще более грандиозно сложное.

Сила поля захватила плывущий на буксире модуль Буссарда, установила его в микрометрически точное положение относительно корпуса корабля и пристыковала к «Леоноре Кристин». Мониторы подтвердили, что операция прошла успешно. Капитан Теландер провел окончательные переговоры с Луной, получил «добро» и отдал приказ. Теперь всю работу на себя взяли автоматы.

Работа ионного ускорителя на малой мощности создала умеренную скорость – десятки километров в секунду. Этого было достаточно, чтобы заработал главный двигатель. Его мощность нарастала и нарастала. «Леонора Кристин» тронулась в путь!

Глава 4

В одном из садов был установлен экран внешнего обзора. Черноту небес и бриллианты звезд прекрасно обрамляли папоротники, орхидеи, фуксии и бугенвиллея. Журчали и поблескивали струи фонтана. Воздух тут был теплее, чем в других отсеках, – влажный, напоенный ароматами цветов и зелени.

Однако все это не позволяло забыть о том, что корабль движется. Система Буссарда не была еще разработана до такой степени, чтобы команда и пассажиры корабля ощущали себя так, как если бы они находились внутри электрической ракеты. Везде теперь была легкая вибрация и слышалось что-то вроде тихого шелеста. Вибрация, правда, была едва заметной и все же пронизывала и металл, и тело, а может быть – и сны...

Эмма Глассголд и Чиюань Айлинь сидели на скамейке среди цветов. До прихода в оранжею они гуляли, болтали. Все шло к тому, что они должны были стать подругами. А вот в оранжеее обе, не сговариваясь, примолкли.

Глассголд вдруг часто заморгала и отвернулась от экрана.

– Не надо было сюда приходить, – пробормотала она. – Давай уйдем.

– Почему? Здесь так красиво, – удивленно откликнулась женщина-планетолог. – Намного приятнее, чем глазеть на голые стены каюты, от которых скоро тошнить начнет. Так и хочется сбежать.

– А вот от этого не сбежишь, – проговорила Глассголд, указывая на экран. В это мгновение он был настроен на дальнюю перспективу, и Солнце виделось звездочкой – такой же, как остальные. Чиюань искоса посмотрела на Глассголд. Биолог тоже была невысокого роста, темноволосая, но глаза у нее были большие и синие, лицо круглое и розовое, фигурка демонстрировала склонность к полноте. Одевалась она просто – как на время работы, так и в свободное время. Не пропуская общих мероприятий, она присутствовала на них скорее как наблюдатель, чем активный участник. – Всего за пару недель, – продолжала Глассголд, – мы добрались до границ Солнечной системы. Каждый день... вернее, каждые двадцать четыре часа, поскольку такие понятия, как «день» и «ночь», для нас больше не существуют. Так вот, каждые двадцать четыре часа наша скорость возрастает на восемьсот сорок пять километров в секунду.

– Ну, такой малютке, как я, остается только радоваться, что сила тяжести вернулась к земной, – попыталась пошутить Чиюань.

– Пойми меня правильно, – пылко откликнулась Глассголд. – Я не собираюсь вопить: «Поверните обратно!» – Она попробовала пошутить: – Ведь тогда я ужасно разочарую психологов, которые меня тестировали. Похоже, – продолжала она печально, – мне нужно время... чтобы немного привыкнуть... ко всему этому.

Чиюань понимающе кивнула. Китайка, одетая в новенькое, с иголки, кимоно (наряды были одним из ее увлечений), была так не похожа на подругу... Она погладила руку Глассголд и попыталась успокоить ее:

– Не ты одна в таком состоянии, Эмма. Этого можно было ожидать. Сейчас многие начинают понимать – не *умом*, а всем своим существом, – что означает участие в таком полете.

– А ты, похоже, совсем не переживаешь.

– Нет. Стоило только Земле растаять позади – и все. Да и до этого я себя чувствовала вполне терпимо. Прощаться тяжело, верно. Но у меня есть кое-какой опыт. Привычка думать о том, что впереди.

– Мне стыдно, – пробормотала Глассголд. – Ведь я жила счастливо. Намного, наверное, счастливее тебя. Может быть, из-за этого я и стала такой чувствительной?

– Ты действительно была счастлива? – негромко спросила Чиюань.

– Ну... да. Разве нет? Ты не знаешь? Родители мои всегда преуспевали. Отец работал инженером на опреснительном заводе, мать – агрономом. В Негеве так красиво, когда зеленеют поля... там тихо, спокойно, не так жарко илюдно, как в Тель-Авиве или Хайфе. Но в университете мне тоже очень нравилось. Была возможность путешествовать и всегда в замечательной компании. Я успешно работала. Да, я была счастлива.

– Почему же тогда ты решила участвовать в этой экспедиции?

– Научный интерес... настоящая эволюция в исследовании планет...

– Нет, Эмма, – Чиюань тряхнула головой, и челка ее взметнулась, словно воронье крыло. – Звездолеты доставили на Землю столько данных, что их хватило бы на сто лет – и улетать никуда не надо. От чего ты бежишь? – Глассголд прикусила губу. – Наверное, не надо было спрашивать, – проговорила Чиюань. – Но мне хочется тебе помочь.

– Я отвечу, – кивнула Глассголд. – Мне кажется, ты и правда можешь мне помочь. Ты моложе меня, но больше видела, больше знаешь. – Глассголд нервно сцепила пальцы. – Если бы я сама могла объяснить, в чем дело... Как это вышло, что города вдруг стали казаться мне вульгарными и глупыми? А когда я приезжала домой навестить родню, и в провинции мне было скучно и пусто. Вот я и подумала, что в экспедиции для меня будет что-то такое – может быть, цель? Не знаю. Заявку на участие я подала, повинаясь душевному порыву. Когда меня вызвали на тестирование, родители так переполошились, что дома просто невозможно было оставаться. А ведь семья у нас была такая дружная! Мне было ужасно больно покидать их. Папа... он всегда был такой большой, надежный... и вдруг сразу постарел, стал каким-то маленьким...

– А мужчина тут не замешан? – поинтересовалась Чиюань. – Про себя я могу тебе сказать, потому что это не секрет. У меня был жених, мы были помолвлены, он знал о том, что я улетаю.

– Был один однокурсник, – пробормотала Глассголд. – Я любила его. И сейчас люблю. А он, наверное, даже не догадывается.

– Бывает, – кивнула Чиюань. – Это либо проходит, либо превращается в болезнь. Эмма, ты же умница. Тебе всего-то и нужно – выбраться из своей скорлупы. Общайся с товарищами по команде. Заботься о них. Выбирайся время от времени из своей каюты к кому-нибудь из мужчин.

– Я так не привыкла, – смущенно проговорила Глассголд.

– Ты что, девственница? – вздернув брови, спросила Чиюань. – Этот номер не пройдет, если нам придется основывать колонию на Третьей бете. Генетического материала – раз-два и обчелся.

– Я хочу выйти замуж как положено, – с трудом скрывая возмущение, сказала Глассголд, – и родить столько детей, сколько дарует мне Бог. И они будут знать, кто их отец. Ничего дурного не случится, если я не стану резвиться на скрипучих койках, пока мы летим. На борту полно девушек, кому такое в радость.

– Вроде меня, – спокойно резюмировала Чиюань. – Без сомнения, будет время, когда наладятся более стабильные связи. Но пока почему бы время от времени не предаваться удовольствиям?

– Прости, – извинилась Глассголд. – Мне не стоило осуждать никого. Это личное дело каждого. Ведь у нас с тобой была такая непохожая жизнь.

– Это верно. И я готова поспорить: моя жизнь была не менее счастливой, чем твоя. Наоборот.

– Что?! – Глассголд широко раскрыла рот от удивления. – Ты, наверное, шутишь.

Чиюань усмехнулась.

– О моем прошлом ты имеешь самые приблизительные сведения, Эмма, если на то пошло. Догадываюсь, о чем ты думаешь. Нищая, разрозненная страна, измученная непрерывными революциями и гражданскими войнами. Семья у меня была просвещенная, приверженная традициям, но бедная – такая бедность ведома только аристократам в самые худшие вре-

мена. Но как только появилась возможность, родители пожертвовали всем, чтобы оплатить мое обучение в Сорбонне. Когда я получила ученую степень, я много трудилась, чтобы вернуть долг и помочь родителям встать на ноги. – Чиюань прищурилась и посмотрела на экран, где Солнце мало-помалу становилось все более тусклой звездочкой, и продолжила: – Теперь о моем женихе. Мы с ним тоже были однокурсниками, вместе учились в Париже. А потом мне пришлось часто отлучаться по работе. В конце концов он отправился к моим родителям, в Пекин. Я должна была приехать туда как можно скорее, и мы должны были стать мужем и женой перед Богом и людьми, а не только фактически. В Пекине произошли уличные беспорядки. Мой жених погиб.

– О боже! – вырвалось у Глассголд.

– Это всего лишь поверхностные факты, – прервала ее Чиюань. – Разве ты не видишь – я тоже была счастлива? У меня был теплый, родной дом, где меня любили, может быть, даже больше, чем тебя, потому что в конце концов мои родители поняли меня и не стали удерживать. Я много повидала, и не из окна купе первого класса. У меня был мой Жак. Были и другие – и до него, и после – он бы не осудил меня за это. Мне не о чем жалеть, меня не мучает неизлечимая боль. Мне повезло, Эмма. Я счастлива. – У Глассголд не нашлось что ответить. Чиюань взяла ее за руку и встала. – Ты должна освободиться от себя самой, – сказала планетолог. – Постепенно ты этому научишься. И может быть, я тебе хоть капельку сумею помочь. Пойдем-ка ко мне в каюту. Мы сошьем тебе платье, которого заслуживает твоя красота. Скоро праздник – День мира, и я хочу, чтобы ты отлично выглядела и от души повеселилась.

Задумайтесь: один световой год – непостижимая бездна времени. Измеримая, но все равно непостижимая. При обычной скорости – ну, скажем, при нормальной скорости автомобиля в городском транспортном потоке, то есть два километра в минуту, – чтобы преодолеть такое расстояние, вам потребуется почти девять миллионов лет. А ближайшие к Солнцу звезды находятся от него на расстоянии в девять световых лет беты Девы – на расстоянии тридцати двух световых лет.

И все же такие расстояния были преодолимы. Корабль, скорость которого при нормальной силе тяжести непрерывно возрастала, преодолевал расстояние в половину светового года чуть меньше чем за год. При этом корабль двигался со скоростью, близкой к предельной – триста тысяч километров в секунду.

Тут возникала масса проблем. Откуда бралась масс-энергия для обеспечения такой скорости? Даже в ньютоновой Вселенной невозможно было представить себе ракету, способную поднять на старте топливо такого веса. В эйнштейновом пространстве проблем по идее должно было возникать еще больше – масса корабля и полезная нагрузка возрастали в зависимости от скорости, стремясь к бесконечным величинам в случае показателей скорости, близких к световой.

Но топливо и материал для реакции существовали в самом космосе! Ведь в космосе было достаточное количество водорода. Безусловно, концентрация его по земным стандартам была невелика: примерно один атом на один кубический сантиметр в районе Солнца. И тем не менее, когда корабль достигал скорости света, на каждый квадратный сантиметр его сечения за секунду обрушивалось тридцать миллиардов атомов водорода. (Эти цифры имеют отношение к первому этапу полета – атомарная плотность межзвездного пространства выше вблизи звезды.) Энергетика поистине ужасающая. Жесткое, проникающее излучение измеряется мегарентгенами, а ведь тысяча рентгенов в час – это смертельная доза. Не помогут никакие экраны. Даже если представить себе немыслимо толстую обшивку, она все равно со временем будет разрушена.

Однако ко времени разработки «Леоноры Кристины» уже были известны нематериальные средства защиты: магнетогидродинамические поля, волны которых распространялись на миллионы километров, захватывая атомы с помощью диполей без нужды в ионизации и направ-

ляя их потоки. Эти поля не были средством пассивной защиты, чем-то вроде щитов. Они не пропускали космическую пыль и все газы, за исключением водорода. Водород они улавливали, отводили от корпуса на безопасное расстояние и направляли в специальную воронку, где происходило его сжатие, а затем – электромагнитное воспламенение в двигателе Буссарда.

Корабль был не маленький, и все-таки, по сравнению с размерами окружавшего его поля, он казался всего-навсего металлической песчинкой. При этом сам корабль никакого поля уже не генерировал. Он только инициировал процесс при минимальной реактивной скорости. Ни термоядерных реакторов, ни трубок Вентури – всей системы, приводившей корабль в движение, – ничего этого не было на борту. Система эта была большей частью вообще не материальна, а представляла собой результат приложения векторов космического масштаба.

Устройства управления кораблем, оснащенные компьютером, даже отдаленно не напоминали автопилот. Они являлись скорее некими катализаторами, которые при умелом манипулировании могли воздействовать на течение чудовищных реакций, управлять ими, вовремя замедлять и прекращать... но не резко, а постепенно.

Звездным светом полыхала водородная горелка в модуле Буссарда: здесь фокусировались электромагнитные силы. Грандиозное действие газового лазера превращало фотоны в мощный пучок энергии, которая и толкала корабль вперед. Любое твердое тело, попавшее в этот пучок, превращалось в пар. Процесс был эффективен не на все сто процентов. Но большая часть свободной энергии шла на ионизацию водорода, ускользнувшего от сгорания. Эти протоны и электроны вместе с продуктами сгорания также отбрасывались назад силовыми полями – язык плазмы, вносившей свою лепту в обеспечение движения корабля.

Процесс этот не отличался устойчивостью. Скорее, своей нестабильностью он был близок к обмену веществ в живом организме и точно так же постоянно балансировал на грани катастрофы. В материальном составе космического пространства существовали непредсказуемые колебания. Охват, интенсивность и конфигурация силовых полей должны были регулироваться в зависимости от этих показателей, с учетом миллионов разнообразнейших факторов – такая задача была по плечу только компьютерам. Поступление информации и подача ответных сигналов производились со скоростью света – потрясающей скоростью, при которой миллион километров преодолевался за три целых и три десятых секунды. И все же такая скорость была далека от идеальной и могла привести к смертельной ошибке. И опасность такой ошибки нарастала, поскольку «Леонора Кристин» двигалась уже со скоростью, настолько близкой к предельной, что начали происходить временные сдвиги.

Но тем не менее... шли недели и месяцы, а корабль летел вперед.

В результате многократных циклов биологические отходы превращались в воздух для дыхания, питьевую воду, пищевые продукты и органическое волокно, и все это служило для поддержания равновесия среды в помещениях корабля. Побочным продуктом переработки отходов являлся этиловый спирт, служивший сырьем для производства небольшого количества вина и пива. Крепких напитков не производили и почти не употребляли. Но кое-кто, конечно, захватил с собой с Земли бутылки спиртного. Наличие винного пайка на корабле давало пьющим преимущество – непьющие с готовностью отдавали им свою долю, а те могли сберечь свой неприкосновенный земной запас для особых случаев.

Строгих правил на сей счет не существовало, но довольно быстро установилась традиция выпивать не в каютах, а в столовой. Для удобства общения здесь стояли отдельные столики вместо общего длинного стола. А потому в промежутках между трапезами столовая запросто превращалась в клуб. Мужчины-энтузиасты оборудовали около одной из стен бар, где можно было приготовить коктейли и лед, завесили переборки плотными шторами – видимо, им казалось, что разрисованные стены меньше соответствуют обстановке, которая должна сопутствовать принятию спиртного. Из динамиков лилась негромкая музыка, приятная для слуха – милая смесь от гальярда шестнадцатого века до последних новинок, транслировавшихся с Земли.

Около восьми вечера в клубе, как правило, не было ни души – в это время в спортивном зале начинались танцы. Все, кто был свободен от вахты и хотел потанцевать – а таких было большинство, – отправлялись переодеться. Все, особенно женщины, старались принарядиться. Техник Иоганн Фрайвальд выглядел отлично в золотистой рубашке и серебристых брюках – этот наряд сшила ему его подруга. Поскольку она запаздывала, да и оркестр еще не был в сборе, Фрайвальд принял приглашение Элофа Нильссона отправиться в бар.

– Только, чур, ни слова о работе, ладно? – попросил Фрайвальд, широкоплечий весельчак с крупными чертами лица. Сквозь жидковатые светлые волосы проглядывала уже обозначившаяся розоватая лысина.

Нильссон хрипловато проговорил:

– Но мне срочно нужно обсудить с тобой кое-что, пока я не забыл. Знаешь, меня просто озарило, когда я переодевался. – Он просто-таки сгорал от нетерпения. – И прежде чем размышлять дальше, мне бы хотелось проверить свою догадку на практике.

– Jawohl¹², – согласился Фрайвальд, – если ты угощаешь и не станешь долго мучить меня.

Астроном отыскал на полке собственную бутылку, захватил два стакана и направился к столу.

– Я прихвачу воды, – сказал Фрайвальд, но Нильссон не расслышал. – Эх, Нильссон, Нильссон, – вздохнул Фрайвальд, взял кувшин с водой и последовал за товарищем.

Нильссон уселся за столик, вытащил блокнот и принялся что-то чертить. Он был невысокого роста, толстый, неряшливый и некрасивый. Его не в меру амбициозный отец растил и воспитывал Нильссона как вундеркинда и решил во что бы то ни стало сделать его знаменитостью. Родом Нильссон был из древнего университетского города Упсала. Брак Нильссона вышел крайне неудачным – похоже, и он, и его супруга приняли решение пожениться от отчаяния, и в итоге Нильссон, невзирая на то что у них был ребенок, развелся с женой, как только получил возможность записаться в команду «Леоноры Кристин». Но когда он начинал говорить не на простые общечеловеческие темы – конечно, тут он был полный профан, – а о своей науке, почти сразу же забывалось о его высокомерии и напыщенности, вспоминалось о том, что именно он окончательно доказал гипотезу о колебаниях Вселенной, и воочию виделось, как вокруг его головы сверкает звездный венец...

– ...уникальная возможность получить некоторые ценнейшие данные. Ты только подумай, от чего мы отталкиваемся: десять парсеков. Да плюс возможность исследовать спектр гамма-лучей с более высокой точностью, при условии, что они трансформированы в менее энергетические фотоны. И не только это. И все равно я неудовлетворен.

Не думаю, что мне так уж необходимо пялиться на электронное изображение неба – узкополосное, затуманенное, с помехами, не говоря уже о треклятых оптических сдвигах. Нам нужно установить на обшивке зеркала. Улавливаемое ими изображение можно передать по световодам к биноклям, фотоувеличителям и камерам на борту.

– Брось, – возразил Фрайвальд. – Я отлично знаю: все предыдущие попытки сделать такое провалились. Нет, всю конструкцию, конечно, можно собрать и смонтировать снаружи корабля, но индукционное поле Буссардова модуля очень скоро превратит зеркало в... ну, словом, оно будет годиться разве что для комнаты смеха. Это точно.

– Вот я и придумал, как оборудовать защитный пластик сенсорами, контурами обратной связи и автоматическими флексорами, которые будут управлять положением зеркал, – все это будет автоматически компенсировать возможные искажения. Мне бы хотелось услышать твое мнение по поводу того, насколько реально собрать такую конструкцию – можно сделать и апробировать-таки флексоры, Фрайвальд, или нет? Вот черновой набросок, посмотри...

Нильссона прервали.

---

¹² Ладно (нем.).

– А, старики, вот вы где!

Астроном и механик подняли головы. К ним направлялся Вильямс. В правой руке химика была зажата бутылка, а в левой – наполовину осушенный бокал. Физиономия его была краснее, чем обычно, он тяжело дышал.

– Was zum Teufel!¹³ – воскликнул Фрайвальд.

– А ну-ка, по-английски, парень, – сказал Вильямс. – Нынче только по-английски. А еще лучше – по-американски, да. – Он подошел к столику, плюхнулся на стул так, что тот чуть не развалился под его весом. От Вильямса жутко разило виски. – Слышишь ты, швед? Сегодня чтоб болтали по-нашему, по-американски. Понял?

– Пожалуйста, оставьте нас, – вежливо попросил астроном.

Но Вильямс не ушел. Он облокотился о стол и грозно спросил:

– Знаете, что сегодня за день? А, знаете?

– Сомневаюсь, что вам это известно, учитывая ваше состояние, – проговорил по-шведски Нильссон, с трудом скрывая брезгливость. – По календарю сегодня четвертое июля.

– Вер-р-р-но говоришь! – прорычал Вильямс. – А что это значит, понимаешь? Нет? – Вильямс повернулся к Фрайвальду. – А ты, Хайни, понимаешь?

– Годовщина, да? – угадал механик.

– Точ-чно, годовщина! Как это ты догадался? – вздернул брови Вильямс и поднял бокал. – Ну-ка выпейте-ка со мной, вы. Эт-то я нарочно поберег на сегодня. Ну, выпьем?

Фрайвальд дружески подмигнул Вильямсу и чокнулся с ним.

– Prosit! – произнес он и выпил.

Нильссон выдавил:

– Skal!¹⁴, – но поставил бокал на стол, пить не стал.

– Ч-твертое июля, – проговорил Вильямс. – День н-не-завис-симости. М-моей ст-траны. А я хотел, чтоб вечеринка для всех... А никто не захотел. Ну, один кто-то со мной тяпнул, ну еще кто-то... а потом принялись за свои танцульки... – Он уставился на Нильссона пьяными глазами. – Слуш-шай, швед, – проговорил он грубо. – Или ты с-со мной выпьешь щас, или я тебе с-стакан в г-глотку вс-суну.

Фрайвальд крепко сжал руку Вильямса. Химик сделал попытку встать. Но Фрайвальд удержал его.

– Успокойтесь, прошу вас, доктор Вильямс, – сдержанно уговаривал американца немец. – Если вам хочется отметить национальный праздник, мы с удовольствием присоединимся к вам. Верно? – подмигнул он Нильссону.

Астроном едва слышно проговорил:

– Я знаю, в чем дело. Мне еще до отлета рассказывал один сведущий человек. Он пережил крах. Не сумел смириться с идеей руководства.

– Чертова преуспевающая государственная бюрократия! – пьяным эхом откликнулся Вильямс.

– И стал мечтать о том, как было бы славно, если бы миром снова, как в имперскую эру, правила его страна, – продолжал Нильссон. – Ему мерещилась система свободного предпринимательства – да существовала ли она вообще? Лично я сильно сомневаюсь. В итоге он стал политиком-реакционером. И когда руководящие власти собрались арестовать некоторых видных американских деятелей по обвинению в конспирационной деятельности, представляющей угрозу Мирному Договору...

---

¹³ Какого черта! (нем.)

¹⁴ Ваше здоровье (нем., швед.).

– Я смылся, – закончил за Нильссона Вильямс срывающимся, готовым перейти в визг голосом. – Н-на д-другую звездоч-чку. В н-новый, т-с-з-ть, мир. С-свобода, а? С-свобода, я говорю, ну и что же, что тут ш-шведы всякие под ногами путаются? Все равно с-свобода.

– Видишь? – с усмешкой обратился Нильссон к Фрайвальду. – Он – всего-навсего жертва романтического национализма. Нашей древней державе тоже пришлось его перебороть в течение жизни последнего поколения. Жаль, что его не утешают исторические романы и паршивая эпическая поэзия.

– Ро-ман-ти-ч-ско-го?! – взревел Вильямс, тщетно пытаясь стряхнуть руку Фрайвальда. – Ч-что бы ты п-нимал, д-дерьмо ты л-лупоглазое, куриная твоя башка! Д-да я бы с т-тобой в-водиться н-не стал! Да и небось не водился с тобой никто... Брали тебя в в-викингов играть, а? То-то! А бабы тебя люб-били, а? Жена сбежала, поди? А меня люб-били, понял, еще как люб-били, тебе и не с-снилось, с-сукин ты сын! А н-ну, пус-сти меня, я ему покаж-жу, кто з-здесь м-мужчина!

– Пожалуйста, – умоляюще проговорил Фрайвальд. – Bitte¹⁵, джентльмены. – Он встал и вцепился в плечи Вильямса, не давая тому подняться. В упор посмотрел на Нильссона. – И вы тоже, сэр, – продолжил довольно резко. – Вы не имели права дразнить его. Могли бы оказать любезность человеку и выпить в честь его национального праздника.

Нильссон открыл рот, чтобы возразить, но тут вошла Джейн Седлер. Конец беседы она выслушала, стоя в дверях столовой. Затем подошла к столику. Выглядела удивительно торжественно в строгом платье. Нахмутив брови, она сказала:

– Иоганн прав, Элоф. Давай-ка лучше пойдем отсюда.

– Идти плясать? – возмущенно воскликнул Нильссон. – После такого?

– Особенно после такого, – резко кивнула Седлер. – Ох и надоело мне твое упрямство, дорогой. Ругаться будем или оставим все, как есть?

Нильссон, сердито бормоча что-то, все-таки поднялся и предложил Джейн руку. Она была чуть-чуть выше его ростом. Вильямс обмяк, по лицу его было видно, что он того и гляди расплачется пьяными слезами.

– Я побуду с ним, Джейн, попробую его утешить, – шепотом пообещал Фрайвальд.

– Конечно, Иоганн, у тебя получится, – нервно улыбнулась Седлер. У нее с Фрайвальдом был короткий роман, а потом она ушла к Нильссону. Их взгляды встретились. Нильссон шаркнул ногами, кашлянул. – Еще увидимся, – сказала Седлер, и они вышли из столовой.

---

¹⁵ Пожалуйста (нем.).

Глава 5

Когда «Леонора Кристин» набрала скорость, близкую к скорости света, даже невооруженным глазом стали видны оптические последствия передвижения с такой скоростью. Скорость корабля и скорость лучей света от звезд складывались, как векторы, и результатом этого были оптические аберрации. Видимое положение предметов, за исключением неподвижных, и впереди и позади оказывалось сдвинутым. Созвездия меняли привычные очертания, становились странными, неузнаваемыми, а то и вовсе исчезали, а звезды, их составляющие, беспомощно блуждали во тьме. Позади корабля звезд становилось все меньше, а впереди – все больше.

Одновременно вступил в силу эффект Допплера. Поскольку корабль преодолевал световые волны, источники которых находились за кормой, для корабля длина волн возрастала, а частота – снижалась. Точно так же по отношению к встречным световым волнам происходило уменьшение длины и рост частоты. И в результате объекты позади виделись как бы сдвинутыми в красную область спектра, а впереди – в синюю.

На капитанском мостике стоял трансформирующий व्यюер – единственный на корабле, поскольку прибор этот был сложный и дорогой. Компьютер производил непрерывные расчеты реальной картины неба за бортом – такой, какой бы она была, будь корабль неподвижен – и проецировал на экран именно такую картину. Этот прибор стоял на мостике не для удобства или развлечения. Нет! Это было незаменимое навигационное устройство.

Естественно, компьютеру была необходима информация о том, где в действительности находится корабль и с какой скоростью относительно других небесных тел он движется. А определить это было совсем не просто. Скорость – точная скорость, как и точное направление движения, колебались в зависимости от вариантов состава межзвездного пространства, из-за вынужденного несовершенства отдачи комплекса Буссарда, а также из-за времени, в течение которого корабль двигался с ускорением. Отклонение от заданного курса было ничтожным, однако в астрономических масштабах любая неточность могла стать последней каплей в чаше роковых ошибок. И всякую ошибку надо было исправлять, как только она возникала.

А потому аккуратный, крепкого телосложения чернобородый навигатор Опост Будро был одним из тех немногих, кто должен был выполнять свои обязанности в течение всего полета. Работа его не сводилась к простой логической цепочке типа определить местоположение и скорость корабля и за счет полученных данных скорректировать оптические сдвиги, дабы на основании данных коррекций проверить данные о местоположении и скорости корабля. Главными маяками для Будро служили далекие галактики, дополнительную информацию он черпал из статистического анализа наблюдений за отдельными, расположенными ближе к кораблю звездами, математические расчеты осуществлял с помощью формул последовательного приближения.

Специфика работы превращала Будро в правую руку капитана Теландера, который проверял расчеты, вводил в компьютер и отдавал команды относительно тех или иных изменений в курсе корабля, а также сделала Будро главным помощником Бориса Федорова, который осуществлял эти приказы на практике. В итоге работа шла слаженно и четко. Никто из членов экипажа не замечал никаких изменений, ну разве что порой корабль пронизывала легкая дрожь или во время минимального нарастания вектора ускорения ощущалось что-то вроде наклона палубы на несколько градусов.

Помимо всего прочего, Будро и Федоров старались поддерживать связь с Землей. «Леонора Кристин» пока находилась в пределах досягаемости для коммуникационных сетей Солнечной системы. Несмотря на сложности в связи из-за воздействия силовых полей корабля, пучок лучей мазера с Луны все еще доставал «Леонору Кристин», и по нему шли вопросы, развлекательные передачи, новости, поздравления. А корабль пока мог отвечать с помощью

своего передатчика. На самом деле связь должна была стать регулярной тогда, когда «Леонора Кристин» доберется до беты Девы. Ее предшественник, автоматическая станция, без всяких проблем принимала и передавала информацию. Станция и теперь производила передачу данных, но принимать информацию возможности на корабле не было, и члены команды собирались прочесть всю информацию со станции в записи по прибытии к месту назначения.

Проблемы коммуникации были таковы: Солнце и планеты – это крупные, стабильные небесные тела. Они движутся в пространстве с умеренной скоростью, которая редко превышает пятьдесят километров в секунду. При этом движутся они плавно, не делая каких-либо зигзагов. Очень просто вычислить, где они будут находиться через много веков, и соответствующим образом ориентировать пучок волн, несущий ту или иную информацию. Космический корабль – совсем другое дело. Люди не вечны, они должны спешить. Аберрации и сдвиги вследствие эффекта Доплера влияют и на радиоволны. Со временем сообщения с Луны начнут поступать на такой частоте, что никакие бортовые устройства не в состоянии будут их уловить. Но еще раньше, за счет того или иного непредсказуемого фактора, к тому времени, когда временной разрыв между мазерным проектором и кораблем будет составлять несколько месяцев, луч потеряет корабль из виду.

Федоров, совмещавший также и должность главного связиста, возился с детекторами и усилителями. Он усиливал сигналы, посылаемые кораблем в сторону Солнца в надежде, что они помогут ему более точно определить будущее местоположение корабля. Несмотря на то что он понимал, что пройдет несколько дней, пока придет ответ, он не отчаивался. И бывал вознагражден. Но когда «Леонора Кристин» вошла в глубокий космос, качество приема стало хуже, длительность – короче, а промежутки между сеансами связи – длиннее.

Ингрид Линдгрэн нажала кнопку звонка. Звукоизоляция кают была настолько совершенна, что стучать в дверь было бесполезно. Ответа не последовало. Она еще раз позвонила, и снова никто не ответил. Линдгрэн растерялась; постояла, переминаясь с ноги на ногу, и в конце концов нерешительно нажала ручку. Дверь была не заперта. Ингрид толкнула дверь и, не заглядывая в каюту, негромко позвала:

– Борис! Ты дома? Все в порядке?

Ингрид услышала скрип, шорох и звук шагов. Федоров распахнул дверь.

– О! – воскликнул он. – Добрый день.

Ингрид смотрела на него. Федоров был грузным мужчиной среднего роста, лицо у него было широкое, скуластое, каштановые волосы на висках тронула седина – а ведь ему было всего сорок два. Он явно несколько дней не брился и одет был в комбинезон, напыленный, видимо, второпях.

– Можно войти? – спросила Ингрид.

– Пожалуйста, – сказал Федоров, впустил Линдгрэн и закрыл за ней дверь. Половина каюты была отделена ширмой, на второй половине обитал руководитель биосистемщиков Перейра. Кровать была не прибрана. На столике стояла бутылка водки.

– Прошу прощения за беспорядок, – извинился Федоров. – Выпить хочешь? Стаканов нет, но можно из горлышка... Все здоровы. – Федоров хмыкнул, нет, скорее крякнул. – Откуда тут микробам взяться?

Линдгрэн присела на краешек кровати.

– Нет, спасибо, – отказалась она. – Я при исполнении.

– Да и я вроде бы тоже. Только... – Федоров, ссутулившись, встал около Линдгрэн. – В общем, я позвонил на мостик и сказал, что неважно себя чувствую и мне лучше передохнуть.

– Может, тебе стоит показаться доктору Латвале?

– Зачем? Физически я в полном порядке. – Федоров помолчал и сделал вывод: – Ты пришла меня проведать.

– Это моя обязанность. Твоя личная жизнь – это твоя личная жизнь. Но ты один из самых важных сотрудников на корабле.

Федоров улыбнулся. Улыбка получилась такая же вымученная, как и смешок, который он выдавил из себя чуть раньше.

– Не волнуйся, – сказал он. – С головкой у меня тоже все в норме.

Он потянулся за бутылкой, но отдернул руку.

– Знаешь, это даже не ступор, нет. Просто что-то вроде... как это у американцев называется... кайф, вот как.

– Кайфовать лучше в компании, – объявила Линдгрэн и, немного помолчав, добавила:

– Пожалуй, я все-таки выпью немного.

Федоров подал ей бутылку и уселся рядом на кровать. Ингрид приняла бутылку и проговорила:

– Skal.

Сделав маленький глоток, она передала бутылку Федорову, тот пробормотал по-русски:

– Твое здоровье, – и выпил.

Некоторое время они сидели молча, потом Федоров поерзал и сказал:

– Ладно. Тебе-то нужно об этом узнать. Вообще-то я бы никому не сказал, особенно... женщине. Но про тебя я кое-что знаю, Ингрид... Ингрид, дочь Гуннара, так?

– Точно, Борис Ильич.

Он внимательно посмотрел на нее и улыбнулся более искренно.

Ингрид сидела удобно, ей было уютно, и вся ее фигурка, казалось, излучала тепло и доброту.

– Я верю... – запнулся Федоров. – То есть надеюсь, что ты все поймешь и никому не станешь рассказывать о том, что я тебе скажу.

– Обещаю молчать. Если речь о понимании, то я попробую понять.

Ингрид переплела пальцы, оперлась локтями о колени.

– Дело сугубо личное, понимаешь? – сказал Федоров тихо, запинаясь. – Ничего такого страшного. Скоро пройдет. Просто... последняя передача... меня расстроила.

– Музыка?

– Да. Музыка. Уровень помех был такой, что телевизионные приемники не приняли передачу, да и звук был не лучше. Это последняя передача, Ингрид, дочь Гуннара, и больше передач не будет, пока мы не доберемся до цели и не станем принимать информацию, устаревшую на сто лет. В эти последние минуты, когда звук то исчезал, то снова появлялся, прорываясь сквозь треск и шипение помех, и в конце концов музыка смолкла – я понял, что больше ничего не будет.

Федоров замолчал. Ингрид ждала.

Он встряхнулся.

– А передавали русскую колыбельную, – печально проговорил Федоров. – Мне ее мама пела.

Ингрид положила руку на плечо Федорова и легонько погладила.

– Только не думай, что я занимаюсь тем, что сижу и себя жалею, – торопливо проговорил Федоров. – Это пройдет. Просто вспомнились те, кого я уже никогда не увижу.

– Наверное, я тебя понимаю, – пробормотала Ингрид.

Для Федорова это был второй межзвездный полет. Раньше он летал на дельту Павонис. Данные, полученные автоматическими станциями, говорили о том, что эта планета может быть похожа на Землю, и экспедиция отправилась туда, обуреваемая высокими помыслами. Реальность же оказалась настолько кошмарной, что оставшиеся в живых члены экспедиции проявили истинный героизм, задержавшись там и осуществив исследования в течение минимума

времени. К моменту возвращения на Землю для астронавтов прошло двенадцать лет, а на Земле за это время минуло сорок три.

– Сомневаюсь, что поймешь. – Федоров покачал головой и развернулся к Ингрид. – Да, мы понимали, что за период нашего отсутствия умрут наши близкие. Мы понимали, что многое изменится. Понимаешь, поначалу я даже радовался, что узнаю кое-что в своем родном городе: лунные дорожки на глади воды каналов и рек, купола и башни Казанского собора, Александра и Буцефала на мосту в начале Невского проспекта, сокровища Эрмитажа... – Федоров отвернулся и устало покачал головой. – Но сама жизнь... Она стала совсем другой. Встретиться с ней было все равно что встретиться с любимой и узнать, что она стала шлюхой. – Федоров брезгливо осклабился. – Вот именно! Я работал в космосе пять лет как проклятый – исследования, разработки, – все ради усовершенствования двигателя Буссарда, как ты, надеюсь, помнишь. Ну и ради того, чтобы добиться назначения на эту должность. На Третьей бете можно все начать сначала. – Федоров замолчал, а потом проговорил еле слышно: – И тут вдруг мамина песенка... В последний раз...

Он поднес к губам бутылку.

Ингрид молчала минуты две, потом сказала:

– Пожалуй, Борис, теперь я немного понимаю, почему это на тебя так подействовало. Я ведь занималась социоисторией. Когда ты был мальчишкой, люди были... как бы это поточнее выразиться... ну, менее расслаблены, что ли. В большинстве стран они залечивали раны, нанесенные войной, занимались контролем над рождаемостью и порядком в общественной жизни. Теперь деятельность людей переключилась на совершенно иные проблемы, на осуществление проектов, захватывающих воображение, – как на Земле, так и в космосе. Такое впечатление, что нет ничего невозможного. А в основе устремлений человечества лежит готовность к тяжкому труду, патриотизм, преданность делу. Наверное, у тебя всегда было два божества, которым ты преклонялся всей душой, – Отец-Техника и Мать-Россия. – Ингрид накрыла руку Федорова своей ладонью. – Ты вернулся, – сказала она, – а никто не обрадовался. – Он кивнул и прикусил губу. – Потому ты презираешь современных женщин? – спросила она.

– Нет! – вздрогнул Федоров. – Что ты!

– Так почему же тогда ни один из твоих романов не длился больше двух недель, а чаще – одну ночь, свободную от вахты? – резко спросила Ингрид. – Почему тебе легко и весело только в мужской компании? Надеюсь, мы, другая половина человечества, все же интересуем тебя не только телесно? Или ты думаешь, тут и интересоваться нечем? Ведь то, что ты сказал только что насчет шлюх...

– С дельты Павонис я вернулся с твердым намерением жениться, – обиженно ответил Федоров.

Линдгрэн вздохнула.

– Борис, нравы меняются. С моей точки зрения, ты рос во времена неразумного пуританства. Но оно было оправданно, поскольку было реакцией на ранее процветающую распущенность... ну да ладно... – Ингрид продолжала, старательно подбирая слова: – Дело в том, что человеческие идеалы все время претерпевали изменения. Массовый энтузиазм, царивший в годы твоей юности, сменился холодным, рациональным классицизмом. Теперь и классицизм отступает, а на смену ему приходит нечто вроде неоромантизма. Одному Богу ведомо, к чему это все приведет. Может быть, мне не придется по сердцу перемены. Но как бы то ни было, подрастает новое поколение. И мы не имеем права навязывать ему свою мораль, свои вкусы, свое отношение к жизни. Вселенная слишком велика.

Федоров словно окаменел. Ингрид уже решила встать и уйти, но он вдруг пошевелился, схватил ее за руку и усадил снова рядом с собой.

– Ингрид, – с трудом выговорил он. – Мне бы хотелось... поближе познакомиться с тобой... как с человеком.

– Я рада.

Федоров поджал губы.

– А теперь тебе лучше уйти. У тебя роман с Реймонтом. Я не хотел бы неприятностей.

– Мне бы хотелось дружить с тобой, Борис, – призналась Ингрид. – Ты мне с первой встречи запомнился, и я восхищаюсь тобой. Ты мужественный, прекрасный ученый, ты добрый – воспитательные качества для мужчины. Мне бы хотелось, чтобы все эти качества увидели твои товарищи по экипажу, особенно – женского пола.

– Лучше уходи, – пробурчал Федоров, сдерживаясь, чтобы не обнять Ингрид.

Она прищурившись посмотрела на него.

– Я уйду, – сказала она. – Но если нам еще придется поговорить, ты обещаешь говорить со мной откровенно?

– Не знаю, – ответил он. – Надеюсь, но не знаю.

– Давай попробуем, – предложила Ингрид. – Прямо сейчас. Я не тороплюсь, меня никто не ждет.

Глава 6

Каждый из ученых, членов экипажа, запланировал как минимум один научный проект, дабы занять делом первые пять лет полета. Проект Глассголд был посвящен изучению химических основ жизни на второй планете эпсилон Эридана. Разобрав и установив в лаборатории свои приборы, Глассголд занялась экспериментами с фотофитами и культурами ткани. Через некоторое время она получила продукты реакций и теперь занималась выяснением того, что они собой представляют. Норберт Вильямс проводил анализы по просьбе сразу нескольких ученых, в том числе и для Глассголд.

Шел первый год полета, и однажды поздно вечером Вильямс принес в лабораторию Глассголд результаты исследования последнего материала, переданного ему для анализа, – с результатами он всегда являлся лично.

Глассголд радостно приветствовала вошедшего в лабораторию Вильямса. Рабочий стол, около которого она стояла, был заставлен пробирками, сосудами и всевозможными приборами – тут были рН-метр, смеситель, устройство для изготовления срезов и еще целая куча оборудования.

– Понимаешь, – сказала Глассголд, – мне ужасно не терпится узнать, какие именно метаболиты производят сейчас мои зверюшки.

– Ну и беспорядочек... – пробурчал Вильямс, с трудом найдя место, чтобы положить на стол пару листков, исписанных результатами анализов. – Эмма, ты уж прости, но придется повторить. И, боюсь, не один раз. Работать с микроскопическими количествами крайне трудно. Мне приходится проводить хроматографические исследования всех типов, которые я могу провести, да еще рентгеновскую дифракцию, да еще целую серию ферментных проб – тут они все перечислены, – чтобы хоть приблизительно определить структурную формулу.

– Понятно, – вздохнула Глассголд. – Прости, я создаю тебе дополнительную нагрузку.

– Да это ерунда – нагрузка. Чем мне еще заниматься, пока мы не долетим до беты Девы? Без работы я бы просто сбрендил, честно говоря, а твоя работа – самая интересная, – признался Вильямс и пригладил волосы. – Хотя, опять-таки честно говоря, не могу понять, зачем тебе это нужно, кроме как убить время. Я к тому, что теми же самыми проблемами занимаются на Земле, только там народу побольше этим занято и оборудование получше. Там наверняка расщелкают все твои загадки еще до того, как мы доберемся до цели.

– Наверняка, – кивнула Эмма. – Вопрос в том, попадут ли к нам результаты?

– Думаю, не попадут, если мы не будем проявлять интереса. Да если и пошлем запрос, ответ придет тогда, когда мы уже состаримся или, того хуже, помрем. – Вильямс наклонился к Глассголд через стол. – Все дело вот в чем: на что нам вот это сдалось? Какая бы биологическая жизнь ни встретилась нам на бете Девы, все равно будет другая, не такая, как эта.

– Отчасти ты прав, – согласилась Глассголд. – Но практическая польза от моих исследований все же есть. Чем шире будут мои знания о разнообразии жизни во Вселенной, тем легче мне будет изучать ее частные проявления там, куда мы летим. И тогда мы скорее и точнее поймем, следует ли нам жить там и звать к себе других людей с Земли.

Вильямс потер подбородок.

– Гм-м-м. Пожалуй, ты права. С этой точки зрения я на дело не смотрел.

Слова их были весьма прозаичны, но за ними скрывалась патетика. Ведь экспедиция летела к бете Девы не из праздного любопытства, не просто, так сказать, посмотреть. Это было бы слишком расточительно – потратить на любопытство столько времени, труда, связывать столько надежд, мечтаний... Да и покорить новую планету так легко, как в свое время была покорена Америка, никто не надеялся.

Экипажу предстояло провести как минимум пять лет в системе беты Девы, исследовать тамошние планеты с помощью имевшегося на корабле оборудования, дабы дополнить информацию, ранее полученную автоматическими станциями. А если третья планета системы окажется обитаемой, экипаж «Леоноры Кристин» никогда уже не вернется на Землю, даже профессиональные космолетчики. Им придется остаться на планете и умереть там, но до этого – нянчить детей и внуков, открывать тайны и загадки нового мира и передавать отгадки на Землю тем, кто жаждет их услышать. Ведь действительно любая планета – это мир, всегда иной, всегда бесконечно таинственный. А эта планета так сильно и так странно напоминала Землю, что открывать ее загадки, скорее всего, будет восхитительно и захватывающе.

Экипаж «Леоноры Кристин» был непоколебим в своей решимости основать такую научную базу. Но еще больше путешественники возлагали надежды на то, что их потомки не захотят улетать из новоявленной колонии, что Третья бета обязательно превратится из базы в колонию, а из колонии – в Новую Землю, а потом и в ту стартовую площадку, откуда отправятся к далеким звездам новые экспедиции. Иначе завоевать Галактику было просто невозможно.

И, словно пытаясь отвернуться от картин, переполнявших ее воображение, и немного стыдясь своих чувств, Глассголд, покраснев, призналась:

– И потом... я увлечена изучением жизни эпсилон Эридана. Я хочу узнать, откуда она берет свое начало, что ею управляет. Ты же сам сказал: если нам суждено остаться, все ответы придется добывать самим – ведь пока мы живы, с Земли их не получить.

Вильямс молча вертел в руках набор для титрования. Он глубоко задумался, но в конце концов шум вентилятора, резкие химические запахи, яркие цвета реагентов и красителей заставили его очнуться.

– Гм-м-м, – промычал он. – Эмма...

– Да? – рассеянно отозвалась Глассголд.

– Как насчет перерыва? Давай заглянем в клуб – выпьем немножко перед обедом. Ставлю свой паек.

Глассголд ушла за стойку с приборами.

– Н-нет, спасибо, – смущенно ответила она. – Я... У меня полно работы.

– И времени на работу – хоть отбавляй, – заметил Вильямс. – Ну ладно, не хочешь коктейля, а как насчет чашечки кофе? Или по саду побродим?.. Слушай, я не собираюсь к тебе приставать – просто хочется поближе познакомиться, и все.

Глассголд сглотнула подступивший к горлу комок и улыбнулась.

– Хорошо, Норберт, – проговорила она с неожиданной теплотой. – Мне тоже этого хочется.

Через год после старта «Леонора Кристин» летела со скоростью, близкой к предельной. До цели оставалось лететь тридцать один год, и еще год должен был уйти на то, чтобы замедлить скорость.

Но на самом деле все было не совсем так. В предыдущем утверждении не взята в расчет относительность. Именно потому, что существует абсолютная предельная скорость (то есть скорость света и нейтрино в вакууме), существует и взаимозависимость таких понятий, как пространство, время, материя и энергия. В уравнениях появляется фактор «тау». Если c – это скорость света, а v – скорость корабля, то тау равно:

$$t = \gamma / c.$$

И чем ближе v к c , тем ближе тау к нулю.

Представим, что посторонний наблюдатель измеряет массу космического корабля. Получаемый результат отражает массу покоя, то есть массу корабля, не движущегося по отношению к наблюдателю, поделенную на тау. Таким образом, чем быстрее движется корабль, тем больше его масса, что соответствует общим законам Вселенной. Дополнительную массу корабль приобретает из кинетической энергии движения: $e = mc^2$.

Кроме того, если наш «стационарный» наблюдатель смог бы сверить время на корабельных часах с временем на своих собственных, он бы заметил расхождение. Промежуток между двумя событиями (к примеру, от рождения до смерти), измеренный на борту корабля, где это происходит, равен промежутку, проходящему по часам наблюдателя, умноженному на τ_0 . То есть можно сказать, что внутри корабля время течет пропорционально медленнее.

Уменьшаются параметры длины. Наблюдателю корабль видится укороченным в направлении движения – укороченным на фактор τ_0 .

А измерения, производимые на корабле, имеют такие же особенности. Для члена экипажа, наблюдающего с борта корабля за Вселенной, звезды выглядят как бы уменьшенными, но при этом масса их увеличена, расстояние между ними уменьшено, они сияют и появляются в поле зрения удивительно замедленно.

Но на самом деле картина еще более сложная. Не следует забывать о том, что корабль в действительности и набирает ускорение, и замедляет полет относительно всего космоса в целом. Из-за этого проблема выходит за рамки частной относительности и становится всеобъемлемой. Взаимоотношения типа «звезда – корабль» в действительности не отличаются симметрией. Не возникает близнецового парадокса. Когда скорости уравниются вновь и произойдет восстановление, звезда преодолеет расстояние медленнее, чем корабль.

Если уменьшить τ_0 до одной сотой и вывести корабль в свободный полет, расстояние длиной в световое столетие для вас минет за один год по вашим часам. Безусловно, за эти сто лет на Земле ваши друзья и родственники состарятся и умрут, и вам никогда не вернуть этих лет. При таких параметрах τ_0 неизбежно стократное увеличение массы. Двигатель Буссарда, черпающий из космоса энергию водорода, способен это обеспечить. На самом деле, глупо было бы останавливать двигатель и дрейфовать, когда можно взять и уменьшить значение τ_0 .

Итак, для того чтобы добраться до других звезд и при этом не успеть состариться, необходимо непрерывное ускорение до самого момента, пока корабль не подлетит вплотную к избранной звездной системе, после чего необходимо перевести работу модуля Буссарда в режим замедления. Ограничивает движение скорость света, показателей которой достичь полностью не удастся никогда. Но вот в чем вы не ограничены, так это в том, что можете приближаться к ее значению сколь угодно близко. Следовательно, вы не ограничены и в возможности уменьшать значение τ_0 .

В течение года, во время которого сила тяжести на борту «Леоноры Кристин» составляла единицу, различия между движением корабля и движением медленно летящих звезд накапливались незаметно. Теперь график круто пошел вверх. Экипаж корабля постоянно замечал, что расстояние до цели сокращается, но не только потому, что корабль приближается к ней, но еще и потому, что для них, относительно них, меняется геометрия пространства. Чем дальше, тем больше чувствовалось, как естественные процессы, происходящие за бортом «Леоноры Кристин», ускоряются.

На глаз, правда, это было еще не так уж заметно. На самом деле, в соответствии с программой полета, средний показатель τ_0 должен был немного превышать 0,015. Но настало мгновение, когда продолжительность минуты на борту «Леоноры Кристин» стала соответствовать шестьдесят одной секунде в галактике, потом – шестидесяти двум, шестидесяти трем... шестидесяти четырем... шестидесяти пяти... шестидесяти шести... шестидесяти семи...

Первое Рождество, а с ним и другие праздники – Ханука, Новый год, дни зимнего солнцестояния, которые члены экипажа праздновали все вместе, – наступили довольно скоро, в самом начале путешествия, и ознаменовались проведением веселого и красочного карнавала. На следующий год праздники встретили несколько более сдержанно, но все же все палубы были украшены самодельными гирляндами, в мастерских вовсю порхали иголки и ножницы, из камбуза доносились запахи пряностей – каждый старался по-своему порадовать кого-то еще. Гидропонисты, посоветовавшись, решили, что, пожалуй, могут пожертвовать свежие лозы и ветки

для того, чтобы в спортивном зале было водружено некое подобие елки. Фильмотеку потрясли до основания и отобрали фильмы, в которых действие происходило зимой, – снег, катание на санках и все такое прочее... из динамиков лились мелодии рождественских гимнов. Шли репетиции мистерии. Шеф-повар Кардуччи продумывал, как лучше организовать банкеты. Общественные помещения и каюты оглашались радостным смехом – ни одного вечера не обходилось без сбора. В соответствии с молчаливым договором никто не вспоминал о том, что с каждой секундой Земля становится еще на триста тысяч километров дальше.

Реймонт шагал по гудящей, словно улей, палубе, где располагались помещения для отдыха. Кое-кто из членов экипажа развешивал по стенам новые самодельные украшения. Конечно, с материалами для рукоделия на корабле было туговато, но умельцы ухитрились смастерить украшения из того, что было под руками, и развешивали цепи, склеенные из алюминиевой фольги, стеклянные шарики, игрушки, сшитые из лоскутков. А другие играли в разные игры, болтали, пили крепкие напитки и угощали остальных, флиртовали, шумели. А из динамика, заглушая болтовню, смех, шум, шелест и треск, лилась мелодия:

Adeste, fideles,
Laete, triumphantes,
Venite, venite ad Bethleem!¹⁶

И, похоже, она одинаково радовала Ивамото Тетсуо, Гуссейна Садека, Иешу бен-Цви, Мохандаса Чидамбарана, Пхра Такха, Като М'Боту, и Ольгу Собески, и Иоганна Фрайвальда.

Механик, заметив Реймонта, добродушно взревел:

– Guten Tag, meine Liebe Schutzmann!¹⁷ Иди-ка приложись к моей бутылочке! – и, подняв бутылку, приветственно помахал ею. Другой рукой он обнимал Маргариту Хименес. Над их головами к переборке был пришпилен листок бумаги, на котором красовалась надпись: «ОМЕЛА»¹⁸.

Реймонт остановился. С Фрайвальдом они были приятели.

– Спасибо, не могу, – поблагодарил он. – Бориса Федорова не видел? Я думал, он тут появится после работы.

– Н-нет, я его не видел. Я тоже думал, он явится – тут у нас видишь как весело. А он вроде в последнее время вообще как-то повеселел, вот только почему – в толк не возьму. А на что он тебе сдался?

– По делу.

– По делу... Вечно ты в делах, – проворчал Фрайвальд. – Надо же и отдохнуть когда-то. Что до меня, то я отдыхаю на все сто! – воскликнул Фрайвальд и прижал к себе Хименес. Она прильнула к нему. – А ты ему не звонил в каюту?

– Звонил, конечно. Не отвечает. – Реймонт шагнул прочь, но обернулся и сказал: – Схожу к нему, а потом, может, и вернусь хлебнуть твоего шнапса.

Он пошел дальше по палубе и, когда спускался по лестнице на офицерскую палубу, все еще слышал мелодию и слова: «Iesu, tibi sit gloria»¹⁹. В коридоре было пусто. Реймонт подошел к двери каюты Федорова и нажал кнопку звонка.

Инженер тут же открыл дверь. На нем была облегающая пижама. На столике красовалась бутылка французского вина, два бокала и блюдо с сэндвичами по-датски. Он был явно не на шутку удивлен. Растерянно отступил на шаг внутрь каюты.

---

¹⁶ «Приблизьтесь, верные, Ликуйте, Празднующие, Придите, придите в Вифлеем» (лат.) – строчки рождественского гимна.

¹⁷ Добрый день, мой любимый полицейский! (нем.)

¹⁸ В некоторых европейских странах в канун Рождества стены домов украшают ветками омелы.

¹⁹ «Иисусе, слава тебе» (лат.).

– Что... – пробормотал он по-русски. – Ты?

– Можно с тобой поговорить?

– Гм-м-м, – протянул Федоров. – Я жду гостя.

Реймонт усмехнулся:

– Дело понятное. Не волнуйся, я долго не задержусь. Но дело срочное.

Федоров поморщился.

– Такое срочное? Нельзя подождать, когда я заступлю на вахту?

– Видишь ли, поговорить надо с глазу на глаз, – объяснил Реймонт. – И капитан Теландер так считает. Этот момент не был учтен в программе, – продолжал Реймонт, пройдя в каюту мимо Федорова. – По программе мы должны были перейти к режиму большого ускорения седьмого января. Тебе лучше известно, что на подготовительные работы твоим ребятам понадобятся два-три дня, да и всем остальным тоже достанется. Ну, словом, как-то уж получилось, что те, кто составлял программу полета, выпустили из виду, что шестое января – число особое для жителей некоторых западноевропейских стран. Двенадцатая Ночь, Канун праздника Трех Святых Королей – называй как хочешь, но все равно это последние дни в цепи новогодних праздников. В прошлом году про шестое нечаянно позабыли, а вот в этом году я слышал разговоры о том, что было бы славно встретить праздник как положено – с танцами и чем-то наподобие древних ритуалов. И как было бы здорово, если бы все получилось! Подумай, ведь от настроения людей так много зависит, и было бы просто кощунством отказать экипажу в желании повеселиться. Словом, мы со шкипером хотели бы, чтобы ты подумал о возможности отложить переход к высокому ускорению на несколько дней.

– Ладно, ладно, я подумаю, – торопливо пообещал Федоров и стал теснить Реймонта к распахнутой двери. – Завтра поговорим...

Но он опоздал. На пороге стояла Ингрид Линдгрэн. Она была в форме – видимо, спустилась сюда сразу после окончания вахты на капитанском мостике.

– Yud!²⁰ – вырвалось у нее.

Она застыла на месте.

– О, Линдгрэн! – попытался изобразить удивление Федоров. – Какими судьбами?

Реймонт чуть не задохнулся. Лицо его окаменело. Он, как и Линдгрэн, стоял не двигаясь, только так крепко сжал кулаки, что ногти впились в ладони и костяшки пальцев побелели.

А из динамика полилась мелодия нового рождественского гимна.

Линдгрэн лихорадочно переводила взгляд с Реймонта на Федорова. Она жутко побледнела. Вдруг она резко выпрямилась, запрокинула голову и сказала:

– Нет, Борис. Не будем лгать.

– Верно, не стоит, – холодно согласился Реймонт.

Федоров развернулся к нему.

– Да! – крикнул он. – Хорошо! Я скажу! Да, мы были вместе несколько раз. Она тебе не жена!

– Я этого и не утверждал, – возразил Реймонт, не сводя глаз с Линдгрэн. Но я собирался сделать ей предложение, когда мы доберемся до цели.

– Карл... – прошептала Линдгрэн. – Я люблю тебя.

– Я понимаю, один партнер может прискучить, – словно не расслышав ее признания, продолжал Реймонт ледяным тоном. – Тебе захотелось развлечься. Твое право. Только я думал, ты все-таки выше того, чтобы делать это тайком.

– Оставь ее в покое! – крикнул Федоров и бросился к Реймонту.

Констебль уклонился от удара и выставил руку. Инженер отлетел, в ярости глотая воздух, опустился на край кровати и принялся потирать ушибленную руку.

---

²⁰ Боже! (швед.)

– Перелома нет, – успокоил его Реймонт. – Но если ты тронешься с места, пока я здесь, я тебе его обеспечу. Только, – добавил он, словно извиняясь, – не считай это ударом по своему мужскому достоинству. Я просто-напросто, в отличие от тебя, специалист по рукопашному бою, вот и все. Мы же цивилизованные люди, так давай ими и останемся. Тем более что драться незачем. Она, насколько я понимаю, твоя.

– Карл...

Линдгрэн робко шагнула к Реймонту. По ее щекам текли слезы.

Реймонт отвесил ей театральный поклон.

– Вещи из твоей каюты заберу, как только разыщу свободную койку.

– Нет, Карл... Карл... – Она схватила его за рубашку. – Я никогда не думала... Послушай... Я была нужна Борису. Да, я признаюсь, мне было с ним хорошо, но дальше дружбы у нас не заходило, и... я должна была ему помочь, а с тобой...

– Почему же ты мне ничего не рассказывала? Или ты считала, что это не мое дело?

– Нет-нет, я так не думала, но я боялась... ты мог такое сказать... ты ведь так ревнив... а тут ревность ни при чем, потому что мне нужен только ты, только ты один!

– Всю жизнь я был беден, – сказал Реймонт, глядя ей в глаза. – И до сих пор у меня примитивная мораль бедняка – в частности в том, что касается собственности. На Земле еще можно было хоть что-то с этим поделаться. Сразиться с соперником, развеять тоску долгим путешествием или нам с тобой куда-нибудь вместе перебраться. А здесь это невозможно – ни то, ни другое, ни третье.

– Как ты не понимаешь?! – воскликнула она.

– А ты? – спросил он, снова до боли сжав кулаки. – Нет, – сказал Реймонт, покачав головой, – ты совершенно искренне считаешь, что не сделала мне ничего плохого. Будем считать – искренне. Мне будет очень тяжело без тебя.

Реймонт оторвал от себя руки Линдгрэн.

– Прекрати хныкать! – рявкнул он.

Она вздрогнула, ссутулилась, замерла.

Федоров злобно взревел и сделал попытку встать.

Ингрид махнула рукой, веля ему сидеть.

– Так-то лучше, – кивнул Реймонт и шагнул к двери. Овернувшись, он посмотрел на парочку. – Никаких сцен, интриг и жалоб, – твердо заявил он. – Когда пятьдесят человек заперты в одной скорлупке, все либо ведут себя как подобает, либо все погибают. Мистер инженер Федоров, капитан Теландер и я хотели бы получить от вас сведения по интересующему нас вопросу как можно скорее. Вы можете посоветоваться со старшим помощником Линдгрэн, не забывая о том, что предмет разговора желательно не разглашать до того дня, когда мы будем готовы сделать официальное объявление. – И вдруг на один только миг боль и обида взяли верх, и Реймонт процедил сквозь зубы: – Главное для нас – корабль, черт бы вас подрал! – Но, тут же взяв себя в руки, он пробормотал, щелкнув каблуками: – Мои извинения. Желаю приятно провести вечер.

И вышел.

Федоров встал, подошел к Линдгрэн и обнял ее.

– Мне... очень жаль... – проговорил он смущенно и неуклюже. – Если бы я думал, что вот так выйдет, я бы ни за что...

– Ты не виноват, Борис, – с трудом шевеля губами, проговорила Ингрид.

– Если бы ты согласилась перебраться ко мне, я был бы рад.

– Нет, спасибо, – холодно отказалась она. – Пока мне лучше в эти игры не играть. Я, пожалуй, пойду, – сказала Ингрид и освободилась из объятий Федорова. – Спокойной ночи.

Дверь за ней закрылась, и Федоров остался один, не считая сэндвичей и вина.

Дитя святое Вифлеема,
Сойди к нам поскорей! —

лился из динамика светлый мотив псалма.

После внесения соответствующих изменений в программу полета «Леонора Кристин» была переведена в режим движения с высоким ускорением — сразу же после праздника Крещения Господня²¹.

В масштабах Вселенной мало что изменилось. Ведь корабль уже давно летел со скоростью, близкой к скорости света. Но при более быстром уменьшении показателей тау, при том, что его средняя величина становилась все меньше, время на корабле, естественно, начинало течь медленнее.

Раскинув шире паутину ловушек водорода, раскалив сильнее термоядерную горелку, от которой работал двигатель Буссарда, корабль увеличил силу тяжести до трех g . Произойди такое при низкой скорости, она возросла бы почти на тридцать метров в секунду. При теперешней же скорости корабля увеличение ее было едва заметным, и чем дальше — тем меньше. Это — снаружи. Внутри корабля сила тяжести возросла втрое, и показатели эти были ощутимы и вполне реальны.

Вряд ли бы сумели люди выдержать такую перегрузку и остаться в живых. Слишком велика была бы такая стрессовая нагрузка для сердца, легких, а в особенности — для жидкостного баланса в человеческом организме. Борьбаться с перегрузкой, в принципе, можно было бы с помощью лекарств. Но был и другой способ — намного лучше.

Силы, которые приближали скорость корабля вплотную к скорости света, были не просто грандиозны. При необходимости они могли быть подвергнуты точнейшей корректировке. Настолько точной, что их взаимодействие с космосом — его материей и его собственными силовыми полями — могло поддерживаться почти что на постоянном уровне, несмотря ни на какие перемены во внешних условиях. Точно так же и толкающая корабль вперед энергия могла быть соответствующим образом трансформирована в более слабые поля внутри обшивки.

Затем этой установившейся взаимосвязью можно было оперировать на основе асимметрии атомов и молекул, и в итоге величина ускорения приравнивалась бы к той, которую продуцировал внутренний генератор. Правда, на практике все было не так уж идеально и компенсация нормальной силы тяжести не достигалась полностью.

И все-таки сила тяжести внутри корабля оставалась близкой к той, что наблюдалась бы на поверхности Земли, независимо от того, какую скорость набирал корабль.

Подобное смягчение эффекта перегрузок достигалось только при релятивистских скоростях. При передвижении с умеренной скоростью и, соответственно, при высоких параметрах тау атомы недостаточно массивны, слишком капризны и непослушны, чтобы их можно было успешно улавливать. При приближении к скорости света атомы становятся тяжелее — не сами по себе, а по отношению ко всему, что находится за бортом корабля, — до тех пор, пока взаимодействие полей между кораблем и космосом не примет устойчивую конфигурацию.

Сила тяжести, увеличенная втрое, — это не предел. При условии того, что паутина ловушек расправлена полностью, в таких участках, где материя менее рассеяна — например в туманностях, — сила тяжести могла быть увеличена еще сильнее. Сейчас же, при условии высокой рассеянности атомов водорода, мало было только выигрывать во времени — поскольку формула имеет вид гиперболической функции, — для того чтобы понизить предел безопасности. При компьютерной разработке программы полета были учтены и другие факторы, такие как оптимизация приращений массы по отношению к минимизации преодоленного расстояния.

---

²¹ Праздник Крещения Господня по церковному календарю отмечается 19 января (6 января по старому стилю).

Таким образом, тау не возрастало бесконечно. Это был динамичный показатель. Его воздействие на массу, пространство и время можно было рассматривать как фундаментальное явление, создававшее совершенно новые взаимоотношения между человеком и Вселенной, по которой он летел.

На корабельном календаре значился апрель, а на часах – утро. Просыпаясь, Реймонт не потягивался, не зевал, как большинство мужчин. Он по обыкновению сразу и резко садился.

Чиюань Айлинь проснулась раньше. Она совсем по-азиатски сидела на коленях на полу около кровати и смотрела на Реймонта удивительно серьезно – совсем не похожая на ту игривую и возбужденную женщину, что провела с ним ночь.

– Что-нибудь случилось? – встревоженно спросил Реймонт.

Она только шире открыла глаза и вздрогнула. Потом медленно улыбнулась.

– Знаешь, – задумчиво проговорила она, – я видела когда-то ручного ястреба. Ну, то есть не такого, какими бывают домашние собаки, – он охотился со своим хозяином и, полетав, садился на его плечо. Просыпаешься ты в точности как тот ястреб.

– Пф-ф-ф, – фыркнул Реймонт. – У тебя вид встревоженный, я про это спросил.

– Я не встревожена, Чарльз. Я задумалась.

Реймонт невольно залюбовался ею. Когда она была раздета, в ее облике не оставалось ничего мальчишеского. Грудь у китайки, правда, была маленькая, но ее очертания в сочетании с тонкой талией делали фигурку Чиюань гармоничной. А смуглая нежная кожа цветом напоминала песчаные дюны на берегу залива Сан-Франциско, согретые летним солнцем. Черные блестящие волосы Чиюань пахли этим солнцем – казалось, они вобрали в себя все тепло Земли.

Ночь они провели в каюте Реймонта, вернее, на его половине, шторой отделенной от половины соседа – Фоксе-Джемисона. Обстановка тут явно не отвечала присутствию такой красавицы. В ее каюте царила красота.

– О чем? – спросил Реймонт.

– О тебе. О нас.

– Волшебная была ночь, – улыбнулся Реймонт и, наклонившись, погладил шею Чиюань. Она тоже улыбнулась и замурлыкала. – Хочешь, чтобы она продлилась?

Она снова стала серьезна.

– Знаешь, о чем я думала? – проговорила она, и Реймонт нахмурился. – О понимании между нами. У нас обоих были романы. По крайней мере, у тебя-то точно, за последние несколько месяцев. – Реймонт помрачнел. – У меня, конечно, ничего такого серьезного не было. Так, кратковременные интрижки, – торопливо продолжала Чиюань. – И честно тебе скажу, никакой охоты у меня нет продолжать в том же духе. Как минимум, все это кокетство, заигрывание бесконечное... словом, это отвлекает меня от работы. А я сейчас разрабатываю серьезные гипотезы о строении коры планет. Для этого нужно как следует сосредоточиться. Тут помогла бы долгая, прочная связь.

– Мне не хотелось бы заключать никаких контрактов, – буркнул Реймонт.

Она обняла его за плечи.

– Я все понимаю. Я не об этом. И не прошу и не предлагаю ничего подобного. Просто... чем больше времени мы проводим вместе – говорим, танцуем и все остальное... ты мне все больше нравишься. Ты спокойный, сильный, нежный, по крайней мере со мной. Я бы могла быть счастлива с тобой – пусть не будет ничего официального, но пусть будет некий альянс, о котором бы знали все на корабле, и пусть это продолжается ровно столько, сколько мы оба будем этого хотеть.

– Идет! – воскликнул Реймонт и поцеловал ее.

– Так быстро соглашаешься? – удивилась китайка.

– Ну так ведь я тоже об этом думал. И я подустал от флирта. С тобой мне будет легко... – проговорил он и нежно коснулся ее талии и бедра. – Очень легко.

– Много ли в этих словах исходит от сердца? – шутливо спросила Чиюань и рассмеялась. – О нет, прошу прощения, такие вопросы под запретом... Не перебраться ли нам ко мне в каюту? Я точно знаю, что Мария Тооманен не откажется поменяться с тобой местами. Тем более что она тоже держит свою половину каюты закрытой.

– Отлично, – кивнул Реймонт. – Милая, а ведь у нас еще целый час до завтрака...

Третий год полета «Леоноры Кристины» близился к концу, десятый – по звездным часам, когда случилось несчастье.

Глава 7

Внешний наблюдатель, неподвижный по отношению к звездам, увидел бы все намного раньше, чем находящийся на корабле. При той бешеной скорости, с которой летела «Леонора Кристин», она, можно сказать, двигалась наполовину вслепую. Даже не располагая такими совершенными сенсорами, какими располагал корабль, сторонний наблюдатель узнал бы о грозящей катастрофе на несколько недель раньше. Но даже существуй он на самом деле, он не смог бы о ней предупредить.

Но никакого наблюдателя не было, а была только ночь, раскинувшаяся между бесконечно далекими друг от друга солнцами, снежная белизна Млечного Пути да редкое призрачное мерцание туманностей или других галактик. На расстоянии в девять световых лет от Солнца корабль был совершенно одинок.

Автоматический сигнал тревоги разбудил капитана Теландера. Он открыл глаза и сел на койке, а вслед за сигналом тревоги из динамика послышался голос Линдгрена: «Kors i Herren pamn!»²² От того, сколько страха и тревоги было в ее голосе, Теландер проснулся окончательно. Не переодеваясь и не задерживаясь, дабы ответить на сигнал, он выбежал из каюты.

На счастье, он был одет – читая микрофильмированный роман, взятый из библиотеки, Теландер задремал прямо в одежде.

На бегу капитан не заметил ничего – ни разукрашенных «под весну» переборок, ни запаха грозы, которым были наполнены коридоры, – кроме вибрации и необычного шума двигателя. Ступени винтовой лестницы дрожали и скрежетали под его подошвами, и эхо этого скрежета гулко разносилось по пролетам.

Капитан домчался до следующей палубы и вбежал в рубку. Линдгрена стояла около вьюера. Вьюер... Что вьюер? Не больше чем игрушка при таких обстоятельствах. Правду говорили приборы – огоньки на панели пульта управления словно взбесились. И все же Линдгрена не отрываясь смотрела в окуляр.

Капитан проскользнул мимо нее. Сигнал тревоги, разбудивший его, все еще мигал на экране, подсоединенном к астрономическому компьютеру. Капитан прочел данные и несколько секунд не мог вдохнуть. Он лихорадочно пробежался глазами по шкалам и дисплеям. Принтер щелкнул, и из его щели выползла лента. Капитан схватил ее. Значки и цифры бесстрастно и подробно, с точностью до запятой, отражали результаты расчетов. А на экране мерцал и мерцал сигнал тревоги.

Теландер нажал кнопку сигнала общей тревоги. Взыли сирены, и их вой эхом прокатился по коридорам. По интеркому капитан отдал приказ всем членам экипажа, свободным от вахты, собраться в зале вместе с пассажирами. И добавил через мгновение, что каналы внутренней связи будут открыты, для того чтобы те, кто находится при исполнении обязанностей, также смогли принять участие в собрании.

– Что же будем делать? – вскрикнула Линдгрена в наступившей тишине.

– Боюсь, почти ничего, – буркнул Теландер и подошел к вьюеру. – Там что-нибудь видно?

– Плохо. Четвертый квадрат, – ответила Линдгрена, закрыла глаза и отвернулась.

Капитан прильнул к окуляру вьюера. Перед его глазами предстало космическое пространство, увеличенное во много раз. Изображение оказалось туманным и несколько искаженным. При той скорости, которую набрала «Леонора Кристин», оптика не успевала устранять дефекты изображения. И все же звезды были видны – прекрасные, чудные, подобные бриллиантам, аметистам, рубинам, топазам, изумрудам, – настоящая сокровищница. Ближе к центру горела бета Девы. По идее она должна была выглядеть почти как земное Солнце, но из-

---

²² Господи Всевышний! (швед.)

за спектральных сдвигов обрела холодно-голубоватый оттенок. Но вот и она, на самом краю поля зрения, эта крошечная тучка... Неужели она должна была уничтожить корабль и погубить пятьдесят человеческих жизней?

Капитан не успел толком сосредоточиться. Корабль огласился криками, топотом, восклицаниями. Теландер оторвался от окуляра, выпрямился и сказал:

– Я схожу на корму. Надо проконсультироваться с Федоровым, прежде чем я обращусь к остальным. Нет, – покачал он головой, заметив, что Линдгрэн хочет идти с ним. – Оставайся на мостике.

– Зачем? – резко спросила она. – Это приказ?

– Да, – кивнул Теландер. – Твоя вахта еще не закончилась. – На бледном лице капитана мелькнуло слабое подобие улыбки. – Если только ты не веришь в Бога, приказы – это единственное, на что мы сейчас можем положиться.

Сейчас никому не пришло бы в голову, что обстановка гимнастического зала – скажем баскетбольные корзины – совершенно не соответствует яркой, праздничной одежде собравшихся там людей. Многие не успели переодеться. Большинство стояли, поскольку времени расставить стулья тоже не было. Взгляды всех были прикованы к Теландеру, который поднялся на сцену. Все замерли. Лица у многих покрылись испариной... корабль продолжал сотрясаться.

Теландер оперся руками о край трибуны.

– Дамы и господа, – проговорил он, разрывая голосом тишину. – У меня плохие новости. – И, не останавливаясь, торопливо продолжил: – Позвольте мне сразу сказать вам, что, судя по поступившей к этому часу информации, наши шансы остаться в живых отнюдь не безнадёжны. Но мы в беде. Не могу сказать, что такая ситуация не была предусмотрена, но сама природа угрозы такова, что ее нельзя было предусмотреть, во всяком случае – в наше время, когда технология Буссарда находится на раннем этапе разработки...

– Ближе к делу, черт бы вас подрал! – крикнул Норберт Вильямс.

– Тихо, вы! – сказал Реймонт. В отличие от большинства собравшихся, стоявших, взяв друг друга за руки, он находился рядом со сценой в полном одиночестве. Значок констебля красовался на его темно-коричневом форменном костюме.

– Вы не имеете... – начал было Вильямс, но, видимо, кто-то его одернул, поскольку он умолк, не договорив фразы.

Теландер заговорил еще более встревоженно и торопливо:

– Приборы обнаружили... препятствие. Небольшую туманность. Можно сказать, крошечную, скопление пыли и газа, в поперечнике не более миллиарда километров. Но она перемещается с необычайной скоростью. Может быть, это остаток более крупной туманности, образовавшейся вследствие взрыва сверхновой, но такой, который сохраняется за счет действия гидромагнитных сил. Может быть – просто звезда. Точно не знаю.

Но факт состоит в том, что мы с этой туманностью столкнемся. Примерно через двадцать четыре часа по корабельному времени. Что при этом произойдет, я тоже не знаю. Если повезет, мы пролетим ее насквозь, не получив серьезных повреждений. Если нет... если возникнет перегрузка защитного поля... что сказать? Мы все знали о том, что наше путешествие таит в себе опасности. – Капитан услышал тяжелые вздохи, похожие на тот, какой он сам издал, когда увидел результаты расчетов, увидел, как люди закрывают глаза, хмурятся, как дрожат их губы, как чьи-то пальцы чертят в воздухе какие-то знаки – наверное, пытаясь отвести беду... – Подготовиться к столкновению практически невозможно. Кое-какие меры по защите корабля, безусловно, приняты, но на самом деле защита, что называется, на пределе. К моменту столкновения мы будем во всеоружии. Так что... теперь можно обсудить сложившуюся ситуацию.

Вильямс, оттолкнув великана М'Боту, прорвался к сцене.

– Господин капитан! Автоматическая станция на маршруте не выявила никаких опасностей. По крайней мере, она о них ни слова не сообщила. Верно? Кто же отвечает за то, что мы вляпались в такую дрянь?

Зал загомонил.

– Тише! – крикнул Реймонт. Вернее, всем показалось, что крикнул, хотя на самом деле он произнес слово негромко, но придал ему силу и вес. Кое-кто бросил на него недовольные взгляды, но шум сразу утих.

– Мне показалось, что я все четко объяснил, – сказал Теландер. – Облако это по космическим масштабам невелико, неярко, на большом расстоянии невидимо и невыевимо. Оно движется с большой скоростью, исчисляемой в километрах в секунду. Таким образом, если предположить, что станция двигалась по маршруту, идентичному нашему, эта туманность запросто могла ей не попасться – ведь это было пятьдесят лет назад, не забывайте. Кроме того... мы можем не сомневаться в том, что маршрут следования станции и наш маршрут не совпадают полностью. Нужно помнить не только об относительном смещении нашего Солнца и беты Девы, но и о расстоянии между ними. Тридцать два световых года – это намного больше, чем в состоянии себе представить наш ограниченный разум. Крошечные колебания линии, абстрактно проведенной от звезды к звезде, означают грандиозные сдвиги многих астрономических объектов на этой линии.

– Подобная ситуация не могла быть предусмотрена заранее, – добавил Реймонт. – Вероятность столкнуться с чем-либо подобным была крайне невелика. И все же время от времени кому-то выпадает длинная соломинка.

Теландер вздрогнул.

– Я вас не узнаю, констебль. Я не давал вам слова.

Реймонт вспыхнул.

– Капитан, я всего-навсего пытаюсь упростить дело, чтобы вас не держали тут, заставляя разжевывать очевидное. Так мы будем языками трепать, пока не врежемся.

– Не оскорбляйте товарищей, констебль. И будьте добры, дождитесь, пока я дам вам слово.

– Прошу прощения, капитан, – извинился Реймонт, сложил руки за спиной и помрачнел.

Теландер проговорил, вкладывая в слова всю, какую мог, заботу и участие:

– Прошу вас, не бойтесь задавать вопросы, какими бы глупыми они вам ни показались. Все вы располагаете знаниями в области теории межзвездной астронавтики. Но я, будучи профессионалом, знаю, как странны могут быть ее парадоксы, как трудно их понять и осмыслить. Будет лучше, если каждый поймет, с чем именно нам предстоит столкнуться... Доктор Гласголд?

Специалистка по молекулярной биологии опустила руку и смущенно начала:

– Не могли бы мы... я хочу сказать, что... понимаете, на Земле небулярные объекты, подобные такому, с каким нам предстоит встретиться, считаются областями с высоким вакуумом. Правда? А мы... мы летим почти что со скоростью света, и с каждой секундой скорость нарастает. И масса, соответственно. Наше обратное тау, видимо, в настоящий момент составляет что-то около пятнадцати. А это означает, что масса корабля грандиозна. Так каким образом нас может остановить облачко пыли и газа?

– Хорошо подмечено, – кивнул Теландер. – Если нам повезет, мы проскочим сквозь него без сколь-либо значительных повреждений. Но не забывайте, что пыль и газ движутся относительно корабля так же быстро и их масса точно так же возрастает.

На облако должны воздействовать силовые поля, обеспечить захват водорода, подачу его в систему двигателя и отогнать лишнюю материю от обшивки. Это скажется на нас определенным образом. Более того, произойдет все крайне резко и быстро. То, что поля способны сде-

лать, скажем, за час, они не сумеют сделать за минуту. Мы должны надеяться, что поле справится с этой задачей и что обшивка выдержит напряжение.

Я переговорил с инженером Федоровым. Он считает, что, скорее всего, серьезные повреждения нам не грозят. Однако он подчеркивает, что его точка зрения – всего лишь экстраполяция. В эпоху освоения новой техники чему-либо научиться можно только на собственном опыте. Мистер Ивamoto?

– С-с-с-т! Как я понимаю, обогнуть туманность невозможно? Один день по корабельному времени – это же почти две недели по часам космоса, или я не прав? Словом, уклониться от этой небу... небулы нельзя?

– Нет, боюсь, что нельзя, – покачал головой Теландер. – Мы набираем ускорение при утроенной силе тяжести. Что же касается окружающей нас Вселенной, это ускорение непостоянно, но неуклонно снижается. А потому мы неспособны резко изменить курс. Даже полный вектор, нормальный при нашей скорости, не уведет нас достаточно далеко в сторону от столкновения. Словом, как бы то ни было, у нас не хватит времени подготовиться к такому серьезному изменению графика полета. Слушаю вас, бортинженер М'Боту.

– А если бы сбавили ускорение, это не помогло бы? Мы должны все время оперировать в одном или другом режиме, ведь мы на это способны – вперед или назад то есть. Но я подумал, что, если бы сбавили ускорение, это смягчило бы последствия столкновения.

– Компьютер на этот счет никаких рекомендаций не дает. Может быть, ему недостает информации. Но в лучшем случае это даст всего лишь крошечный процент сдвига... Боюсь, что... Я думаю, что у нас нет иного выбора, кроме как... Да?

– Вляпаться, – проговорил Реймонт по-английски.

Теландер бросил на него раздраженный взгляд. Реймонт остался невозмутим.

Вопросы сыпались один за другим, и Теландер всех выслушивал, с каждой минутой все больше мрачняя. Глубокие морщины залегли на его лбу и щеках. Когда капитан наконец произнес: «Все свободны», констебль не вернулся к Чиюань. Он, можно сказать, довольно грубо прорвался к Теландеру и потянул его за рукав.

– Думаю, нам стоит переговорить с глазу на глаз, сэр, – сказал он.

По-шведски он снова заговорил с акцентом, хотя в последнее время он у него уже почти пропал.

Теландер холодно отозвался:

– Полагаю, сейчас не время секретничать, констебль.

– Что ж, давайте назовем это данью вежливости остальным и поработаем наедине, – предложил Реймонт.

Теландер вздохнул:

– В таком случае идемте со мной на мостик. На приватные беседы у меня времени нет.

Похоже, парочке членов экипажа хотелось-таки еще о чем-то спросить капитана, но Реймонт так на них посмотрел и так выразительно рыкнул, что они сразу ретировались. Теландер, выходя из зала, не смог удержаться от улыбки.

– Есть от вас польза, как ни крути, – признался он.

– Парламентский вышибала, одним словом? – хмыкнул Реймонт. – Боюсь, от меня требуется намного больше.

– На бете Девы – безусловно. Специалист по спасательным работам и организации деятельности в катастрофических ситуациях там будет крайне необходим, *когда* мы туда доберемся.

– А вот вы как раз и занимаетесь тем, что скрываете от людей правду, капитан. Вы ведь всерьез напуганы тем, что нам грозит. Подозреваю, что шансы наши не настолько хороши, как вы ихставляете. Верно?

Теландер испуганно обернулся и промолчал. Только тогда, когда они добрались до лестницы, он тихо ответил:

– Я просто-напросто ничего не знаю. И Федоров тоже. До нас ни один корабль Буссарда не проверяли в таких ситуациях. Конечно! Мы либо проскочим и более или менее сохранимся, либо все до единого погибнем. Причем если произойдет последнее, то погибнем мы не от лучевой болезни. Если материя туманности проникнет сквозь защитные экраны и доберется до нас, мы просто испаримся – быстрая и безболезненная смерть, неотвратимая. Я решил, что не стоит омрачать людям последние часы жизни, рассказывая о такой возможности.

Реймонт буркнул:

– Вы помалкиваете о третьем варианте. Мы ведь можем уцелеть, но при этом здорово покалечиться.

– Как это, черт подери, мы можем уцелеть?

– Трудно сказать. Возможно, удар будет таков, что часть команды погибнет. Ответственные люди, которых жаль потерять... ведь пятьдесят человек – это очень мало. – Реймонт замолчал и задумался. Звук шагов заглушало дрожание переборок. – В целом реакция была достойная, – признал констебль. – Пока что все повели себя мужественно, разумно и интеллигентно. Но невозможно рассчитывать на такую реакцию во всех случаях. Представьте себе, что мы станем, мягко говоря, инвалидами. Как долго продержатся моральные установки, да и само благоразумие? Я хочу быть готовым к тому, что придется поддерживать дисциплину.

– В этой связи, – снова взяв холодный тон, отозвался Теландер, – прошу вас помнить о том, что вы действуете на корабле в соответствии с моими приказами и подчиняетесь корабельному уставу.

– Проклятье! – не сдержался Реймонт. – За кого вы меня принимаете? За какого-нибудь новоявленного Мао? Я прошу у вас разрешения на то, чтобы отобрать несколько надежных людей и тихо-спокойно подготовить их к действиям на случай экстренной ситуации. Я выдам им оружие, безусловно, исключительно парализующего действия. Если ничего не случится... ну, пусть случится, но при этом все будут вести себя как положено, что мы теряем?

– Взаимное доверие, – ответил капитан.

Они добрались до мостика. Реймонт вошел в рубку, продолжая аргументировать свою точку зрения. Теландер отмахнулся от него как от назойливой мухи и поспешил к пульту управления.

– Есть что-нибудь новенькое? – спросил он.

– Да. Приборы приступили к формированию карты плотности туманности, – отозвалась Линдгрэн. Увидев Реймонта, она вздрогнула, но продолжала докладывать автоматически, не глядя на него: – Получены следующие рекомендации... – и указала на ленту, выползшую из щели принтера.

Теландер просмотрел распечатки.

– Похоже, нам удастся проскочить сквозь наименее плотную область туманности, если мы выработаем боковой вектор за счет активации декселераторов номер три и четыре в сочетании с системой акселерации... Процедура сама по себе опасная. Это нужно обсудить. – Капитан нажал клавиши интеркома и быстро переговорил с Федоровым и Будро. – В штурманской. Срочно!

Он повернулся и был готов уйти, но Реймонт попытался остановить его.

– Не сейчас, – отрезал Теландер и размашисто зашагал к двери.

– Но...

– Я сказал «нет»!

Реймонт застыл, глядя ему вслед, опустив голову, пригнувшись, словно приготовился бежать. Но это было бесполезно. Ингрид Линдгрэн минуту (за которую по космическим часам минуло пятнадцать минут) молча смотрела на него и наконец негромко спросила:

– Чего ты от него хочешь?

– А? – Реймонт выпрямился. – Чтобы он отдал приказ об организации небольшого полицейского формирования. А он мне наговорил какой-то ерунды насчет того, что я не доверяю, дескать, своим товарищам.

Их взгляды встретились.

– И не хочешь оставить их в покое на те последние часы, что им, возможно, суждено прожить, – закончила фразу Линдгрэн.

Они впервые встретились после ссоры и говорили без подчеркнутой формальности.

– Знаю! – пылко воскликнул Реймонт. – Они думают, что делать нечего, только ждать, и все! И как они проведут это время, спрашивается? Что будут делать в итоге? Трепаться, читать любимые стишки, жрать любимую еду с удвоенным винным пайком – вино земное, безусловно, – слушать музыку, пялиться на видеозаписи спектаклей и балетов, а кто-то всю жизнь займется любовью. Уж это обязательно.

– Разве это так уж ужасно? Преступно? – возмутилась Линдгрэн. – Если нам суждено погибнуть, разве не лучше, если мы покинем эту жизнь, продолжая любить ее? Разве мы не цивилизованные люди?

– Если бы мы стали хоть чуточку менее цивилизованными, наши шансы не погибнуть увеличились бы.

– Ты боишься умереть?

– Нет. Я просто люблю жизнь.

– Забавно... – проговорила Линдгрэн. – Наверное, ты ничего не можешь поделать со своей грубостью, жесткостью. Таков уж ты есть. Но почему так упорно не желаешь от нее избавиться?

– Если честно, – ответил Реймонт, – то я так нагляделся на то, что делает с людьми образование и культура, что меня все меньше и меньше тянет их приобретать.

Линдгрэн не сдержалась. С покрасневшими глазами она бросилась к Реймонту и воскликнула, схватив его за руку:

– О, Карл, неужели стоит опять приниматься за старые споры, когда нам жить-то осталось, может быть, всего один день? Я... Я любила тебя, Карл, – продолжала она пылко, не обращая внимания на то, что Реймонт холоден как лед. – Я хотела, чтобы мы прожили с тобой всю жизнь, чтобы ты стал отцом моих детей, где бы это ни произошло – на бете Девы или на Земле. Но... мы все так одиноки, все до одного – здесь, посреди звезд. Мы обязаны делиться с другими всей добротой, на какую только способны, и принимать эту доброту, иначе... иначе жить хуже, чем умереть.

– Если только не уметь сдерживать эмоции.

– Неужели ты думаешь, что у меня были какие-то еще эмоции... кроме чисто дружеских, кроме желания помочь ему перебороть тоску, кроме желания убедиться в том, что он не влюблен в меня по-настоящему, – я говорю о Борисе. А в уставе сказано ясно и четко: во время полета мы не имеем права вступать в официальные браки, поскольку тут для этого нет соответствующих условий, мы лишены...

– Короче говоря, мы с тобой прервали отношения, являющиеся нежелательными по уставу.

– У тебя было полно женщин после этого! – возмущенно воскликнула она.

– Некоторое время – да. Пока я не нашел Айлинь. А ты снова спишь с кем попало.

– Имею право. Нормальные человеческие потребности... Я не ставлю на себе крест... – Она запнулась и выпалила: – Как ты!

– Я тоже не ставлю, – возразил Реймонт, – за исключением тех случаев, когда... словом, я считаю, что бросать партнера, когда дела плохи, – это свинство. – Пожав плечами, Реймонт добавил: – Какая разница? Ты же сама сказала – мы свободные люди. Мне было нелегко, но я

в конце концов убедил себя в том, что несправедливо осуждать тебя и Федорова за то, что вы наслаждались этой самой свободой. Не хочу портить тебе настроение после вахты.

– Взаимно! – отрезала Линдгрэн и яростно вытерла заплаканные глаза.

– Что касается меня, то я буду занят по уши практически до последней минуты. Раз мне не позволили сделать это по приказу, я сам объявлю набор добровольцев.

– Ты не посмеешь!

– Но ведь мне этого не запретили. Соберу несколько человек в частном порядке – тех, кто согласится. Сформируем маленький оперативный отряд, готовый, когда будет нужно, сделать все, что в наших силах. Собираешься доложить капитану?

Она отвернулась.

– Нет. Уходи, прошу тебя.

Подошвами ботинок Реймонт прогрохотал по коридору.

Глава 8

Сделано было все, что только можно было сделать. Теперь члены экипажа, облаченные в скафандры, пристегнувшись к койкам, снабженным спасательными коконами, ждали мига столкновения. Кое-кто переговаривался по встроенному в шлем радио с соседями по каютам, другие предпочитали молчать. Конструкция шлемов не позволяла смотреть друг на друга – виден был только потолок над лицевым стеклом.

Каюта Реймонта и Чиюань выглядела совсем не так весело и нарядно, как обычно. Китаянка сняла шелковые драпировки, закрывающие переборки, убрала низенький столик, на котором раньше стояла ваза эпохи Хань и лежал плоский камень, на котором был нарисован горный пейзаж и тончайшей каллиграфией, рукой ее отца, было написано стихотворение, сложила в шкаф наряды, набор для рукоделия, бамбуковую флейту. Голые стены озарял мертвенный флуоресцентный свет.

Они долго лежали молча, хотя радионаушники были включены. Реймонт слышал дыхание Айлинь и стук собственного сердца.

– Чарльз, – позвала она его наконец.

– Да, – отозвался он негромко и спокойно.

– Мне было хорошо с тобой. Как бы мне хотелось прикоснуться к тебе...

– Мне тоже.

– Можно попробовать. Позволь мне коснуться твоей души. – Реймонт так растерялся, что не сумел ответить. Она продолжала: – Ты никогда не раскрывался полностью. Думаю, я не первая женщина, кто говорит тебе такое.

– Ты права, – ответил он, и она по его голосу поняла, что ему непросто было в этом признаться.

– Уверен ли ты в том, что ты вел себя правильно?

– Что тут объяснять? Мне не по душе типчики, которых только то и занимает, что их собственные маленькие неврозы. Вселенная так громадна.

– Например, ты никогда не рассказывал о своем детстве, – сказала она. – Я тебе о своем все выложила.

– Считаю, что я тебя пощадил, – фыркнул Реймонт. – Ничего хорошего на нижних уровнях Полиюгорска не было.

– Я слыхала о том, какие там были условия. Но никогда не могла понять, как могли допустить такое.

– Власти Надзора были беспомощны. Никакого вмешательства во внутренние дела. Местные людишки оставались чересчур нужными, для того чтобы их можно было просто взять и скинуть. Что-то вроде военных диктаторов в твоей стране, пожалуй, или «Леопардов» на Марсе, до того как там началась буча.

Из Антарктики еще можно было выкачать уйму денег – так думали те, кому было наплевать, что запасы ископаемых истощены до предела, что того гляди погибнет окончательно местная фауна и флора, будет безвозвратно утеряна сама ледяная первозданность материка... – Реймонт запнулся, почувствовав, что повысил голос. – Ну, что об этом теперь говорить! Все позади. Интересно, удастся ли людям повести себя иначе на бете Девы? Сильно сомневаюсь.

– А с каких пор тебя стали волновать подобные вещи? – спросила Чиюань.

– Ну, во-первых, я должен сказать спасибо моему учителю. Отца моего убили, когда я был еще совсем маленький, а когда мне исполнилось двенадцать, мать уже просто изнемогла в борьбе за жизнь. Но был там у нас один человек, мистер Меликот, абиссинец, – не знаю, долго ли он протянул в нашей треклятой школе, – но он жил ради нас и ради того, чему нас учил, и мы чувствовали это, и наш разум мало-помалу просыпался... Не знаю, был ли я его любимчиком,

выделял ли он меня. Но я стал много думать и читать, а потом – говорить и делать и из-за этого угодил в беду, и пришлось мне уматывать на Марс... не будем говорить, как именно... Да, пожалуй, я таки был его любимчиком, если уж на то пошло.

– Вот видишь, – проговорила Чиюань, улыбаясь под стеклом шлема. – Не так уж трудно сорвать с себя маску.

– Это ты о чем? – удивленно спросил Реймонт. – Я просто пытался честно ответить на твой вопрос, вот и все.

– Очень скоро мы все можем умереть. Может быть, ты и согласился ответить мне именно поэтому. Как это похоже на тебя, Чарльз. Я начинаю многое понимать, начинаю видеть человека за ответами на вопросы, на бесчисленные «почему». Почему про тебя говорят, что ты честен и небогат, например.

Почему ты так часто угрюм, почему не любишь красиво одеваться, хотя выглядел бы просто великолепно в модной одежде, почему ты так старательно прячешь свое настоящее лицо за принципом: «Идите своей дорогой, если не хотите идти моей», отчего просто мурашки по спине бегут, честное слово, и...

– погоди! Развернутый психоанализ? И все на основании нескольких фраз о детстве?

– О нет, что ты. Это было бы смешно. Но многое мне стало ясно – из одного того, как ты рассказывал. Одинокий волк в поисках логова.

– Хватит!

– Ладно. Я счастлива, что ты... Нет, больше не буду, если только ты сам не захочешь... – Чиюань замолчала, а потом заговорила совсем о другом: – Как я скучаю по зверюшкам... Даже не думала, что буду так скучать. У родителей жили карпы и певчие птички. У нас с Жаком в Париже был кот. Пока мы не улетели так далеко от Земли, я даже не догадывалась, какая это важная часть жизни – животные... Пенье цикад летней ночью, бабочки, колибри, рыба, выпрыгивающая из воды, воробьи на улицах, лошади... у них бархатные носы и такой теплый запах... Как думаешь, на Третьей бете будет что-нибудь похожее на земных зверей?

Удар.

Удар, который вся система защиты корабля стремилась отразить быстро и эффективно.

Пассажиры почувствовали резкое изменение силы тяжести. А еще – комок в груди, поднимающийся к горлу. В глазах потемнело. Выступил пот, бешено заколотилось сердце. И корабль отреагировал на столкновение почти как живое существо. Скрип. Треск. На такие удары он не был рассчитан. Система защиты «Леоноры Кристин» была не слишком массивна (все из-за экономии веса), но она трудилась вовсю: отделяла атомы водорода, соединенные с атомами азота и кислорода, отгоняла от корабля частички пыли, превратившиеся в метеороиды. От скорости облако вытянулось в длину, стало тонким, и корабль прорвался сквозь него за несколько минут. Но вся беда была в том, что в момент столкновения туманность относительно корабля уже не представляла собой облако. Нет, теперь это было нечто наподобие прочной стены.

Из-за работы в режиме жуткой перегрузки вышла из строя одна из термоядерных горелок.

Со звезд момент столкновения выглядел иначе. Будь у звезд зрение, они бы увидели, как бесформенная темная масса столкнулась с неким объектом – необычайно плотным и быстро движущимся. Гидромагнитные силы ударили по атомам, завертели их, ионизировали, соединили. Бушевала радиация. Объект окутало сияние метеоров. Казалось, что, продвигаясь вперед, он пробивает туннель сквозь туманность. Туннель получался довольно-таки широкий, потому что от корабля исходила ударная волна, распространявшаяся в стороны и разрушавшая всякую материю на своем пути.

Если внутри туманности и находились какие-то зародыши звезд и планет, им уже никогда не суждено было сформироваться.

Корабль пролетел туманность насквозь и при этом не потерял скорости. С еще большим ускорением он помчался к далеким звездам.

Глава 9

Реймонт очнулся. Вряд ли он долго был в обмороке. А вдруг долго? Стояла тишина. Или он оглох? Вдруг в обшивке дыра и воздух сквозь нее вытек в космос? Вдруг защитные экраны вышли из строя и гамма-лучи уже гуляют по отсекам корабля?

Нет. Прислушавшись, он уловил знакомый негромкий гул двигателя. Перед глазами привычно и мягко горел флуоресцентный светильник. На переборку падала тень спасательного кокона, и края тени расплывались – значит, с атмосферой внутри все было в порядке. Сила тяжести вернулась к нормальным показателям. Как минимум, большинство автоматических систем корабля, следовательно, действовало нормально.

– Хватит драматизировать, – услышал Реймонт собственный голос, далекий, словно чужой. – Работы полно.

Он принялся отстегивать ремни. Руки плохо слушались – все мышцы ныли и дрожали. По щеке в рот сбегала струйка крови, и Реймонт ощутил ее солоноватый вкус. А может, это пот? «Ничего, – подумал он, как ни странно, по-русски. – Я в порядке». Справившись наконец с ремнями, Реймонт снял шлем, принялся. Легкий запах гари и озона – это ерунда. Он глубоко вдохнул.

В каюте все было кувыркотом. Ящики шкафа выдвинулись, и на пол вывалилось все их содержимое. Реймонт позвал Чиюань. Она не отзывалась. Реймонт встал и добрался по завалявшему вещами полу к ее койке. Снял шлем. Чиюань ровно, спокойно дышала – никаких свистов или хрипов, которые говорили бы о повреждении внутренних органов. Реймонт оттянул веко – зрачок расширен. Видимо, китаянка потеряла сознание буквально только что. Реймонт проверил, в порядке ли оружие, вынул парализующий пистолет и пристегнул к поясу. Наверняка есть другие, кому сейчас больше нужна его помощь. Он вышел из каюты.

По лестнице сбегал Борис Федоров.

– Как дела? – окликнул его Реймонт.

– Собираюсь выяснить, – на ходу бросил инженер и побежал дальше.

Реймонт кисло усмехнулся и толкнул дверь Иоганна Фрайвальда. Немец уже успел снять скафандр и сидел на краю койки, обхватив голову руками.

– Raus mit mir²³, – сказал ему Реймонт.

– Башка трещит так, словно у меня там бригада плотников работает, – признался Фрайвальд.

– Ты же решил вступить в отряд. Я думал, ты мужчина.

Фрайвальд обиженно глянул на Реймонта, но с койки поднялся.

Весь следующий час добровольцы, вызвавшиеся помогать констеблю, трудились не покладая рук. Но еще больше забот выпало на долю команды – космолетчики проверяли исправность множества систем, производили всевозможные замеры и при этом переговаривались вполголоса. Погрузившись в работу, они забыли о том, что им больно и страшно. Увы, у ученых и техников такого наркотика не было. Однако сам тот факт, что все остались в живых и корабль, судя по всему, уцелел, несказанно радовал всех... Вот только почему молчит Теландер и не оповестит экипаж о том, что все в порядке? Реймонт согнал всех в столовую, кому-то велел приготовить кофе, кому-то – поухаживать за теми, кто основательно пострадал. Наконец он решил, что все идет как надо и он может позволить себе наведаться на мостик.

По дороге он заглянул к Чиюань – уже не в первый раз. Она, похоже, пришла в себя, отстегнулась, но, видимо, была еще очень слаба и никак не могла выбраться из скафандра. Увидев Реймонта, она обрадованно улыбнулась, в глазах ее мелькнул огонек.

---

²³ Идем со мной (нем.).

– Чарльз... – проговорила она еле слышно.

– Как ты? – спросил Реймонт.

– Все болит, сил нет совсем, и...

Он помог ей снять скафандр. Она то и дело морщилась от боли, если Реймонт делал резкие движения.

– Теперь, без скафандра, ты должна суметь добраться до спортзала. Там тебя осмотрит доктор Латвала. Ни у кого нет сильных ушибов, так что у тебя вряд ли что-то тяжелое. Прости, что я так неласков, – извинился Реймонт, неуклюже чмокнув Чиюань. – Но я тороплюсь.

Реймонт поднялся палубой выше. Дверь рубки была закрыта. Он постучал. Изнутри прогремел голос Федорова:

– Вход воспрещен. Капитан вызовет вас.

– Это констебль, – уточнил Реймонт.

– Ну так и занимайтесь своими делами.

– Я собрал экипаж. Люди мало-помалу оправляются после шока. Они начинают понимать, что что-то неладно. Они в таком состоянии, что держать их в неведении опасно и даже губительно.

– Скажите им, что скоро прозвучит сообщение, – послышался голос Теландера.

– А вы не могли бы это сказать лично, сэр? Интерком ведь работает. Скажите, что вы оцениваете реальные масштабы повреждений, с тем чтобы разработать программу срочного ремонта. Но все же, господин капитан, советую вам впустить меня в рубку, дабы я помог вам лучше подобрать слова для описания случившегося.

Дверь резко распахнулась. Федоров ухватил Реймонта за руку, желая втащить внутрь. Реймонт ловко вырвал руку, применив прием дзюдо. Его рука взметнулась для удара.

– Никогда так не делайте, – посоветовал он Федорову, вошел в рубку и прикрыл за собой дверь.

Федоров что-то пробурчал и сжал кулаки. Линдгрэн бросилась к нему и умоляюще проговорила:

– Нет, Борис. Прошу тебя!

Русский неохотно отступил. Все собравшиеся в рубке молча смотрели на Реймонта: капитан, первый помощник, бортинженер, старший навигатор, директор отдела биосистемной технологии. А Реймонт смотрел не на них, а на пульт управления. Многие приборы пострадали от столкновения – иглы на шкалах кое-где погнулись, у других аппаратов были разбиты экраны, беспомощно свисали порванные провода.

– В этом вся беда? – спросил Реймонт, махнув рукой в сторону покаленной аппаратуры.

– Нет, – ответил навигатор Будро. – У нас есть запасные.

Реймонт поискал глазами вьюер. Да, компенсирующие контуры тоже вышли из строя. Тогда он перешел к электронному перископу и сунул голову в колпак кожуха.

Перед глазами констебля развернулась полусферическая картина – таким бы он, делая скидку на неизбежные искажения, увидел небо над обшивкой. Впереди густо мерцали звезды, медленно приближаясь к кораблю. Созвездия казались отдаленно знакомыми, но звезды покраснели, состарились, как стареет янтарь, словно истлели от времени. Реймонт невольно поежился и оторвался от перископа. В рубке было так уютно по сравнению с космосом.

– Ну и?.. – спросил он.

– Система торможения... – выдавил Теландер. – Мы не можем остановиться.

Реймонт побледнел.

– Дальше.

Но продолжил не Теландер, а Федоров. Говорил он несколько язвительно.

– Надеюсь, вы не забыли, что мы ввели в действие тормозную систему модуля Буссарда? Система действия декселераторов диаметрально противоположна системе действия акселера-

торов, поскольку для замедления хода корабля мы не проталкиваем газ через сопла, а делаем момент движения обратным. – Реймонт не поддался на попытку Федорова задеть его. Линдгрэн затаила дыхание. Федоров, видимо, и сам почувствовал, что сейчас не время язвить и задираться, и устало закончил: – Ну... еще и акселераторы были включены, причем на максимальную мощность. Вот они и уцелели за счет силового поля. А декселераторы – увы. Испорчены.

– Насколько серьезно?

– Пока мы можем лишь судить о том, что произошло материальное повреждение их внешнего управления и генераторов и что термоядерная реакция, за счет которой они действовали, прекратилась. Поскольку приборы, регистрирующие параметры деятельности декселераторов, молчат, значит, скорее всего, они разбиты – мы не можем сказать наверняка, что там произошло.

Федоров опустил глаза и уставился в пол. Слова он выговаривал так, что речь его звучала как монолог. Казалось, он забыл, что рядом кто-то есть. Отчаявшийся человек так обычно и говорит и при этом вновь повторяет самые очевидные факты.

– Картина столкновения была такова, что декселераторы перенесли нагрузку гораздо более тяжелую, чем акселераторы. Видимо, насколько я могу судить, сила действия гидромагнитных полей произвела материальные разрушения именно этой части модуля Буссарда. Без сомнения, мы могли бы произвести ремонт, если бы смогли выбраться наружу. Но тогда нам придется работать в непосредственной близости от горелки акселератора, а вокруг нее бушует ее собственное магнитное поле. Радиация угробит нас еще до того, как мы сумеем выполнить хоть сколько-нибудь полезную работу. От этого не застрахован даже робот с дистанционным управлением, которого мы могли бы собрать. Вам должно быть известно, как действует излучение такого уровня, например на транзисторы, не говоря уже об индукционном действии силовых полей. И естественно, мы не можем отключить акселераторы, это означало бы ликвидацию всех полей сразу, включая защитные экраны, удерживать которые в рабочем состоянии способны лишь внешние источники энергии. При нашей скорости водородная бомбардировка даст такое количество гамма-лучей и ионов, что внутри корабля все просто поджарится за минуту.

Федоров замолчал, и было такое ощущение, что это не человек закончил пояснения, а отключился магнитофон.

– Разве у нас нет никаких средств контроля за направлением полета? – спокойно спросил Реймонт.

– Есть, есть, конечно, – поспешно вмешался Будро. – Режимом работы акселераторов можно управлять. Мы можем заглушить и включить любую из четырех трубок Вентури – то есть лететь не только вперед, но и в любую сторону. Но как вы не понимаете... в какую бы сторону мы ни летели, мы не можем отказаться от ускорения, иначе погибнем!

– Ускорение навсегда, – резюмировал Теландер.

– По крайней мере, – прошептала Линдгрэн, – мы останемся в галактике. Будем, словно небесное тело, вращаться вокруг ее центра.

Она перевела взгляд на перископ, и все поняли, о чем она думает: там, за занавесом незнакомых голубых звезд, черноты и межгалактических течений, их ожидало вечное изгнание.

– Хотя бы состаримся в окружении солнц. Пусть нам никогда больше не суждено ступить ни на какую планету.

Лицо Теландера покрылось сеткой морщин.

– Как же я могу сказать об этом людям? Как?

– Надежды нет, – проговорил Реймонт, и это прозвучало скорее как утверждение, чем как вопрос.

– Никакой, – отозвался Федоров.

– Но мы можем продолжать жить, и довольно-таки долго, если только не сойдем с ума, – сказал Перейра. – Биосистемы и аппараты органического синтеза в порядке. На самом деле мы можем даже повысить их производительность. Не стоит бояться ни холода, ни жажды, ни удушья. Безусловно, замкнутый экологический цикл эффективен не на сто процентов. Мало-помалу системы начнут приходить в негодность. Но очень медленно. Космический корабль – это не планета. Человек не такой гениальный конструктор, как Господь Бог. – Перейра вымученно улыбнулся. – Детей заводить я бы не рекомендовал. Им придется дышать воздухом, насыщенным ацетоном, и при этом обходиться без таких жизненно важных микроэлементов, как фосфор, да еще и задыхаться от запаха ушной серы, мучиться от пупочных грыж. Но даже в самых безнадежных обстоятельствах из наших систем мы сумеем выжать лет пятьдесят.

Линдгрэн, глядя в переборку так, словно что-то видела сквозь нее, проговорила жутким голосом:

– А перед тем как последний из нас умрет, мы должны будем задействовать автоматическое отключение. После нашей смерти и кораблю незачем жить. Пусть излучение делает свое дело, пусть сила трения разорвет обшивку в клочья, и пусть эти клочья летят, куда им вздумается.

– Зачем? – спросил Реймонт.

– Разве непонятно? Мы полетим по кругу, непрерывно поглощая водород, двигаясь все быстрее и быстрее, непрерывно снижая тау... Пройдет тысяча лет, и мы будем непрерывно наращивать массу. Это может кончиться тем, что мы уничтожим галактику.

– Нет-нет, до такого не дойдет, – возразил Теландер. – Я видел расчеты. Как-то раз кто-то поинтересовался, что будет, если двигатель Буссарда выйдет из строя. Но, как отметил господин Перейра, людям тут ничего не поделать. Параметры тау должны будут составить что-то около «десять в степени минус двадцать», прежде чем масса корабля приблизится к массе небольшой звезды. А вероятность столкнуться с более массивным объектом, нежели туманность, для нас крайне невелика. Кроме того, мы знаем, что Вселенная конечна как во времени, так и в пространстве. Еще до того, как величина нашего тау уменьшится до таких показателей, Вселенная перестанет расширяться и погибнет сама по себе. Мы погибнем, это так. Но космосу мы ничем не грозим.

– Как долго мы проживем? – спросила Линдгрэн и не дала Перейре даже рта раскрыть. – Я не в потенциальном смысле. Если вы говорите – пятьдесят лет, я вам верю. Но я думаю, что через год-два мы либо начнем отказываться от пищи, либо перережем себе глотки, либо все-таки решим отключить акселераторы.

– Этого не произойдет, если мне удастся помочь, – буркнул Реймонт.

Линдгрэн враждебно поглядела на него.

– Неужели ты способен продолжать жить? Какой смысл? Будучи изолированными от людей, от живой Земли, от всего сущего?

Реймонт ответил ей спокойным, сдержанным взглядом. Его правая рука крепко сжимала рукоять пистолета.

– Что, нервишки сдали? – усмехнулся он.

– Пятьдесят лет внутри этого летающего гроба! – обреченно воскликнула Линдгрэн. – А снаружи сколько времени пройдет?

– Успокойся, – проговорил Федоров, подошел к Линдгрэн и обнял ее за талию. Она припала к его груди, тяжело дыша.

Будро так же сухо, как до него Теландер, сообщил:

– Временные соответствия теперь для нас носят чисто академический характер, не так ли? Но кое-что зависит от того, какой курс мы выберем. Если мы будем лететь прямо вперед, естественно, мы со временем окажемся в менее плотной среде. Скорость снижения тау будет пропорционально уменьшаться, когда мы войдем в межгалактическое пространство. И

наоборот, если мы выберем круговую орбиту, летя по которой мы будем пересекать участки галактики с солидной концентрацией водорода, мы можем обрести высокие показатели обратного тау. Тогда мы станем свидетелями течения миллиардов лет. Наверное, это прекрасно, – сказал Будро и вяло усмехнулся в бороду. – Ну и потом, у нас есть мы. Компания отличная. Я согласен с Чарльзом. Жить можно по-разному – и лучше, и хуже.

Линдгрэн крепко прижалась к Федорову. Он обнимал ее и неуклюже гладил. Наконец она оторвалась от его груди и сказала:

– Прошу простить меня. Вы правы. Действительно, у нас есть мы.

Она посмотрела на всех по очереди и остановила взгляд на Реймонте.

– Ну и как же мне сказать людям про все это? – повторил свой вопрос капитан.

– Думаю, вам этого вообще делать не стоит, – ответил Реймонт. – Пусть сообщение делает первый помощник.

– Что? – потрясенно выдохнула Линдгрэн.

– У тебя лучше получится. Ты обаятельная. Я помню.

Руки Федорова отпустили Линдгрэн, она сделала шаг в сторону Реймонта.

И вдруг констебль вздрогнул. Секунду-другую он смотрел в одну точку, словно ослеп, и в момент отвернулся от Линдгрэн и посмотрел на навигатора.

– Ой! – совсем по-детски воскликнул он. – У меня идея. Знаешь...

– Если ты думаешь, что я... – начала было Линдгрэн.

– Потом, – отрезал Реймонт. – Опост, подойди к столу. Надо кое-что посчитать... быстро!

Глава 10

Молчание затянулось. Ингрид Линдгрэн, стоя на сцене рядом с Ларсом Теландером, смотрела на товарищей, собравшихся в зале. А они смотрели на нее. И никто не мог вымолвить ни слова.

И все-таки она нашлась. И сказанная ею правда прозвучала не так жестоко, как если бы произнес ее любой другой мужчина. Но когда она добралась до кульминации и сказала: «Мы утратили Землю, утратили бету Девы, утратили человечество, к которому принадлежали. Все, что у нас осталось, – это мужество, любовь и, конечно, надежда», голос ее сорвался. Она умолкла, прикусила губу, сжала кулаки, и из глаз ее потекли медленные горькие слезы.

Теландер решил исправить положение.

– Если позволите... – пробормотал он. – Прошу вас, выслушайте меня. Существуют события...

Но казалось, сам корабль смеется над ним.

Эмма Гласголд не выдержала. Нет, она не зарыдала, но с такой силой пыталась сдержать рыдания, что вышло еще ужаснее. М'Боту, стоявший рядом с ней, попытался ее успокоить. Сам он настолько стоически воспринял сообщение, что можно было подумать, что он не человек, а робот. Ивамото стоял в нескольких шагах от всех остальных. На лице его застыло блаженное выражение – казалось, он отгородился ото всех непроницаемой стеной, а сам пребывает в нирване. Вильямс в сердцах въехал кулаком по переборке и выругался. Послышался женский голос. Одна из женщин оттолкнула от себя мужчину, который обнимал ее, в ужасе воскликнув: «Прожить с тобой всю жизнь?!» – и отпрянула. Мужчина бросился за ней, желая удержать, наткнулся на матроса, который пообещал врезать ему как следует, если тот не извинится. Зал зашумел, заволновался.

– Выслушайте меня! – умолял Теландер. – Прошу вас, выслушайте!

Реймонт стряхнул руку Чиюань Айлинь и легко вспрыгнул на сцену из первого ряда.

– Так вы ни за какие коврижки не заставите их слушать, – уверенно заявил он *sotlo voce*²⁴. – Вы привыкли иметь дело с профессионалами, знающими, что такое дисциплина. Дайте-ка я приведу в порядок этих гражданских сосунков. А ну, тихо! – рявкнул он, повернувшись к залу, и слова его эхом отразились от переборок. – Заткнитесь! Хоть раз в жизни ведите себя, как подобает взрослым людям. У нас тут нет нянек, чтобы менять вам подгузники!

Вильямс прорычал что-то возмущенное. М'Боту скрипнул зубами. Реймонт вынул из кобуры парализующий пистолет.

– Оставаться на местах! – скомандовал он негромко, но так, что все до единого услышали его. – Первый, кто двинется, получит пулю. А потом будем судить его по законам военного времени. Я в этой экспедиции констебль, и в мои обязанности входит поддержание порядка. А если вам кажется, – добавил он, усмехнувшись, – что я превышаю свои полномочия, воля ваша, можете отправить жалобу в установленном порядке в бюро в Стокгольме. А теперь всем слушать!

Хлесткая речь Реймонта у многих вызвала прилив адреналина. Кое-кто почувствовал себя оскорбленным. Люди разгорячились, однако подтянулись и затихли.

– Вот и хорошо, – отметил Реймонт и убрал пистолет в кобуру. – И больше об этом не будем. Я отлично понимаю, что все вы перенесли неожиданный шок. Как бы то ни было, проблема остается проблемой. И ее можно решить, если только мы будем работать над ней все вместе. Повторяю – «если».

Линдгрэн сглотнула слезы и возобновила свое выступление.

---

²⁴ Приглушенно, вполголоса (*итал.*).

– Это я должна была... – виновато пробормотала она. Реймонт кивнул ей и вернулся на свое место. – Мы не можем отремонтировать декселераторы из-за того, что не можем отключить акселераторы. Причиной тому, как вы уже слышали, то, что при высоких скоростях мы должны пользоваться силовыми полями той или иной системы, чтобы они защищали корабль, экранировали его от действия межзвездного газа. Словом, все выглядит так, будто мы законсервированы внутри корабля. Что сказать? Мне тоже не по душе такая перспектива, хотя я уверена, что мы все сумеем пережить. Средневековым монахам похуже приходилось.

Обговорив все на капитанском мостике, правда, мы кое до чего додумались. Если у нас хватит выдержки и решимости, мы сможем спастись. Главный навигатор Будро произвел предварительную проверку. А потом мы пригласили в качестве независимого эксперта профессора Нильссона.

Вид у астронома был важный и напыщенный. Но, похоже, на Джейн Седлер это большого впечатления не произвело.

– Нам может повезти, понимаете? – попытался воодушевить аудиторию Реймонт.

Казалось, по залу пронесся порыв ветра – так все разом зашептались.

– Не томите, говорите! – выкрикнул молодой женский голос.

– Отрадно видеть воодушевление, – похвалил товарищей Реймонт. – Однако и у воодушевления должны быть рамки, иначе нам всем конец. Постараюсь быть кратким. Позже капитан Теландер и прочие специалисты расскажут вам все в подробностях. А идея такова...

Реймонт рассказывал так, словно излагал новый метод бухгалтерского учета – спокойно, даже скучновато.

– Если нам удастся обнаружить область, где газ практически отсутствует, мы сможем со спокойной совестью отключить защитные поля, и тогда бригада инженеров сумеет выбраться наружу и произвести ремонтные работы в системе декселераторов. Правда, астрономическая информация не так точна, как нам хотелось бы. К сожалению, почти по всей галактике и в прилегающих к ней межгалактических областях пространство слишком плотное. С расстоянием, конечно, разреженность нарастает, и все же, если считать по числу ударов атомов в секунду, оно все равно достаточно плотное для того, чтобы прикончить нас при отключенной системе защиты.

Теперь вот о чем. Галактики обычно образуют скопления. Одним из таких скоплений является союз нашей Галактики с Магеллановыми Облаками, Туманностью Андромеды и еще примерно с дюжиной других. Масштабы скопления таковы, что в поперечнике оно простирается на шесть миллионов световых лет. От края скопления до другого скопления галактик лежит еще большее расстояние. По счастливому совпадению, в это скопление входит созвездие Девы. Это в сорока миллионах световых лет от того места, где мы сейчас находимся.

В промежутке между скоплениями, надеемся, газ достаточно разрежен для того, чтобы мы могли без риска отключить защитные поля. – Только в зале опять попробовали зашуметь, как Реймонт поднял руки, призывая всех к тишине. Он даже не удержался и рассмеялся. – Погодите, погодите! Не торопитесь! Я знаю, что вы хотите сказать. Что сорок миллионов световых лет – это невозможно. Нам с нашим тау такого расстояния не одолеть. Соотношение в пятьдесят, сто и даже тысячу раз ничего нам не даст. Все верно. Но... – Реймонт отдышался и продолжил свою речь: – Но не забывайте, что в плане величины обратного тау у нас предела нет. К тому же мы можем набирать ускорение больше, чем при трех g, если расширим площадь ловушек водорода и продолжим курс по таким областям галактики, где плотность газа выше. Те параметры, которыми мы пользовались по сей день, были определены для нашего маршрута к бете Девы. Но у корабля есть резервы. Навигатор Будро и профессор Нильссон рассчитали, что мы можем лететь при средних показателях в десять g, но возможны и более высокие величины. Инженер Федоров почти уверен в том, что система акселераторов выдержит подобную перегрузку после произведения определенных модификаций.

Итак. Специалисты произвели прикидочные расчеты. Результаты таковы: мы можем пролететь по спирали до центра галактики и затем по прямой добраться до ее края. Менять курс мы можем только очень медленно. При нашей скорости перевернуться, наподобие монетки в десять эре, невозможно. Но это позволит нам набрать нужные параметры тау. Не забывайте, они будут постоянно снижаться. Наш перелет к бете Девы произошел бы гораздо быстрее, не планируя мы высаживаться там, для чего, естественно, было нужно торможение чуть ли не с полпути.

Навигатор Будро приблизительно определил – подчеркиваю, приблизительно, и по пути данные будут уточняться, – так вот, учитывая нашу нынешнюю скорость, он предполагает, что мы сумеем распрощаться с этой галактикой и выбраться за ее пределы примерно за год-два.

– Сколько это будет по космическому времени? – раздался чей-то вопрос.

– Какая разница? – фыркнул Реймонт. – Вы же знаете, каковы размеры галактики. Примерно сто тысяч световых лет в поперечнике. Сейчас мы находимся где-то в тридцати тысячах световых лет от ее центра. Одно-два тысячелетия в целом? Кто может сказать точно? Все зависит от того, каков будет наш курс, а он, в свою очередь, будет зависеть от результатов будущих исследований. – Реймонт добродушно прищурился и погрозил собравшимся пальцем. – Я знаю, о чем вы думаете. Вы думаете о том, что будет, если мы снова вляпаемся в такое же облачко, как то, что довело нас до подобной жизни. У меня на это два ответа. Во-первых, рисковать нам так или иначе придется. Но, во-вторых, чем меньше будет наше тау, тем более мы будем способны преодолевать области со все более и более высокой плотностью. Наша масса станет такой, что нам будут попросту не страшны подобные столкновения. Понимаете? Чем больше будет наша масса, тем выше наши шансы и тем скорее мы достигнем нашей цели по корабельному времени. Обратное тау к тому моменту, когда мы покинем галактику, может равняться ста миллионам. В этом случае, по нашим часам, мы покинем скопление галактик за несколько дней!

– А как мы вернемся обратно? – спросила Глассголд испуганно, но заинтересованно.

– Мы не вернемся, – честно признался Реймонт. – Мы продолжим путь к тому скоплению галактик, где расположена Дева. Добравшись дотуда, мы перейдем к полету в противоположном режиме: включим тормозные системы, полетим к одной из галактик, входящих в скопление, повысим тау до нужной величины и приступим к поискам планеты, на которой смогли бы высадиться... Да! Да! Да! – прогремел голос Реймонта, заглушая поднявшийся ропот. – Это произойдет через миллионы лет по реальному времени. Человечество к тому сроку перестанет существовать... в этой области галактики. Но что с того? Мы все начнем сначала, в другом месте, в другое время! Или вы предпочитаете томиться в металлической скорлупе, посыпая волосы пеплом и проклиная жестокую судьбу? Хотите сойти с ума от безделья и умереть, не имея потомков? Надеюсь, с мозгами у вас пока еще все в порядке. Лично я за то, чтобы лететь вперед, куда хватит сил. А я в вас уверен и думаю, вы все согласитесь на такой вариант. Ну а если кто-то думает иначе, то пусть не мешает остальным.

Реймонт прыгнул со сцены.

– М-м-м, – протянул Теландер. – Старший навигатор Будро, главный инженер Федоров, профессор Нильссон, прошу вас подойти ко мне. Дамы и господа, переходим к дебатам.

Чиюань прильнула к Реймонту.

– Ты был просто великолепен! – восхищенно прошептала она.

Реймонт поджал губы. Он смотрел мимо нее, мимо Линдгрена, мимо всех собравшихся куда-то в одну точку.

– Спасибо, – выдавил он. – Ничего такого особенного.

– Что ты говоришь! Ты вернул нам надежду. Как я счастлива, что я с тобой.

Реймонт, казалось, не слышал ее слов.

– Кто угодно мог бы наболтать с три короба, – сказал он негромко. – Сейчас все ухватились бы за любую соломинку. Я ведь всего-навсего общую картину набросал. Вот когда они уловят самую суть программы, тут-то и начнутся неприятности.

Глава 11

Силовые поля блуждали. Ведь они не представляли собой ничего подобного статичным трубам или стенкам. То, что их формировало, было непрерывным взаимодействием электромагнитных толчков, и произведение, распространение и затухание этих толчков должно было находиться под неусыпным контролем в течение каждой наносекунды, начиная от квантового уровня и кончая космическим. Когда внешние условия – плотность материи, сила излучения, напряжение противодействующих полей, гравитационные показатели искривления пространства – менялись, а они менялись каждое мгновение, воздействие этих изменений на невидимую паутину силового поля корабля регистрировалось, данные измерений вводились в компьютеры, которые производили тысячи одновременных операций Фурье при самой простейшей из задач и решали их. Приборы, отвечающие за поддержание полей и управление ими, располагавшиеся снаружи корабля, производили на основании этих ответов тончайшую микроподстройку. Неотъемлемым звеном этого гомеостаза, этого балансирования на туго натянутом канате над пропастью погрешностей, способных вызвать нарушения и даже полное отключение полей, была команда корабля. Она, как и компьютеры, впитывала и впитывала информацию и давала на нее ответы. «Леонора Кристин» легла на новый курс.

Бесстрастные звезды видели, как медленно, неуклюже разворачивается громадная масса корабля: до того мгновения, как перемена в направлении его движения наметилась и стала более или менее значительной, минули месяцы и годы. И ведь не сказать, чтобы тот объект, который они озаряли, двигался медленно. Казалось бы, корабль должен был напоминать нечто размером с планету, светящийся кокон, мчащийся вперед, захватывая атомы краями силовых полей и преобразая их в жаркое, сверкающее, синхротронное излучение. Но это сияние гасло и терялось во мраке световых лет. Корабль мчался сквозь бездну, которой, казалось, нет ни конца ни края.

Однако по корабельным часам все выглядело совсем по-другому. Корабль мчался во Вселенной, которая с каждым мгновением становилась все более чужой для него – все более старой, массивной, сжатой. И скорость, с которой силовые поля корабля способны были поглощать водород, часть его использовать в качестве горючего и выбрасывать несгоревший в виде хвоста пламени длиной в миллион километров... эта скорость каждую минуту вызывала все новое и новое снижение величины тау.

А на борту корабля все было по-прежнему. Воздух и металл пропитались ритмом ускорения, однако адаптационные устройства поддерживали силу тяжести в норме. Внутренние энергетические установки продолжали обеспечивать помещения светом и теплом. Биологические системы исправно поставляли кислород и воду, перерабатывали отходы, производили продукты питания, поддерживали жизнь. Но энтропия нарастала. Люди старились как положено – со скоростью шестьдесят секунд в минуту, шестьдесят минут в час.

И все же эти часы все меньше и меньше согласовывались с течением времени за обшивкой корабля. Одиночество, казалось, сжимает корабль в своей ледяной деснице.

Джейн Седлер и Иоганн Фрайвальд увлеченно фехтовали. Джейн сделала ловкий выпад. Иоганн парировал ее удар. Их рапиры скрестились с легким звоном. Она изловчилась и нанесла удар.

– Туше! – вынужден был сдаться Фрайвальд и рассмеялся. Не снимая маски, он признался: – Если бы наша дуэль была настоящей, ты проколола бы мне легкое насквозь. Молодец. Испытание выдержала.

– Ну и далось же оно мне... – тяжело дыша, проговорила Седлер. – Дай отдышаться... Погоди... Коленки, как резиновые... ужас...

– На сегодня хватит, – решил Фрайвальд.

Они сняли маски. На лице Джейн сверкали капельки пота, прядка волос прилипла к бровям, она все еще тяжело дышала, но глаза ее весело горели.

– Ф-ф-ф, – фыркнула она. – Ох и устала я! – и плюхнулась в кресло. Фрайвальд уселся рядом.

Время было позднее, и в спортивном зале никого, кроме них, не было. Тут стало так пустынно, что невольно хотелось сидеть поближе друг к другу.

– С женщинами тебе будет полегче, – успокоил Фрайвальд Седлер. – Советую тебе в самое ближайшее время попробовать сразиться с кем-нибудь из них. А можешь потренировать кого-нибудь.

– Это я-то? При моих успехах?

– Ну я же буду и дальше с тобой заниматься, – сказал Фрайвальд. – Так что форма у тебя будет. Ну и потом, пора начинать тренировать мужчин. А если фехтование вызовет у них интерес, тогда придется попотеть над изготовлением спортивного инвентаря. Помимо шлемов и нагрудников нам потребуются перчатки и рапиры. Придется потрудиться!

Седлер отдышалась и стала серьезной. Она изучающе посмотрела на Фрайвальда.

– Послушай, а это действительно твоя идея? Я думала, что это так и есть – ведь ты единственный из всех членов экипажа занимался фехтованием на Земле – естественно, тебе нужны партнеры...

– Я как-то переговорил с констеблем Реймонтом, и он ухватился за мое предложение. Это он помог мне договориться с кем надо, чтобы сделали кое-что из экипировки. Понимаешь, мы должны поддерживать сносную физическую форму...

– И всеми силами отвлекаться от того кошмара, который нам грозит, – закончила за него Седлер.

– В здоровом теле – здоровый дух. Повалишься на койку измотанный – дурные мысли в голову не полезут.

– Это точно, – кивнула Седлер. – АЭлоф...

– Профессор Нильссон, пожалуй, слишком много работает, – осмелился высказать свое мнение Фрайвальд.

Джейн отвела взгляд. Фрайвальд смущенно завертел рапиру.

– И хорошо! – выпалила Седлер. – Ведь если он не сумеет разработать новое астрономическое оборудование, мы не сможем проложить экстрагалактический курс и вся работа сведется к бесплодным гаданиям!

– Верно. Все верно. Но я бы посоветовал твоему другу, Джейн, уделять хоть какое-то время спорту – глядишь, тогда и его основная работа лучше продвинулась бы.

Седлер не сдержалась.

– Знаешь, с ним все труднее жить. С каждым днем... – Но, спохватившись, она перевела разговор на другое: – Стало быть, Реймонт назначил тебя тренером.

– Ну, неофициально, конечно. Попросил меня взять на себя организацию спортивных мероприятий, придумать какие-нибудь секции поинтереснее. Ну... вообще-то я один из его неформальных помощников.

– Ясенько. Сам же он не может этим заняться. Тогда бы все поняли, куда ветер дует, решили бы, что их муштруют, и веселью конец. Все разбежались бы по каютам. – Седлер понимающе усмехнулась. – Ладно, Иоганн, можешь считать меня членом конспиративной группы.

Она протянула Фрайвальду руку. Он пожал ее и не выпустил из своей.

– Послушай, не приятнее ли будет окунуться в бассейн, чем сидеть в мокром одеянии? – предложила Седлер.

– Нет, спасибо, – с хрипотцой в голосе отозвался Фрайвальд. – Не сегодня. Давай побудем наедине. Я боюсь за себя, Джейн.

Приборы «Леоноры Кристин» обнаружили новую область с высокой плотностью материи. На счастье, область оказалась все же более разреженной, чем злополучная туманность, и корабль преодолел ее без каких-либо отрицательных последствий. Однако протяженность уплотненного участка была сравнительно велика – она раскинулась на много парсеков. Тау шло и шло на убыль. Когда корабль одолел препятствие, скорость его возросла настолько, что теперь один атом на кубический сантиметр значил для корабля столько же, сколько целое облако водорода. И ведь не только скорость росла – непрерывно росло и ускорение.

Экипаж корабля между тем жил по земному календарю, отмечая личные и религиозные праздники. Капитан Теландер каждое воскресенье проводил протестантскую мессу.

В одно из таких воскресений он попросил Ингрид Линдгрэн зайти после мессы к нему в каюту. Когда капитан вошел, Ингрид уже ждала его. На ней было короткое ярко-красное платье, и она выглядела очень нарядно на фоне полок с книгами и папками, полными бумаг. Обстановка в капитанской каюте была самая что ни на есть аскетическая, хотя каюта полностью принадлежала ему одному. Несколько семейных фотографий и наполовину собранная модель клипера – вот и все излишества.

– Доброе утро, – с привычной церемонностью поздоровался с Линдгрэн капитан, положил на полку Библию и расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. – Присядешь? Я пошлю за кофе.

– Как прошла служба? – поинтересовалась Линдгрэн, усаживаясь в кресло. – Малькольм присутствовал?

– Сегодня – нет. Видимо, наш друг Фоксе-Джемисон все еще не знает, как ему поступить – вернуться к вере отцов или оставаться веротерпимым агностиком, – шутливо ответил Теландер. – Но он придет к нам, непременно придет. Ему просто нужно осмыслить тот факт, что можно оставаться христианином и при этом быть астрофизиком. Ну а тебя, Ингрид, когда мы будем иметь счастье видеть на службе?

– Наверное, никогда. Если и существует некий высший разум, царящий над действительностью – а научного доказательства тому нет, – то какое ему дело до такого ничтожного химического явления, как человек?

– Ты почти слово в слово повторяешь Чарльза Реймонта, представляешь? – изумился Теландер, но тут же посерьезнел и поторопился возразить: – Тот, кому есть дело до всего, начиная от квантов и кончая квазарами, и нас не должен обойти своим вниманием. Рациональные доказательства? Знаешь, не хочется говорить банальности. Тем более что позвал я тебя совсем не для теософского спора. Полный кофейник, – проговорил Теландер в трубку интеркома, – сливки, сахар, две чашки в капитанскую каюту, пожалуйста.

– Сливки, – мечтательно пробормотала Линдгрэн.

– Знаешь, у наших биологов они совсем неплохо получаются, – кивнул Теландер. – Кстати, Кардуччи просто-таки воодушевлен предложением Реймонта.

– Насчет чего?

– Насчет того, чтобы повара поломали головы над рецептами новых блюд. Нет-нет, не думай, не над тем, чтобы готовить бифштексы из водорослей и культур ткани, но над чем-нибудь таким, чего еще не готовили. И я рад, что он думает об этом.

– Да, в последнее время он как шеф-повар начал сдавать, – согласилась Линдгрэн и вдруг, утратив чопорность, в сердцах стукнула кулаком по подлокотнику кресла. – Почему? – воскликнула она. – Что случилось? Мы еще и половины задуманного не выполнили. Не должны же люди были так скоро пасть духом?

– Но мы потеряли всякую уверенность...

– Знаю, знаю. Но разве само ощущение опасности не должно действовать как стимул? Что же до того, что наше путешествие, скорее всего, никогда не окончится, меня это тоже в свое время больно ударило, но ведь я оправилась в конце концов!

– Мы с тобой на службе, и служба наша не кончается, – вздохнул Теландер. – Мы, члены команды, отвечаем за жизнь экипажа. Осознание ответственности помогает жить. Но даже нам... – капитан запнулся. – Собственно, как раз об этом я и хотел с тобой потолковать, Ингрид. У нас, можно сказать, печальный юбилей. На Земле со времени нашего отлета прошло сто лет.

– Бессмыслица, – покачала головой Линдгрэн. – Как можно говорить теперь о каком-то временном соответствии?

– В психологическом плане это вовсе не бессмысленно, – возразил Теландер. – Доберись мы до беты Девы, нам бы предстояла связь с родной планетой. Мы бы тешили себя надеждой, что самые юные из наших близких прошли, к примеру, курс лечения, направленного на prolongation жизни, и еще живы. И если нам суждено вернуться, мы должны как-то напоминать Земле о себе, чтобы не возвратиться домой совсем чужими. Теперь же... это трудно осознать в любом смысле, начиная с чисто математического... Но те, кого мы покидали в возрасте грудных младенцев, уже глубокие старики и старухи... и это со всей жестокостью напоминает нам о том, что нам никогда больше не увидать тех, кого мы некогда любили.

– М-м-м... – пробормотала Линдгрэн. – Ты прав, наверное. Что-то наподобие состояния, которое испытываешь, глядя на близкого человека, на твоих глазах угасающего от тяжелой, неизлечимой болезни. Когда он умирает, это тебя не удивляет, но, как ни крути, это конец. Проклятье! – вырвалось у Линдгрэн, и глаза ее наполнились слезами.

– Ты должна сейчас как можно больше помогать людям, Ингрид, – заботливо проговорил Теландер. – У тебя это лучше получается, чем у меня.

– Ты и сам бы мог многое сделать.

Капитан понурился и покачал головой:

– Лучше не надо. Наоборот, я собираюсь устраниваться.

– Что это значит? – не скрывая тревоги, спросила Линдгрэн.

– Ничего ужасного, – успокоил ее Теландер. – Просто я занят – дел по горло, меня всюду дергают – то инженеры, то навигаторы, куча всяких непредвиденностей. Короче говоря, великолепное прикрытие для того, чтобы как можно поменьше общаться с экипажем.

– Но ради чего?

– Мы несколько раз советовались с Чарльзом Реймонтом. Он высказал превосходную мысль – на мой взгляд, просто-таки решающую. В такое время, как сейчас, когда царит неуверенность, когда к сердцу то и дело подступает отчаяние, готовое овладеть нами... каждый человек на борту корабля должен чувствовать, что его жизнь – в надежных руках. Безусловно, ни один человек не верит в то, что капитан непогрешим. Но подсознательно каждый рисует тем не менее вокруг его головы воображаемый нимб. А я... я живой человек, у меня свои слабости. Мой организм может не выдержать ежедневного перенапряжения.

Линдгрэн съехала в кресле.

– И чего же хочет от тебя констебль?

– Чтобы я постепенно прекратил общаться с гражданским экипажем, так сказать, неформально. Извинение самое простое – меня нельзя отвлекать от служебных обязанностей, поскольку все мое внимание должно быть уделено тому, чтобы корабль без риска для жизни экипажа преодолевал всяческие туманности и звездные скопления. С таким объяснением все согласится. А потом... обедать я буду один, в своей каюте, а вместе со всеми – только по большим праздникам. Отдыхать и делать физические упражнения буду тоже в одиночестве, здесь. Навещать меня будут только офицеры высокого ранга, вроде тебя, Ингрид. В общем, хочу окружить себя защитной оболочкой официального этикета. Реймонт со своими помощниками позаботится о том, чтобы ко мне обращались исключительно в подобающей вежливой форме. Короче говоря, твой добрый приятель Ларс Теландер собирается превратиться в Старца.

– Как же это похоже на Реймонта, – проворчала Линдгрэн.

– Он убедил меня в том, что это крайне важно и желательно, – сказал капитан.

– А о тебе он подумал? О тебе как о человеке?.. Сомневаюсь!

– Ничего, я переживу. Рубахой-парнем я никогда и не был, если говорить откровенно. И потом, у нас тут столько книг, которые я давно мечтал прочесть, да все не удавалось.

Теландер внимательно смотрел на Линдгрена. В каюте было тепло, и из кондиционера веяло запахом свежескошенного сена, но руки Линдгрена покрылись пупырышками, словно гусиная кожа.

– Ингрид, – негромко проговорил Теландер, – тебе тоже отведена определенная роль. Тебе предстоит больше, чем когда-либо, заниматься решением психологических проблем. Организация, посредничество, успокаивающие беседы... это будет нелегко.

– У меня одной это не получится, – призналась Линдгрена. Губы ее дрожали. – Я не сумею.

– Если должна – всегда сумеешь, – успокоил ее капитан. – На самом деле тебе совершенно не обязательно все взваливать на себя. Можно гибко распределить обязанности. Нужно просто по-умному все спланировать. Не волнуйся, все продумаем... – Он растерялся. Что-то его смущало. Даже покраснел. – И... как раз на эту тему...

– Да? – отозвалась Линдгрена.

Капитана спас звонок в дверь. Он принял из рук верзилы повара поднос с кофе, торжественно водрузил его на столик и принялся разливать кофе в чашки. При этом он – умышленно, по всей видимости, – не поворачивался к Линдгрена лицом.

– У тебя такая должность, – хрипло проговорил Теландер, не оборачиваясь. – Такая новая должность... Теперь у офицеров совершенно особая роль... Конечно, тебе нет нужды так затворничать, как мне... Но все-таки какие-то определенные ограничения в плане... скажем так, доступности...

– Бедняга Ларе! – рассмеялась Линдгрена. – Что ты так мучаешься? Ты хотел сказать, что первому помощнику не к лицу так часто менять любовников, да?

– Нет, я... Я же не об обете безбрачия, упаси боже! Мне-то, конечно, от всякого такого теперь придется воздержаться, но что касается тебя... словом, этап экспериментов для всех нас подходит к концу. У людей завязываются более или менее прочные отношения. Вот бы и тебе тоже.

– Я могу поступить лучше, – сказала Линдгрена. – Я могу остаться одна.

Теландер больше не мог стоять к ней спиной. Он повернулся и подал ей чашку.

– Ну, зачем так! Этого никто не требует... – смущенно пробормотал он.

– Спасибо, – кивнула Линдгрена, принимая чашку, и с удовольствием принялась к аромату отменно сваренного кофе. – Ларе, мы же живые люди. Неужели нам обязательно надо превращаться в настоятеля и игуменью? Ну, хочешь, я буду тебе подругой? Ничего в этом нет такого – тем более что капитану нужно время от времени совещаться со старшим помощником наедине.

– А-а-а... Нет. Ты очень любезна, Ингрид, но нет, – пробормотал Теландер и принялся мерить шагами тесное пространство каюты. – Нас так мало, все на виду, как тут сохранишь тайну? Лицемерить я не смогу. И хотя... я с радостью бы согласился сделать тебя подругой жизни, но это невозможно. Ты можешь быть чьей угодно подругой, но для меня ты – ближайший сотрудник. Понимаешь? Эх, Реймонт сумел бы, наверное, лучше объяснить...

Усмешка покинула лицо Линдгрена.

– Не нравится мне все это. Он прямо-таки вертит тобой.

– У него есть опыт поведения в кризисных ситуациях. Аргументы он приводит веские. Можно их подробно обсудить.

– Обсудим. Не сомневаюсь, в его доводах присутствует логика... каковы бы ни были мотивы. – Линдгрена отпила глоток кофе, опустила чашку на блюдце и доверительно сообщила: – За меня можешь не беспокоиться. Мне самой до смерти надоело это ребячество. Ты прав, у

нас мало-помалу входит в моду моногамия. Вот только выбор ужасно ограничен. Я и сама уже подумывала прекратить свои похождения. Ольга Собески того же мнения. Я попрошу Като перебраться к ней. Конечно, покой и трезвость необходимы, Ларе, это даст возможность о многом подумать теперь, когда мы добрались до этой скорбной столетней годовщины.

«Леонора Кристин» летела вперед, и бывшая ее цель – Дева – лежала далеко от курса. Но до Стрельца еще было далеко. Только после того как корабль проделает полпути вокруг галактики, волшебная спираль его маршрута направится к центру. Сейчас Туманность Стрельца лежала в стороне. А за ней – полная неизвестность. Астрономы ожидали, что там располагаются разреженные области космоса, где газ и космическая пыль пребывают в микроскопических концентрациях, где звезды древние и редко разбросанные. Но никакой телескоп не смог бы заглянуть за облака туманностей, окутывавших созвездие, а потому никто и не заглядывал в его окуляры.

– Интересно, отправлялись ли после нас другие экспедиции? – задумчиво проговорил пилот Ленкай. – На Земле уже столетия прошли. Наверное, там уже до такого додумались...

– Но не до того, чтобы посылать автоматические станции к центру галактики, уж это точно, – буркнул космолог Чидамбаран. – Ведь чтобы станция добралась сюда, ей нужно проделать путь длиной в тридцать тысячелетий, да еще столько же времени нужно, чтобы посланный сигнал долетел до Земли. Бессмысленно. И притом люди расселяются по галактике очень медленно.

– Да, не со скоростью света, – согласился Ленкай. – Но может быть, она уже преодолена. Физиономия Чидамбарана презрительно скривилась.

– Ну, приехали! Что за фантазии? Конечно, если тебе охота переписать всю книгу знаний со времен Эйнштейна... нет, что там Эйнштейна – со времен Аристотеля, с учетом логического противоречия в описании сигнала с неограниченной скоростью – давай, я послушаю.

– Да нет, что ты, – смутился Ленкай, стройный, поджарый, неуловимо напоминающий породистую беговую собаку. – Мне-то сверхсветовая скорость совсем ни к чему. Но сама мысль, что кому-то это доступно – порхать со звезды на звезду, как птичка, – ну, вроде того, как я мотался из города в город у себя дома... а мы в это время замурованы, заперты в клетке... нет, это было бы слишком жестоко.

– Даже если это уже кому-то удалось, к нашей судьбе это ровным счетом никакого отношения не имеет, – буркнул Чидамбаран. – Лучше воспринимать все с юмором. Так легче. Веселее.

– Веселья – хоть отбавляй! – хмыкнул Ленкай.

Стук их подошв по ступеням винтовой лестницы эхом отскакивал от переборок и уносился вверх по пролетам. Они вместе возвращались с нижней палубы, где профессор Нильссон совещался с Фоксе-Джемисоном и Чидамбараном относительно конструкции большой кристаллической дифракционной решетки.

– Тебе-то легче, – отозвался пилот. – У тебя настоящее дело. Мы все зависим от вашей бригады. Если вы не сумеете собрать новые приборы... Господи, пока мы не доберемся до планеты, где понадобятся космические челноки и самолеты, – на что я нужен?

– Ты помогаешь нам в сборке приборов. Не делай ты этого, мы бы до сих пор корпели над чертежами, – возразил Чидамбаран.

– Да, я вызвался помогать, – кивнул Ленкай. – Только ради того, чтобы не болтаться без дела. Прости, – взяв себя в руки, извинился Ленкай. – Распускаться нельзя, я понимаю. Послушай, Мохандас, можно задать тебе один вопрос?

– Спрашивай.

– Ради чего ты полетел на «Леоноре»? Да, сейчас ты тут большая шишка, это понятно. Ну а если бы не стряслось беды... и вообще... разве ты не мог заниматься изучением Вселенной

дома, на Земле? Ты же теоретик, насколько я знаю. Пусть бы такие, как Нильссон, занимались сбором информации.

– Знаешь, я вряд ли бы удовольствовался сообщениями с беты Девы. Мне показалось, что ученый моего ранга непременно должен испытать все на себе, обрести новый опыт, новые впечатления. Экспедиция сулила такие возможности – на Земле я ни за что такого не испытал бы. Не полети я, я бы, конечно, не слишком много потерял, ну а здесь... по крайней мере, голова у меня работает точно так же, как дома работала.

Ленкай потер подбородок.

– Слушай, – проговорил он. – Наверное, тебе и кабинки лечебного сна ни к чему, а?

– Наверное. Честно признаться, мне там скучно.

– А зачем же ты тогда туда ходишь, черт подери?

– Приказ. Мы все обязаны, так сказать, лечиться таким образом. Я попросил, чтобы меня от этого избавили. Но констебль Реймонт втолковал первому помощнику Линдгрэн, что подобные исключения создадут опасный прецедент.

– Реймонт! Снова этот полицей!

– Он, может быть, прав, – возразил Чидамбаран. – Мне от этого вреда никакого нет, не считая того, что я отвлекаюсь от научных размышлений, ну да это, пожалуй, даже полезно.

– Завидую твоему спокойствию. Я так просто бешусь.

– Подозреваю, что и сам Реймонт себя силой в кабинку запикивает, – сказал Чидамбаран. – Я замечаю, он там бывает редко – по минимуму. Кстати, ты обращал внимание – он ведь, когда пьет, не пьянеет вовсе? Наверное, ему тоже худо, и он держит себя в узде, чтобы не поддаться тайным страхам.

– Да, он такой. Слышал, что он на прошлой неделе сказал? Я ведь всего-навсего позаимствовал немножко медной фольги. Что такого? Она ведь не пропала бы, я только переплавить хотел. Ну, не зарегистрировал, это верно, но все равно... А этот гад сказал...

– Ладно тебе, – урезонил товарища Чидамбаран. – Он был прав. Мы же не на планете, как-никак. Все, чем мы пользуемся, должно быть употреблено во благо. Расшвыриваться чем бы то ни было пагубно. Лучше не рисковать. И уж чего-чего, а времени для всяческой бумажной бюрократии у нас хоть отбавляй. Ну, вот мы и добрались, – с облегчением проговорил Чидамбаран, остановившись у двери, ведущей в общественные отсеки.

Друзья направились к комнате гипнотерапии.

– Приятных сновидений, Матиас, – пожелал другу Чидамбаран.

– И тебе того же, – откликнулся Ленкай. – Мне тут как-то такие кошмарики привиделись, – признался он. – Но и кое-что веселенькое бывало!

Звезд стало меньше. «Леонора Кристин» пока еще не перелетала от одной спирали галактики к другой, противоположной. Пока она продвигалась по области, которую можно было приблизительно охарактеризовать как «пустота». Поскольку потребляемая масса водорода понизилась, упала и скорость корабля. Явление это было исключительно временное, ведь тау держалось в области малых величин. Спад ускорения должен был продлиться всего несколько сотен космических лет. Но на обзорных экранах корабля на некоторое время воцарилась непроницаемая ночь.

И, надо сказать, кое-кому из членов команды это зрелище нравилось несказанно больше, чем слепящий свет звезд.

Наступила очередная годовщина Дня мира. Но и церемония, и следовавшая за ней вечеринка оказались совсем не такими оживленными, как можно было ожидать, хотя будничные заботы помогали отвлечься от тоски. На корабле преобладало настроение тихого протеста.

На празднество явились далеко не все. Элоф Нильссон, к примеру, сидел сиднем в каюте, которую они делили с Джейн Седлер, и уже не первый час корпел над эскизами и расчетами внешнего телескопа собственной конструкции. Почувствовав, что устал, он пробежал

глазами библиотечный каталог в поисках какой-нибудь интересной книги и нашел захватывающий роман. Он так увлекся, что к тому времени, когда Джейн вернулась, оставалось дочитать немного.

Оторвавшись от книги, он посмотрел на Джейн красными от перенапряжения глазами. В каюте было темно, только слабо светился экран сканнера. Внушительная фигура Джейн казалась в полумраке еще более высокой.

– Господи! – вырвалось у него. – Уже пять утра!

– Заметил? Неужели? – криво усмехнулась Джейн, и Нильссон уловил запах виски и мускуса. Он открыл табакерку и взял понюшку табаку – табак был для него единственным предметом вожделения.

– Что такого? Мне же не нужно на вахту в три часа, – без тени смущения заявил Нильссон.

– Мне тоже. Я вообще своему начальнику сказала, что хочу попроситься в отпуск на недельку. Он меня отпустил. И правильно сделал. Попробовал бы отказать.

– Что за тон? Что ты себе позволяешь? А если все на корабле будут такие номера откатывать?

– Тетсуо Ивамото... то есть нет: Ивамото Тетсуо, вот как правильно будет. Японцы же сначала фамилию пишут, а потом имя, как и китайцы и еще кто-то, ну да... еще эти... венгры, представляешь? Нет, иногда, правда, они делают наоборот, ну это только так... дань уважения нам, невежественным европейцам... – Джейн явно утратила ход мысли. – Словом, он славный парень. Работать с ним – одно удовольствие. Он и без меня отлично управится. Почему бы мне не передохнуть?

– Все равно...

Она предостерегающе подняла указательный палец.

– Не смей меня отчитывать, Элоф, ясно? Слышишь, что я говорю? У меня уже твое п-пре-восход-ство вот где сидит! И не только п-превосходство. Много еще чего. Если бы у тебя в-все остальное б-было такое же в-вели-ко-леп-ное, как и твой... Н-ну все. Хватит. Ц-цветочки все увяли...

– Ты пьяна.

– Вроде да. Тебе бы тоже стоило напиться. Поч-чему ты не пришел, а?

– Чего ради? Не лучше ли честно признаться, как мне надоели кое-какие физиономии, кое-какие делишки, тупые разговорчики? И я в этом не одинок.

– Ты от меня устал? – спросила Джейн упавшим голосом.

– Что ты говоришь? – изумленно воскликнул Нильссон и выпрямился. – В чем дело, дорогая?

– В последние месяцы ты меня вниманием не балуешь.

– Не балую? Да, пожалуй, что нет, – рассеянно отозвался Нильссон и нервно забарабанил пальцами по крышке столика. – Да, я был занят.

Джейн, сделав глубокий вдох, проговорила:

– Скажу правду. Сегодня ночью я была с Иоганном Фрайвальдом.

– Фрайвальд? Механик? – выдохнул Нильссон и на несколько мгновений лишился дара речи. Джейн ждала. Нильссон продолжал барабанить пальцами по столу. Наконец он выдавил, не глядя на Седлер: – Имеешь право. Полное моральное право, в конце концов. Я не красивое молодое животное. Я... Я был... горд и счастлив... не могу даже передать, как я был счастлив, когда ты согласилась жить со мной. Ты меня научила многому такому, чего я раньше не знал и не понимал. Наверное, я был не слишком легким учеником...

– О, Элоф!

– Значит, ты бросаешь меня?

– Мы любим друг друга. – У Джейн все поплыло перед глазами. – Я-то думала, мне будет легко сказать тебе об этом. Я никак не ожидала, что тебе будет больно.

– Какое тебе дело до тонких чу... Нет, о тонкости тут и речи быть не может. Это понятие тебе попросту неведомо. А у меня есть гордость. Ты... – Нильссон снова взялся за табак. – Тебе лучше уйти. Вещи можешь потом забрать.

– Так сразу?

– Уйди! – взвизгнул Нильссон.

Седлер, всхлипывая, выскочила из каюты.

«Леонора Кристин» вернулась, что называется, в населенное звездами государство. Пролетев в пятидесяти парсеках от гигантского новорожденного солнца, она пересекла насыщенную газами область, окружавшую его. Атомы тут были сильно ионизированы, а потому захват протекал намного легче. Тау стремилось к недостижимому нулю, а вместе с ним – время.

Глава 12

У входа на палубу, где располагались общественные помещения, Реймонт помедлил. Стояла непривычная, гнетущая тишина. Первая вспышка интереса к спортивным занятиям успела угаснуть, и теперь они уже не пользовались популярностью. Экипаж собирался вместе только в часы общих трапез, а в остальное время ученые и члены команды предпочитали либо собираться небольшими компаниями, либо углублялись в чтение или просмотр фильмов, а кое-кто попросту спал, и как можно дольше. В принципе, Реймонт мог бы насильно заставить членов экипажа заниматься физическими упражнениями сколько положено, но просто не знал, как можно воодушевить людей, как их растормошить. Шли месяцы, и на корабле становилось все тоскливее. А еще более беспомощен стал Реймонт в осуществлении задуманного из-за того, что его нестигаемая жесткость нажила ему врагов. Уж слишком непререкаем он был во всем, что касалось неукоснительного соблюдения порядка.

Кстати, о порядке... Реймонт прошагал по коридору до двери комнаты гипнотерапии и распахнул ее. Все три кабинки, судя по горевшим на дверцах лампочкам, были заняты. Реймонт вынул из кармана ключ и осторожно открыл маленькие окошечки на дверцах – света они не пропускали, только воздух. Окошечки двух кабинок он тут же закрыл, а около третьей остановился. За темным стеклом гипношлема он разглядел личико Эммы Глассголд.

Реймонт пристально смотрел на Глассголд. Она безмятежно улыбалась. Без сомнения, она, как и многие другие члены экипажа, была обязана этому аппарату тем, что сохраняла выдержку и разум. Как бы ни украшали переборки цветами и драпировками, все равно корабль оставался кораблем – холодным, стерильным. В такой жесткой среде, не изобилующей подарками для органов чувств, человек неизбежно утрачивает ощущение реальности. Не получая привычного объема информации, мозг начинает восполнять недостаток впечатлений галлюцинациями, разум теряет рассудочность, и в конце концов человек становится безумцем. Таковы последствия полной сенсорной депривации. При длительном недостатке впечатлений последствия не так ярко выражены, симптомы развиваются медленнее, но во многом картина вырисовывается куда более разрушительная. Становится необходимой прямая электронная стимуляция соответствующих нервных центров. Это – с точки зрения неврологии. А с точки зрения воздействия на эмоции – долгие, яркие сновидения становятся заменой реальному опыту.

И все же...

Кожа у Глассголд стала какой-то дряблой, нездорового цвета. Экран с электроэнцефалограммой, укрепленный повыше шлема, говорил о том, что она дремлет и ее совершенно безболезненно можно разбудить. Реймонт нащупал кнопку отключения на панели прибора. Энцефалографические пики превратились в плавные волны, а чуть позже – в ровную линию. Экран погас.

Глассголд пошевелилась.

– Шалом, Моше... – пробормотала она. На корабле никого с таким именем не было. Реймонт отбросил назад колпак шлема. Эмма зажмурилась, словно не хотела просыпаться, потерла глаза кулаками, повернулась на бок.

– Ну-ка просыпайся, лежебока, – потормошил ее Реймонт.

Глассголд часто заморгала и испуганно уставилась на Реймонта. Часто, с присвистом задышав, она рывком села на кушетке. Реймонт мог поклясться, что видит, как в ее глазах угасает прекрасный сон.

– Пошли, – сказал он, протягивая ей руку. – Подальше от этого мерзкого саркофага.

– О нет, нет, – вяло запротестовала Глассголд. – Никакой он не мерзкий. Я была с Моше...

– Прости, но...

Плечи Глассголд затряслись от горьких рыданий. Реймонт с грохотом распахнул дверь кабинки.

– Ладно. Тогда пусть будет приказ. Выходи! И напрямик к доктору Латвале.

– Что тут, черт подери, происходит? – прогремел чей-то бас.

Реймонт обернулся. В дверном проеме стоял Вильямс. Он, видимо, проходил мимо, возвращаясь из бассейна, – химик был в чем мать родила и весь мокрый. Кроме того, он был не на шутку зол.

– Что, рукоприкладством занимаешься, коп? – взревел Вильямс. – До женщин добрался? И не стыдно обижать такую малышку?

Реймонт не тронулся с места.

– Правила пользования кабинками оговорены в уставе, – спокойно проговорил он. – Если же кто-то не повинуется правилам, приходится вмешиваться.

– Вот как? Всюду ты свой нос суешь, шпионишь за всеми. Нет, пора этому положить конец. С меня довольно!

– Не надо! – воскликнула Глассголд. – Драка ни к чему! Я виновата. Прошу простить меня. Я пойду.

– Черта с два ты пойдешь! – вскричал американец. – Стой где стоишь! Это твое право, защищай же его. Этот коп у меня уже вот где сидит! Пора его в чувство привести.

Реймонт, старательно выговаривая слова, произнес:

– Устав был написан не для того, чтобы в игрушки играть, доктор Вильямс. Переборщить с гипнотерапией – это еще хуже, чем вовсе не пользоваться ею. Сны превращаются в наркотик. И в конце концов человек теряет рассудок.

– Слушай, – процедил сквозь зубы Вильямс, которому, судя по всему, стоило большого труда держать себя в руках. – Все люди – разные. Ты, конечно, можешь считать, что нами можно вертеть туда-сюда, кроить нас на свой лад... Господи, чего только не напридумывал!.. Гимнастика, распорядок дня – это же младенцу ясно, ради чего это все... стрельба по манекену дурацкому – творению Педро Барриоса – ...вся твоя вшивая идиотская диктатура на нашем проклятушем «Летучем Голландце»!.. – Вильямс немного выдохся и заговорил потише. – Слушай! – сказал он. – Правила эти, будь они неладны. В них сказано, чтобы сон не передозировали, так? Но как поймешь, что кому-то уже достаточно? Мы все обязаны время от времени валяться в этих кабинках. И ты тоже, Железный Констебль. Ты тоже!

– Безусловно... – кивнул Реймонт, но Вильямс не дал ему продолжить.

– Ну а как узнать, мало или хватит? Ты! У тебя же столько чувств не наберется, сколько Господь Бог таракану отпустил! Много ты знаешь про Эмму? А вот я знаю. Я знаю, что она чудная, мужественная женщина... что она сама отлично понимает, что ей нужно... и она не нуждается в том, чтобы ты диктовал ей, как ей жить, понял? Вот дверь, – буркнул Вильямс. – Воспользуйся ею по назначению. Закрой с той стороны.

– Норберт, не надо! – взмолилась Глассголд.

Она выбралась из кабинки и пыталась встать между мужчинами. Реймонт отодвинул ее и ответил Вильямсу:

– Если кто-то нуждается в исключении из правил, слово за корабельным врачом. Ему решать, а не вам. Эмме, так или иначе, придется сходить к доктору и попросить разрешения.

– Знаю я, чего ждать от этого доктора. Он даже успокоительного не пропишет, олух.

– Нам еще годы и годы лететь. Впереди уйма непредвиденных трудностей. Если мы впадем в зависимость от таблеток...

– А тебе никогда в башку не приходило, что без этого мы скоро просто загнемся? Сами как-нибудь решим, как нам быть. Пошел вон отсюда, я сказал!

Глассголд снова предприняла неуклюжую попытку помешать стычке. Реймонт был вынужден схватить ее за руки и отвести в сторону.

– Убери руки, свинья! Не тронь ее! – взревел Вильямс, выставив перед собой сжатые кулаки.

Реймонт отпустил Глассголд и отступил в глубину комнаты, подальше от кабинок. Какое-то время он лениво отражал неумелые удары Вильямса, но вскоре, применив ловкий прием карате, он в два счета уложил разбушевавшегося химика на лопатки. Тот отплевывался и чертыхался. Из носа у него потекла кровь.

Глассголд вскрикнула и подбежала к нему, упала на колени, обняла Вильямса, прижала к себе, укоризненно посмотрела на Реймонта.

– Ну, чем не храбрец! – гневно воскликнула она.

Констебль разжал кулаки.

– А что, надо было позволить ему поколотить меня?

– Могли бы уйти. Могли бы!

– Увы, не мог. Моя обязанность – поддерживать порядок на корабле. И до тех пор, пока капитан Теландер не отправит меня в отставку, я буду этим заниматься.

– Что ж, очень хорошо, – процедила сквозь зубы Глассголд. – Мы пойдем к нему. Я подаю на вас официальную жалобу.

Реймонт покачал головой:

– Не получится. Порядок оговорен. Капитана нельзя беспокоить по подобным мелочам. У него есть дела поважнее.

Вильямс застонал, приходя в себя.

– А пойдем мы к старшему помощнику Линдгрэн, – объявил Реймонт. – И мне придется внести в ваши дела замечания с предупреждением.

– Как вам будет угодно, – поджав губы, фыркнула Глассголд.

– Только не к Линдгрэн, – простонал Вильямс. – Они же с Линдгрэн... того...

– Больше нет, – возразила ему Глассголд. – Она тоже от него устала. Еще до аварии. Нет, она рассмотрит все справедливо.

Глассголд помогла Вильямсу одеться, и он, прихрамывая, побрел вместе с ней и Реймонтом на офицерскую палубу.

Встречавшиеся им по пути люди провожали троицу любопытными взглядами и принимались гадать и расспрашивать друг друга, что же такое стряслось. Если кто-то отваживался обратиться с вопросом к Вильямсу и Глассголд, Реймонт тут же затыкал любопытным ртом. Люди отвечали ему возмущенными взглядами. Добравшись до ближайшей кабинки интеркома, Реймонт набрал код старшего помощника и попросил ее зайти в кабинет.

Кабинет представлял собой не слишком обширное, но довольно-таки солидное помещение, предназначенное для конфиденциальных переговоров и всяческих отчитываний по службе. Линдгрэн сидела за письменным столом. В лучах флуоресцентных ламп волосы ее отливали холодным, металлическим блеском. Она была одета в форму. Подчеркнуто официально она предложила Реймонту говорить, после того как все расселись.

Он вкратце изложил суть случившегося и закончил словами:

– Я обвиняю доктора Глассголд в нарушении медицинских предписаний, а доктора Вильямса – в оскорблении офицера службы порядка.

– Оскорблении действием? – уточнила Линдгрэн.

Вильямс заерзал на стуле.

– Нет, мадам. В оскорблении словом, – ответил Реймонт и, обернувшись к химику, добавил: – Считайте, что вам повезло. Из психологических соображений мы не можем устраивать судебного разбирательства, которое в иных обстоятельствах непременно повлекло бы за собой оскорбление действием. Но если вы будете и дальше так себя вести, суда вам не миновать.

– Достаточно, констебль, – оборвала его Линдгрэн. – Доктор Глассголд, не будете ли вы так добры и не изложите ли о случившемся со своей точки зрения?

Биолог все еще с трудом сдерживала гнев.

– Я признаю себя виновной в нарушении правил, – решительно потрянув головой, ответила она, – но требую, чтобы меня освидетельствовали – да и не только меня. Устав это допускает. И требую, чтобы было учтено не только мнение доктора Латвалы, а совета офицеров и моих коллег. Что касается драки, Норберт был попросту спровоцирован и стал жертвой грубой жестокости.

– Вы что скажете, доктор Вильямс?

– Ума не приложу, как это я до сих пор терплю ваши идиотские прика... – выпалил американец, но, взяв себя в руки, продолжил более спокойно: – Прошу прощения, мадам. Тонкостей космического законодательства мне никогда не удавалось упомянуть. Я считал, что лучшая наша опора – это доброта и здравый смысл. Может быть, Реймонт и прав, так сказать, с практической точки зрения, но я живой человек, и от его тупых методов меня уже тошнит.

– Что ж, доктор Глассголд и доктор Вильямс, согласны ли вы, чтобы я вынесла свой приговор по этому делу, или желаете, чтобы было проведено судебное разбирательство?

Вильямс криво улыбнулся:

– Дела у нас и так – хуже некуда, мадам. Думаю, может быть, в наши файлы этот случай стоит занести, но чтобы об этом знал весь экипаж – наверное, лучше не надо.

– О да! – с готовностью подхватила Глассголд и горячо сжала руку Вильямса.

Реймонт только успел рот раскрыть, как Линдгрэн ледяным голосом произнесла:

– Вы мой подчиненный, констебль. Безусловно, вы вправе обжаловать мое решение у капитана.

– Нет, мадам, я не стану этого делать, – покачал головой Реймонт.

– В таком случае, – сказала Линдгрэн, откинувшись на спинку стула, – мое решение таково: сегодняшний случай и все высказанные по его поводу обвинения не будут внесены ни в какую документацию. Давайте поговорим о происшедшем иначе – по-доброму, как люди, которые волей судеб оказались надолго вместе в одной, образно говоря, лодке.

– Его вы тоже имеете в виду? – оскорбленно поинтересовался Вильямс, кивнув в сторону Реймонта.

– Вы должны понимать, что порядок и дисциплина нам необходимы, – мягко урезонила его Линдгрэн. – Не будет этого – мы погибнем. Может быть, порой констебль Реймонт чересчур усердствует. Может быть, я ошибаюсь. Но как бы то ни было, он – единственный полицейский и военный специалист на борту. Если вам не по душе его методы... ну что ж, собственно говоря, для таких случаев есть я. Расслабьтесь, успокойтесь. Я сейчас попрошу, чтобы нам принесли кофе.

– Если старший помощник не возражает, – проворчал Реймонт, – я предпочел бы уйти.

– Нет, не уходите, нам есть что вам сказать, – сердито возразила Глассголд.

Реймонт смотрел на Линдгрэн. Казалось, еще чуть-чуть – и между ними проскочат искры: так наэлектризовалась атмосфера.

– Как вы верно указали, мадам, – продолжал Реймонт, – в мои обязанности входит обеспечение выполнения корабельного устава – не больше и не меньше. Тут же затевается нечто, к моим обязанностям отношения не имеющее, – теплая дружеская беседа за чашечкой кофе. Кроме того, я уверен, что джентльмену и леди без меня будет легче и спокойнее.

– Пожалуй, вы правы, констебль, – кивнула Линдгрэн. – Вы свободны. Можете идти.

Реймонт встал, отковырял и вышел из кабинета. По пути вверх он встретил Фрайвальда, и они по-приятельски поздоровались. С пятью-шестью добровольными помощниками у Реймонта по-прежнему сохранялись добрые отношения.

Реймонт открыл дверь своей каюты. Кровати были сдвинуты и разобраны. Чиюань в легком, полупрозрачном пеньюаре, похожая на маленькую девочку, грустно посмотрела на него.

– Привет, – сказала она, внимательно глядя на Реймонта. – Ты мрачен, как туча. Что случилось?

Реймонт уселся рядом с ней и рассказал все, как было.

– Ну... – нахмутив брови, проговорила Чиюань, дослушав до конца. – Разве стоит их сильно винить?

– Да нет, не стоит, пожалуй, – вздохнул Реймонт. – Хотя... Не знаю. Ведь экипаж так старательно подбирали. Весь цвет науки. Что только не учитывали – образование, особенности характера, здоровье, преданность делу. И ведь все понимали, что скорее всего обратной дороги не будет. Ну, как минимум, нас ждало возвращение совсем на другую Землю, в другие страны, уже не такие, которые мы покинули... – Реймонт рассеянно пригладил жесткие волосы. – И как все переменялось. – Он грустно улыбнулся. – Судьба наша неизвестна, может быть, нам придется погибнуть, и уж наверняка нас ждет полная изоляция. Но разве все это так уж сильно отличается от того, к чему мы себя готовили, покидая Землю? Разве из-за этого надо так убиваться? Разве можно?

– Можно, – коротко отозвалась Чиюань.

– И ты туда же, – воскликнул Реймонт и бросил на китайнку свирепый взгляд. – Я на тебя так надеялся! Что с тобой? Поначалу ты была занята работой, развлекалась, веселилась, продумывала всякие планы на будущее насчет исследований на бете Девы. Да и потом, когда случилась беда, ты вела себя молодцом.

Чиюань вяло усмехнулась и погладила Реймонта по щеке.

– Ты меня вдохновлял, – призналась она.

– А потом... чем дальше, тем больше, – продолжал Реймонт. – Я все чаще вижу, как ты просто сидишь и ничего не делаешь! Ведь у нас с тобой началось что-то большое, настоящее, а теперь... ты все реже со мной разговариваешь. Даже секс тебя, похоже, интересовать перестал. Ты не работаешь, не мечтаешь, даже не плачешь в подушку в темноте... я бы услышал и проснулся. В чем дело, Айлинь? Что с тобой происходит? Что творится со всеми?

– Скорее всего, нам недостает твоей железной воли и желания выжить любой ценой, – ответила Чиюань.

– Да, я дорожу жизнью, это точно. И пожить красиво не прочь. Но ведь у нас есть все, что нужно, и даже какой-то комфорт. И такое захватывающее приключение, если вдуматься. Чего же еще?

– Ты знаешь, какой сейчас год на Земле? – задумчиво спросила Чиюань.

– Нет. Именно я уговорил капитана Теландера убрать подальше земные часы. Они были источником множества болезненных реакций.

– Большинство из нас могут и в уме подсчитать, какой там сейчас год, – возразила Чиюань и отрешенно, монотонно продолжила: – Теперь дома приблизительно десятитысячный год от Рождества Христова. Плюс-минус несколько столетий. Да-да, меня учили в школе, что понятие одновременности в релятивистских условиях исчезает. Но еще я помню, что такая вежа, как столетие, имеет огромное психологическое воздействие. Годы идут и идут и превращают нас в изгнанников. Уже превратили. И ничего нельзя поделать. И речь уже не только о нашем экипаже. Не только о наших родных и близких. Что произошло за это время на Земле? В галактике? Чего достигли люди? Какие они теперь? Нам никогда этого не узнать, нам никогда больше не суждено разделить общую судьбу человечества.

– Ну и что из этого? – резко возразил Реймонт. – Доберись мы до третьей планеты беты Девы, луч мазера принес бы нам новости столетней давности. И все. Мы бы старились там и умирали, и смерть каждого из нас разлучала бы с человечеством, с Вселенной. Это людская доля, она всегда была такой. Так почему же нужно рыдать и рвать на себе волосы из-за того, что наша участь стала не совсем такой?

Чиюань печально посмотрела на Реймонта и медленно проговорила:

– Ведь ты не хочешь сам ответить на этот вопрос. Ты хочешь вытянуть ответ из меня. Реймонт растерялся и пробормотал:

– В общем... да.

– Ты понимаешь людей гораздо лучше, чем говоришь о них. Это, несомненно, твое личное дело. Вот и скажи мне, в чем наша беда.

– Жизнь вышла из-под контроля, – не задумываясь, ответил Реймонт. – Правда, команду еще не коснулись упаднические настроения. Команда занята работой. Но ученые, и ты в том числе, были изначально нацелены на бету Девы. Они мечтали о героическом, грандиозном труде, к которому себя и готовили. Теперь они просто не понимают, что их ждет впереди. Единственное, что им понятно, так это то, что будущее наше непредсказуемо. Что мы можем погибнуть – можем, потому что подвергаемся страшному риску, и от ученых тут ничего не зависит, помочь они ничем не могут, а потому остается одно: сидеть сложа руки и ждать, пока команда сделает за них всю работу. Естественно, есть от чего пасть духом.

– А что же нам, по-твоему, остается делать, Чарльз?

– Ну, что касается тебя, то почему бы тебе не продолжать свою работу? Со временем мы приступим к поискам планеты, на которую могли бы высадиться. Тогда планетология станет жизненно важной наукой.

– Ты знаешь, что наши шансы ничтожны. Эта гонка будет продолжаться до тех пор, пока мы все не умрем.

– Проклятье, но мы можем улучшить наши шансы!

– Как?

– Между прочим, это один из аспектов твоей работы.

Чиюань улыбнулась, на этот раз чуть более живо.

– Чарльз, ты хочешь меня растормошить. Я буду работать хотя бы для того, чтобы ты перестал рвать на меня. Поэтому ты и с другими так груб? Да?

Реймонт внимательно посмотрел на подругу.

– Ты до сих пор неплохо держалась. От природы ты стойкий человек. Пожалуй, тебе станет легче, если я буду делиться с тобой своими мыслями. Сможешь сохранить секрет фирмы?

В глазах Чиюань вспыхнули веселые искорки.

– Ты же меня вроде бы неплохо знаешь, – проворковала она и погладила его бедро босой ступней.

Реймонт пощекотал пятку Чиюань и усмехнулся.

– Все старо как мир, – сказал он. – Опыт работы в военных и полувоенных организациях. Я его пытаюсь применять тут. Человеку, как животному, необходим некий собирательный образ отца или матери, но в то же самое время он терпеть не может слушаться. Равновесия можно добиться так: высший авторитет остается далеким, богоподобным, почти недоступным существом. А непосредственный начальник должен быть гадким, мерзким сукиным сыном, который тебя все время хватает за руку, не дает шалить и которого ты, естественно, ненавидишь всеми фибрами души. А непосредственный начальник этого сукина сына настолько добр и мягок, насколько позволяет его ранг. Улавливаешь?

Чиюань прижала палец к виску и покачала головой:

– Не совсем.

– Посмотри, что у нас происходит. Ты ни за что не догадаешься, как мне пришлось вертеться в первые месяцы, после того как произошла авария. Нет, я не хочу сказать, что заслуги в наведении порядка целиком и полностью принадлежат мне. Многие происходили естественным путем. Сама логика подсказывала решение, я только немного подтолкнул ход событий. В итоге капитан Теландер пребывает в изоляции и его не касаются беспорядки и разборки типа сегодняшней.

– Как мне его жалко... – проговорила Чиюань и в упор посмотрела на Реймонта. – Значит, роль доброй мамы играет Линдгрэн?

Он кивнул.

– А я типичный старший сержант. Жесткий, грубый, требовательный, несговорчивый. Не такой мерзкий, чтобы требовать моей отставки, конечно же. Но достаточно противный, чтобы меня не любить, но при этом уважать. Для подчиненных лучше не придумаешь. Уж лучше ненавидеть меня, чем погружаться в одинокую тоску, – ведь именно этим ты, любовь моя, занимаешься в последнее время... Ну а Линдгрэн все, так сказать, сглаживает. Она первый помощник, и ее власть выше моей. И потому время от времени она отменяет мои приказы, нарушая устав ради милосердия. Тем самым она дорисовывает непогрешимый образ Верховного Владыки. До сих пор, – нахмурившись, закончил Реймонт, – система нас не подводила. Но начинает мало-помалу хромать. Нужно что-то менять.

Чиюань не спускала с него глаз. Наконец он пошевелился.

– Ты?... – нерешительно спросила китаянка. – Это все оговорено с Ингрид?

– Что? О нет. Она должна играть свою роль естественно, ничего не подозревая. Не Макиавелли же она, в конце концов. М-м-м. Черт подери, хватит об этом. Я всего-навсего хочу вернуть тебе желание жить.

– Для того чтобы я, в свою очередь, могла помочь жить тебе?

– Ну... в общем, да. Я же не супермен. И давным-давно никому не плакался в жилетку.

– Ты говоришь откровенно или это вписывается в рамки твоего психологического плана? – шутливо спросила Чиюань и откинулась на спину. – Ну да ладно. Можешь не отвечать. Будем жить друг для друга и помогать друг другу. А потом, если будем живы... ладно, все остальное обсудим потом. Если будем живы...

Смуглое, суровое лицо Реймонта смягчилось.

– Похоже, тыходишь в норму, – улыбнулся он. – Отлично.

Чиюань рассмеялась и обвила руками его шею.

– Иди ко мне, – прошептала она.

Глава 13

К скорости света можно приблизиться, но ни один объект, обладающий массой покоя, не может достичь ее целиком. Скорость «Леоноры Кристины» нарастала все медленнее. И казалось, что пространство Вселенной, по которому мчался корабль, уже не может быть больше искажено. Смещение звезд вследствие абберации составляло максимум 45° . Эффект Допплера преображал в красноватый свет звезды, остававшиеся позади, но частоту излучения тех, что летели навстречу, мог увеличить лишь вдвое.

Правда, величина обратного тау была беспредельна, и именно его величина служила мерой изменений в осязаемом пространстве и реальном времени. У оптических сдвигов предела тоже не было, и пространство как позади, так и впереди могло сжиматься почти до нуля.

И вот, облетев половину Млечного Пути и развернувшись, чтобы начать путь к его сердцевине, те, кто наблюдал космос через корабельный перископ, заметили странную картину. Звезды, расположенные ближе к кораблю, казалось, летели навстречу еще быстрее, чем раньше, и скоро исчезали из поля обзора. Это происходило потому, что за те минуты, что текли внутри корабля, в космосе пролетали годы. Небо теперь не казалось черным – оно стало лиловым, и его оттенок становился то светлее, то темнее с каждым космическим месяцем. Причиной тому было взаимодействие силовых полей и межзвездной среды – порой в силу вступал межзвездный магнетизм, из-за которого высвобождались кванты энергии. Далекие звезды виделись расплывающимися сферами – яростно-синими впереди корабля и ярко-красными позади. Но мало-помалу сферы сжимались и превращались в точки, и свет их становился более тусклым. Причиной тому было то, что львиная доля их излучения уходила из видимой части спектра и преображалась в гамма-лучи и радиоволны.

Бьюер был отремонтирован, но его способность компенсировать искажения изображения оставляла желать лучшего. Контуры световодов просто не в состоянии были различать отдельные солнца на расстоянии больше чем в несколько парсеков. Техники разобрали прибор и попробовали увеличить его разрешающую способность. Не сделай они этого, наблюдатели в скором времени попросту ослепли бы.

Этот проект наряду с кое-какими еще новшествами оказался гораздо более нужным, чем думали те, кто занимался работой. Помимо всего прочего, работа отвлекала от мрачных мыслей.

Борис Федоров нашел Луиса Перейру на гидропонной палубе. Шел сбор урожая с мини-плантации водорослей. Инженер работал наравне со своими сотрудниками – так же, как остальные, запускал по локоть руки в воду, вытаскивал оттуда зеленоватые нити, перекочевывавшие в емкости, стоявшие на тележке.

– Фу! – поморщился Федоров.

Перейра широко улыбнулся, и под черными усами блеснули белоснежные зубы.

– Зря ты так относишься к моему урожаю, – шутливо упрекнул он Федорова. – Придет время, и будешь лопать вместе со всеми за обе щеки.

– Интересно, как из этой гадости в конце концов получается восхитительный сыр «лимбургер»? – проговорил Федоров. – Слушай, у тебя есть время? Мне необходимо поговорить с тобой.

– А попозже нельзя? Нам нужно непременно вычистить всю ванну. Если загниет, придется всем потуже затянуть пояса.

– Ну, у меня со временем тоже не ахти, – несколько обиженно сказал Федоров. – Уж лучше, по-моему, поголодать немного, чем угодить в очередную аварию.

– Ребята, заканчивайте без меня, – распорядился Перейра, быстро прошел в душевую и вымылся. Не заходя в сушилку и не одеваясь, поскольку на этой палубе было очень тепло, он повел Федорова в свой кабинет.

– Честно говоря, – признался он, когда они отошли подальше, – я только и ждал, чтобы кто-нибудь утащил меня от этой треклятой ванны.

– Вряд ли ты будешь радоваться, если узнаешь, зачем я тебя отвлек. Предстоит серьезная работа.

– Так это же просто замечательно! А то я все голову ломал, как бы мне не дать ребятам распусться. Конечно, на горячий энтузиазм рассчитывать не приходится; они, конечно, поворчат, не без этого, но на самом деле будут рады заняться чем-то поинтереснее, чем обычная рутина.

Они миновали заросли зеленых растений. От листьев веяло свежестью, они приятно шуршали, если люди задевали их головой или руками. А под ними, словно разноцветные фонарики, висели спелые плоды. Глядя на эту идиллическую картину, можно было понять, почему сотрудники гидропонного отдела более спокойны, чем кто бы то ни было на корабле.

– Меня напугал Фоксе-Джемисон, – объяснил Федоров. – Дело в том, что мы уже вплотную приблизились к центральной галактической туманности, и Джемисон может испробовать в действии новые приборы для определения плотности космических масс.

– Он? Я думал... у них Нильссон главный.

– Все так думали, – кивнул Федоров и сердито поджал губы. – Он никуда не годится. В последнее время от него никакого толка – одни только скандалы да обиды. Придется остальным за него отдуваться – Ленкаю и еще кое-кому.

– Плохо дело, – огорченно проговорил Перейра. – А ведь мы рассчитывали, что Нильссон сумеет сконструировать аппаратуру для межгалактического перелета при сверхнизких параметрах тау, верно?

Федоров кивнул.

– Надо бы, конечно, его в чувство привести, но сейчас речь не о нем. Нам предстоит новая встреча с плотными слоями пространства. Я почти уверен, что на сей раз мы проскочим без последствий, и все же мне хотелось бы провести работы по укреплению обшивки для пущей уверенности. Уверенности! – воскликнул Федоров и рассмеялся лающим смехом. – Какая уверенность при таком полете! Ну как бы то ни было, мне придется привести сюда бригаду техников. Придется вам тут немного расчистить помещение. Я хотел обсудить с тобой все в общих чертах – как все повернуть, чтобы ваша работа не слишком пострадала.

– Понятно. Понятно. Ну вот мы и пришли.

Перейра пригласил Федорова в крошечный кабинет, где стояли письменный стол и полки с файлами.

– Сейчас я тебе покажу план помещений.

Примерно полчаса они обсуждали порядок перестановок. (А за бортом корабля мелькали столетия.) Перейра приглядывался к Федорову. Тот сильно сдал за последнее время. В нем трудно было узнать прежнего гениального ученого. Русский стал резок, порой груб.

Сложив в стопку чертежи и записи, Перейра участливо проговорил:

– Ты, похоже, неважно спишь в последнее время?

– Дел выше крыши, – буркнул инженер.

– Старик, ты себя замучишь когда-нибудь своей работой. Но синяки под глазами у тебя не из-за этого. Что-то неладно с Маргаритой, верно?

Федоров нервно дернулся.

– Что с ней не то?

Они с Маргаритой Хименес уже несколько месяцев подряд жили вместе.

– Борис, в нашей маленькой деревне так трудно что-то скрыть. Все видят, что она в тоске.

Федоров отвел взгляд и уставился туда, где за распахнутой дверью зеленела листва.

– Как бы мне хотелось, чтобы она так не страдала... – пробормотал он.

– М-м-м... – смущенно протянул Перейра. – Если помнишь, мы с ней время от времени бывали вместе, пока она не ушла к тебе. Может быть, что-то в ней мне понятно даже лучше, чем тебе. Я не хочу сказать, что ты бесчувственный, Борис, но женщин ты понимаешь плоховато. Мне бы очень хотелось, чтобы вам было хорошо вдвоем. Могу я чем-то помочь?

– Все дело в том, что она не желает принимать препараты против старения. Ни Урхо Латвала, ни я – мы никак не можем уговорить ее. Может быть, я, конечно, и переусердствовал. Теперь она со мной даже разговаривать не хочет. – Федоров заговорил тише и печальнее, продолжая смотреть на зеленые листья. – Понимаешь, я ведь ее никогда... не любил. Да и она меня тоже. Но мы привыкли друг к другу, она мне нравится. Я хочу сделать для нее все, что в моих силах. Но что я могу?

– Она молодая женщина, – сказал Перейра. – Сейчас она перевозбуждена, и поэтому всякое напоминание о возрасте может вызывать у нее бурный протест. Ей не хочется стареть и умирать.

Федоров резко развернулся к биологу:

– Она не дуручка! Она должна прекрасно понимать, что это лечение обязательно для всех людей зрелого возраста – иначе у нее климакс наступит на пятьдесят лет раньше, чем положено. А она твердит, что ей только этого и надо!

– Почему?

– Хочет умереть до того, как выйдут из строя химические и экологические системы. Ты им сроку дал пятьдесят лет, верно ведь?

– Да. Медленно, но верно они будут сдавать. Если мы до тех пор не разыщем подходящую планету...

– Но она остается убежденной христианкой, противницей самоубийства, – сказал Федоров и поежился. – Мне такая перспектива тоже не по душе. Да и кому она может понравиться? А она отказывается верить, что конец не неизбежен, – такой конец, о котором она думает.

– Подозреваю, – задумчиво проговорил Перейра, – что больше всего ее страшит мысль о том, что она умрет бездетной. Она как-то, помнится, придумывала имена для всех своих многочисленных детишек.

– Хочешь сказать... Погоди, дай подумать. Черт подери, выходит, прав был Нильссон... Он как-то на днях ворчал насчет того, что мы никогда не найдем дома. Вынужден признать, жизнь при таких мыслях кажется совершенно бессмысленной.

– Вот-вот. А для Маргариты – особенно. И, глядя в пустоту, в безысходность, она сдалась и – подсознательно конечно – избрала для себя единственно возможную форму самоубийства.

– Но что же делать, Луис? – обреченно воскликнул Федоров.

– Если бы капитан отдал приказ об обязательности такого лечения... Ведь это резонно, если на то пошло. Представь, если мы все-таки несмотря ни на что высадимся на какую-нибудь планету, каждой женщине придется рожать, и как можно больше.

– Еще одно правило! – вспыхнул инженер. – Чтобы Реймонт поволок ее к врачу? Нет уж, уволь!

– Не стоит тебе так злиться на Реймонта, – попытался успокоить Перейра Федорова. – Положение у вас с ним одинаковое. Вы больше не соперники.

– Я его прикончу когда-нибудь!

– Ну, это ты хватил! – рассмеялся Перейра. – Ты романтик, Борис, а он – воплощение прагматизма.

– Ну ладно, а что бы он мог сделать с Маргаритой? – ворчливо спросил Федоров.

– Ну, не знаю... Что-нибудь несентиментальное. Мог бы, к примеру, организовать бригаду по ремонту и модификации биосистем и аппаратуры для обеспечения органических циклов – тогда корабль бы протянул дольше и она успела бы родить, скажем, двоих детей...

Перейра умолк. Мужчины довольно долго смотрели друг на друга, а в мыслях у обоих было: «А почему бы и нет?»

Мария Тооманен вбежала в спортивный зал. Иоганн Фрайвальд разминался на трапеции.

– На помощь! – крикнула она, вся дрожа. – В игровой комнате драка!

Фрайвальд соскочил на пол и побежал по коридору. Из комнаты для игр доносились шум, громкие крики. Вбежав туда, Фрайвальд увидел примерно десяток свободных от вахты членов экипажа. Они выстроились кружком. Фрайвальд всех растолкал и протиснулся вперед. Дрались второй пилот Педро Барриос и кок Майкл О’Доннел. Пока что они еще не успели нанести друг другу серьезных травм, но выглядело все ужасно.

– Прекратите! – крикнул Фрайвальд.

Драчуны остановились. Весь экипаж уже знал, что Реймонт обучил своих помощников всяким хитрым приемам.

– Что за шутки? – сурово спросил Фрайвальд и, обернувшись к зевакам, укоризненно проговорил: – А вы что, не могли их разнять? Неужели вы так глупы, что не понимаете, до чего могут довести подобные выходки?

– До сих пор меня никто не называл шулером! – тяжело сопя, крикнул О’Доннел.

– А я говорю, что ты шулер! – рявкнул Барриос.

И они снова бросились друг на друга, но Фрайвальд успел вмешаться. Он ухватил воротники рубашек обоих драчунов, перекрутил ткань и нажал кулаками на кадыки. Оба забияки сразу обмякли. Фрайвальд добавил для верности каждому по паре «фумикоми». Драчуны застонали от боли и согнулись пополам.

– Лучше бы надели боксерские перчатки да поколотили друг друга на ринге, – буркнул Фрайвальд. – А теперь пойдете со мной к первому помощнику.

– Гм-м-м, прошу прощения, – проговорил кто-то за спиной Фрайвальда. Из сбившейся в кучку группы зевак вышел стройный, энергичный молодой человек – картограф Пхра Такх. – Думаю, это не нужно.

– А я думаю, что это не ваше дело, – буркнул Фрайвальд.

– Это мое дело, – возразил Такх. – Самое главное сейчас – наше единство. А от официальных мер толку не будет. Я друг обоих этих людей. И, думаю, сумею помирить их.

– Если мы перестанем уважать законы, мы погибнем, – ответил Фрайвальд. – Я уведу их. Такх предложил:

– Можно мне хотя бы сначала переговорить с вами с глазу на глаз? Буквально минутку.

В голосе его звучала неподдельная тревога, и Фрайвальд не смог отказать картографу.

– Ну... хорошо, – кивнул он. – А вы, – строго сказал он драчунам, – оставайтесь здесь.

Он вошел с Такхом в игровую комнату и закрыл дверь.

– Не могу же я все так оставить, – объяснил Фрайвальд, – отпустить их, после того как они оказали мне сопротивление. После того как капитан Теландер наделил нас, помощников констебля, официальными полномочиями, мы действуем на благо экипажа. Вы гляньте сюда, юноша, – и Фрайвальд, спустив носок, продемонстрировал кровоподтек на лодыжке.

– Ну и что? – не унимался Такх. – Неужели нельзя забыть про этот синяк? Сделайте вид, что вы ничего не заметили. Они неплохие парни. Просто дуреют от однообразия, бесцельности, постоянного напряжения – все ведь только о том и думают, уцелеем мы или врежемся снова во что-нибудь типа звезды.

– Если мы начнем позволять кому-то безнаказанно дубасить друг друга... – гнул свое Фрайвальд.

– Ну а если я их взял и разнял? Если они, скажем, извинятся перед вами? Разве это будет не лучшим уроком для них, чем арест и наказание?

– Может быть, и так, – скептически пробурчал Фрайвальд. – Но с какой стати я должен верить, что все это вам удастся?

– А с такой, что я точно такой же помощник констебля, как и вы.

– Что? – выпучил глаза Фрайвальд.

– Встретите Реймонта – спросите у него, но наедине. Я никому не должен говорить, что я его помощник, и сказать об этом могу только помощнику официальному, вроде вас, в экстренной ситуации. Насколько я понимаю, сейчас именно такая ситуация.

– Aber...²⁵ Почему? – недоуменно пробормотал Фрайвальд.

– Реймонту и самому то и дело приходится сталкиваться с непослушанием, сопротивлением и уклонением, – пояснил Такх. – У его добровольных явных помощников, таких как вы, Фрайвальд, трудностей меньше. Вам не приходится делать грязную работу. И все равно по отношению к вам складывается недружелюбие и сопротивление, и уж, конечно, никто не станет вам доверять чего-то такого, что, как ему кажется, может не понравиться Реймонту. Я... я не шпион. Да и серьезных преступлений у нас пока что, на счастье, не бывало. Я должен изо всех сил стараться умирять всякие ссоры. Как сегодня, к примеру.

– А я думал, вам Реймонт не нравится, – растерянно проговорил Фрайвальд.

– Я бы и теперь так не сказал, – честно признался Такх. – Но он, так или иначе, сумел меня убедить, что я могу поработать на общее дело. Надеюсь, вы не станете выдавать тайну?

– О нет. Нет, конечно. Даже Джейн не скажу. Ну и дела!

– Так вы позволите мне разобраться с Педро и Майклом?

– Да, займитесь этим. И сколько же у Реймонта еще таких тайных агентов, интересно?

– Понятия не имею, – пожал плечами Такх. – Но подозреваю, что он надеется подключить многих к этой работе.

Картограф кивнул Фрайвальду и вышел.

---

²⁵ Но (нем.).

Глава 14

Облачные массы в центре галактики производили впечатление суровых громадных грозовых туч. «Леонора Кристин» добралась уже почти до самой их границы. Впереди не было видно ни единой звезды, да и по разные стороны от корабля с каждым часом их становилось все меньше, и горели они все слабее.

Здесь, где концентрация звездной пыли была так велика, корабль передвигался благодаря совершенно фантастическому виду аэродинамики. Показатели обратного тау достигли поистине головокружительных цифр, а потому плотность пространства для корабля не имела почти никакого значения. Наоборот, корабль еще более жадно, чем прежде, пожирал материю и больше не ограничивался только атомами водорода. Модифицированные селекторные установки обращали все, что им только попадалось: газы, пыль, метеориты – в топливо и материал для реакции. Кинетическая энергия и временной дифференциал бешено ползли вверх. Создавалось впечатление, будто безумный порыв ветра несет «Леонору Кристин» между скоплениями солнц.

Несмотря на то что переборки сильно дрожали, время от времени обшивку корабля сотрясали удары, свидетельствовавшие о том, что плотность пространства, которое пересекает корабль, постоянно меняется; казалось, все идет, как задумано, и все-таки Реймонт зачем-то пригласил Нильссона в кабинет Линдгрена.

Линдгрена, одетая в форму, восседала на своем месте за письменным столом. Она заметно похудела, вокруг глаз легли темные тени.

– Неужели нельзя было подождать, пока мы не переберемся через эти преграды, констебль? – спросила Линдгрена сердито и устало.

– Думаю, нельзя, мадам, – ответил Реймонт. – Если случится что-то непредвиденное, мы должны быть уверены, что на людей можно положиться.

– Вы обвиняете профессора Нильссона в том, что он сеет смуту. Но наш устав предусматривает свободу слова.

Нильссон поерзал на стуле, и стул жалобно скрипнул.

– Я ученый, – сварливо проговорил астроном. – И обладаю не только правом, но и обязанностью говорить то, что думаю.

Линдгрена неприязненно поглядела на Нильссона. Астроном жутко опустил плечи. Щеки его покрывала неровная грязная щетина, он явно давно не мылся, одежда на нем была нестираная и мятая.

– Однако у вас нет никакого права распространять страшные истории, – возразил Реймонт. – Разве вы не замечали, какое впечатление ваши рассказы производят на некоторых женщин, когда вы разглагольствуете за столом? Именно поэтому я был вынужден вмешаться. К сожалению, вы этим уже давно занимаетесь, Нильссон.

– Я всего-навсего говорю вслух о том, что все прекрасно знают давным-давно, – буркнул астроном. – Просто другие боятся говорить, а я – нет.

– Получается, что у всех хватает тактичности молчать, а у вас – нет.

– Не надо оскорблений, – вмешалась Линдгрена. – Расскажите мне по порядку, что произошло.

Линдгрена в последнее время не ходила в столовую и ела в своей каюте, ссылаясь на занятость, и в свободное от вахты время ее мало кто видел.

– Вы отлично знаете что, – начал Нильссон. – Мы эту тему затрагивали периодически.

– Какую тему? – спросила Линдгрена. – Тем у нас много, и разговариваем мы о многом.

– Вот именно, разговариваем, – подхватил Реймонт. – А не читаем лекции товарищам, многие из которых совсем пали духом.

– Прошу вас, констебль. Продолжайте, профессор Нильссон.
Астроном надулся от важности.

– Все элементарно. Просто поражаюсь, неужели вы все такие тупицы, что до сих пор не придали этому серьезного значения! Вы слепо верите в то, что мы притормозим в скоплении Девы и найдем там подходящую для высадки планету. Но, скажите на милость, как нам это удастся? Вы только задумайтесь о тех требованиях, которые мы предъявляем к обитаемой планете! Масса, температура, излучение, атмосфера, гидросфера, биосфера... при самом удачном стечении обстоятельств только у одной из сотни звезд может найтись планета, хотя бы приблизительно напоминающая Землю.

– Так... – проговорила Линдгрэн. – Ну конечно...

Но Нильссон вовсе не собирался сдавать своих позиций. Пожалуй, он даже не расслышал Линдгрэн. Кусая ногти, он продолжал:

– Если обитаемые планеты есть только у одной сотой из звезд, представляете ли вы, сколько же их нам надо исследовать, чтобы найти ту, единственно необходимую нам? Я вам скажу, сколько: пятьдесят. Я думал, такие подсчеты может произвести любой из тех, кто находится на корабле. Безусловно, нам может сказочно повезти, и мы с первой же попытки напоремся, так сказать, на Новую Землю. Но шансы – один против девяноста девяти. Несомненно, пытаться придется не один раз. Теперь: обследование каждой из звезд займет много времени. Каждый раз придется тратить на торможение что-то около года. И еще столько же – на ускорение, если придется лететь дальше. И это именно годы, годы по корабельному времени, поскольку все это время нужно будет лететь со скоростью, мизерной по сравнению со скоростью света, то есть при тау, близком к единице, что, в свою очередь, не позволит нам сохранять на корабле нормальную силу тяжести.

Следовательно, на каждую звезду нам придется тратить не меньше двух лет. И средняя вероятность, о которой я говорил, – всего лишь средняя, напоминаю, поскольку мы запросто можем и не обнаружить Новую Землю среди первых пятидесяти звезд, – так вот, при этой средней вероятности нам потребуется потратить на поиски сто лет. Но на самом деле – гораздо больше, потому что время от времени мы будем вынуждены останавливаться и активно пополнять запасы вещества для реакции. Хоть обпейся лекарств против старения, все равно нам более века не прожить.

А потому вся наша затея, весь тот риск, которому мы себя подвергаем, мотаясь по дебрям галактики, все это – только упражнения в бесплодности. *Quod erat demonstrandum*²⁶.

– У вас уйма отвратительных привычек, Нильссон, – не выдержал Реймонт, – и в частности, бубнить себе под нос.

– Мадам! – возмущенно выдохнул астроном. – Я протестую! Я подаю жалобу! Это оскорбление личности!

– Прекратите! – приказала Линдгрэн. – Прекратите оба. Должна признать, что вы ведете себя вызывающе, профессор Нильссон. Но и вам я должна сделать замечание, констебль, и напомнить вам, что профессор Нильссон – один из самых выдающихся в своей области ученых на Земле... вернее, был когда-то. Он заслуживает уважения.

– Во всяком случае, поведение его у меня уважения не вызывает. И запах тоже, если на то пошло.

– Констебль, сохраняйте тактичность, либо мне придется вас наказать, – сердито проговорила Линдгрэн. – Унижать людей вам никто права не давал. Мы пленники пространства и времени; мир, который мы покинули, уже сто лет как погребен, мы почти вслепую пробираемся по самой жуткой части галактики, в любое мгновение мы можем столкнуться с чем-то таким,

---

²⁶ Что и требовалось доказать (*лат.*).

что нас уничтожит, а в лучшем случае нам суждено еще не один год протомиться в замкнутой среде. Разве не естественно, что люди реагируют на такие вещи? Понимаете вы это или нет?

– Понимаю, мадам, – кивнул Реймонт. – Но не понимаю другого: неужели оттого, что люди ведут себя дурно, все станет лучше?

– Тут вы правы, – согласилась Линдгрэн.

Нильссон вздернул подбородок, но потом обмяк и проговорил уныло:

– Если хотите, я говорил так, только чтобы потом у людей не было горького разочарования.

– А вы уверены, что при этом не тешили заодно собственное «я»? – со вздохом спросила Линдгрэн. – Ну да ладно. Ваша точка зрения оправдана.

– Вовсе нет, – возразил Реймонт. – Профессор выводит свой один процент, считая все звезды. Но ведь мы же не станем, например, учитывать красные карлики – а их большинство – или голубые гиганты, да и множество звезд, по параметрам свечения не укладывающихся в сравнительно узкую часть спектра. Тем самым масштабы поиска значительно сужаются.

– Можете свести фактор вероятности к одному из десяти? – буркнул Нильссон. – Лично мне в такое верится слабо. Но хорошо, давайте предположим, что вероятность будет именно такова. Все равно нам придется обследовать пять звезд из десяти. Сколько получится? Десять лет. А скорее – двадцать, если предусмотреть все условия. Самые юные из нас успеют здорово постареть. За это время многие утратят репродуктивную способность и наследственность пострадает, что приведет к снижению банка генов, а он у нас и сейчас невелик. Если нам придется ждать несколько десятилетий до того блаженного момента, когда можно будет родить детей, мы попросту никаких детей родить не сможем. Мало кому из них будет суждено достичь сознательного возраста к тому времени, как их родители станут беспомощными стариками. В любом случае нам не протянуть дольше трех-четырех поколений. Видите, я и в генетике кое-что понимаю. – Астроном уже без всякой напыщенности закончил: – Я вовсе не хотел кого-то обидеть или задеть чьи-то чувства. Я хотел помочь показать вам, что ваша мечта о колонии первооткрывателей, о новом ядре человечества в другой галактике – это всего лишь детская фантазия, и ничего больше.

– У вас есть альтернатива? – спросила Линдгрэн.

Щеки Нильссона судорожно задержались.

– Никаких альтернатив, кроме реального взгляда на происходящее, – выдавил он. – Трезвое осознание суровой правды: нам никогда не суждено покинуть этот корабль. И то, что вести себя мы должны в соответствии с правдой.

– А потому вы засучив рукава взялись за работу? – проворчал Реймонт.

– Мне не нравится, как вы об этом говорите, сэр, но я понял, что конструировать аппаратуру для длительного полета совершенно бессмысленно. Лететь нам по большому счету некуда, так какая разница? Даже предложения Федорова и Перейры насчет продления срока действия системы жизнеобеспечения меня не воодушевляют.

– Но, надеюсь, вы понимаете, – сказал Реймонт, – что примерно для половины людей согласие с вашей точкой зрения означает не что иное, как самоубийство?

– Возможно, – пожал плечами Нильссон.

– И вы сами настолько ненавидите жизнь? – спросила Линдгрэн.

Нильссон приподнялся, но тут же снова сел и что-то забормotal.

Реймонт, к удивлению старшего помощника и астронома, сменил гнев на милость:

– Профессор, я пригласил вас не только для того, чтобы положить конец вашим мрачным прогнозам. Гораздо больше мне хотелось бы узнать, почему вы упорно отказываетесь думать о том, как можно было бы повысить наши шансы на спасение.

– Интересно, как это их можно повысить?

– Это я от вас хочу услышать. Вы специалист, эксперт. Насколько я помню, на Земле вы возглавляли группу астрономов, которой удалось обнаружить порядка пятидесяти планетарных систем. Больше того, вам удалось выявить и отдельные планеты, определить их характеристики – и все это на расстоянии множества световых лет. Почему же вы не можете ради нас выполнить подобные исследования?

Нильссон фыркнул:

– Смешно! Похоже, придется на пальцах объяснять азбучные истины. Согласны выслушать меня, старший помощник? И вы слушайте внимательно, констебль... Безусловно, с помощью крупного телескопа можно рассмотреть на расстоянии в несколько парсеков космический объект величиной с Юпитер. При условии, что объект хорошо освещен, но при этом не теряется в лучах ближайшего к нему светила. Безусловно, с помощью математического анализа данных пертурбации, полученных за несколько лет, можно приобрести кое-какие сведения о планетах, расположенных вблизи светила, – таких планетах, которые слишком малы для того, чтобы их можно было сфотографировать. Неточности в уравнениях до некоторой степени могут быть ликвидированы за счет тщательного интерферометрического изучения вспышек звезды – на эти циклы планеты оказывают кое-какое, хоть и малозначительное, влияние. Но! – Нильссон увлекся и ткнул Реймонта в грудь указательным пальцем. – Вы просто не представляете себе, насколько неточны получаемые в итоге результаты. Журналисты, конечно же, принимают за трезвонить, что обнаружена новая планета, жутко похожая на Землю. Но на самом деле это всего лишь вольная интерпретация полученных нами данных. Одно из многочисленных вероятных распределений размеров планет и параметров орбит. Да еще и с погрешностями. И все это – при помощи самых крупных и самых точных инструментов на Земле, то есть таких, какими мы здесь не располагаем, да и собери мы их, – нам негде было бы их разместить.

Так что даже на Земле единственным способом получения детальной информации о планетах за пределами Солнечной системы служили полеты автоматических станций, а позднее – кораблей с людьми на борту. В нашем случае существует единственная возможность проведения исследований: торможение с целью проведения непосредственного наблюдения, после чего, как я убежден, – продолжение пути. Ведь нельзя забывать о том, что планета, которая может показаться во всех отношениях идеальной, на самом деле оказывается либо стерильной, либо имеет такую оригинальную биохимию, что жить на ней невозможно, а то и того хуже – смертельно опасно.

Поэтому советую вам, констебль, слегка проштудировать учебники или хотя бы обзавестись толикой здравого смысла и реализма. Ясно? – закончил тираду Нильссон с видом триумфатора.

– Профессор... – начала было Линдгрэн.

Констебль загадочно улыбнулся.

– Не волнуйтесь, мадам, – сказал Реймонт. – Драки не будет. Он меня нисколько не унижил. Хотите верьте, хотите нет, – продолжал констебль, не спуская глаз с Нильссона, – а я знал, что вы нам скажете. Кроме того, я знал, что вы – человек способный или, по крайней мере, были таким когда-то. На вашем счету – уйма всяческих новшеств, с помощью которых сделана такая же уйма открытий. И покуда мы не забастовали, вы делали для нас важную и тонкую работу. Так почему же вам не поломать голову над теми проблемами, что стоят перед нами?

– Может, вы снизойдете настолько, что изложите суть проблемы? – съязвил Нильссон.

– Я не ученый и даже не техник, – возразил Реймонт. – И все-таки некоторые вещи для меня очевидны. Представим, что мы попали в ту галактику, к которой стремимся. Подлетели мы к ней при крайне низких значениях тау, и все-таки они таковы, что... ну, словом, можно взять любые, какие захочется, лишь бы было удобно. Скажем... десять в степени минус три. Получается, что у вас... вполне достаточно времени для наблюдений. За недели, месяцы по корабельному времени вы сумеете собрать о конкретной звезде больше информации, чем о

любой соседке Солнца. Позволю себе предположить, что вы могли бы изыскать метод, основанный на релятивистских эффектах, который помог бы вам получить сведения, для земных астрономов попросту недоступные. Ну и, конечно же, вы сумеете наблюдать сразу за многими звездами класса Солнца одновременно. Следовательно, вы неизбежно обнаружите и докажете с помощью точнейших расчетов, не оставляющих ни малейшей почвы для сомнений, что у некоторых из этих звезд имеются планеты, массой и параметрами орбиты сходные с Землей.

– Допустим. Но все равно останутся такие вопросы, как состав атмосферы, природа биосферы... Так или иначе потребуется исследование на близком расстоянии.

– Конечно, конечно. Но надо ли будет ради этого останавливаться всякий раз? Представим, что вместо этого мы прокладываем курс таким образом, что он захватывает наиболее многообещающие солнца, но мы при этом продолжаем двигаться со скоростью, близкой к световой. По космическому времени на каждую интересующую нас планету мы потратим от нескольких часов до нескольких дней. Какие угодно методы – спектроскопия, термоскопия, фотография, магнитоскопия – список продолжите сами. В итоге мы получим довольно подробное представление об условиях на поверхности – как физических, так и биологических. Мы сумеем исследовать параметры термодинамического неравновесия, спектр отражения хлорофилла, аспекты поляризации за счет присутствия популяций микробов, продуцирующих определенные аминокислоты... словом, полная информация, на основании чего можно будет с уверенностью определить, пригодна ли планета для обитания. При низких показателях тау мы сумеем исследовать большое число планет за мизерное по нашим часам время. Ну, то есть не мы сами, конечно, – львиную долю работы выполнят за нас приборы, автоматика. А потом, когда мы обнаружим подходящую планету, мы можем вернуться к ней. Согласен, на это уйдет года два. Но *такие* два года пережить можно. Ведь мы будем знать, что нас ждет дом.

Бледное лицо Линдгрена озарилось легким румянцем. Глаза ее вспыхнули, оживились.

– Господи! – вырвалось у нее. – Почему же ты молчал об этом раньше?

– Приходилось думать о другом, – ответил Реймонт. – А вот вы почему молчите, профессор Нильссон?

– Потому что вся затея абсурдна, – буркнул Нильссон. – Вы предполагаете наличие приборной базы, которой у нас попросту нет.

– Разве нельзя такие приборы собрать? Инструментов хватает, у нас есть точные станки, детали, специалисты-профессионалы высочайшего класса. На самом деле ваша команда уже добилась кое-каких успехов.

– Но вы же требуете такой скорости и точности исследований... Это на несколько порядков превышает прежнюю эффективность!

– И что?! – удивился Реймонт. Нильссон и Линдгрэн смотрели на него. – И что, неужели мы так-таки неспособны собрать такую аппаратуру? – спросил Реймонт изумленно. – Не здесь ли собрался весь цвет научной мысли? Ну хорошо, чего-то наши ученые могут не знать, согласен, но недостающие сведения можно почерпнуть из микрофильмов – их у нас полным-полно, там собраны сведения из смежных областей науки.

Допустим, например, что Эмма Глассголд и Норберт Вильямс примутся за совместную работу и выработают принципиальную схему прибора для выявления и исследования биологических форм жизни на расстоянии. В случае необходимости они могут консультироваться с другими специалистами. Мало-помалу к ним присоединятся физики, электронщики, а на финишном этапе конструирования и сборки – еще масса ученых. А вы, профессор Нильссон, тем временем возглавите группу, занимающуюся изготовлением аппаратуры для дистанционной планетографии. На самом деле вы – именно тот человек, который мог бы возглавить весь проект целиком.

Послушайте! – воскликнул Реймонт так легко и радостно, словно с плеч его свалилась тяжкая ноша. – Да ведь это именно то, что нам нужно! Важное, увлекательное дело, требующее

от каждого полной отдачи. Даже те, кто не будет занят в проекте непосредственно, смогут оказать посильную помощь – ассистенты, чертежники, рабочие. Наверное, придется переоборудовать грузовую палубу под цех... Ингрид, мы же не только наши жизни спасем, мы спасемся от безумия!

Реймонт вскочил. Линдгрэн тоже встала, и они схватили друг друга за руки.

Только потом они вспомнили о Нильссоне. Он сидел ссутулившись, хмурый, нервно дрожал.

Линдгрэн в тревоге бросилась к нему.

– Что с вами?

– Немыслимо, – пробормотал Нильссон, не поднимая головы. – Невозможно.

– Вовсе нет! – воскликнула Линдгрэн. – Никто не требует от вас, чтобы вы открывали новые законы природы. Основные принципы работы – такие же, как были всегда.

– Да, но вы требуете их применения в совершенно неслыханной области! – вскрикнул Нильссон и закрыл лицо руками. – Господи, помилуй меня! – прошептал он в полном отчаянии. – Я разучился думать...

Линдгрэн и Реймонт, стоя рядом с Нильссоном, обменялись взглядами. Линдгрэн беззвучно пошевелила губами. Когда-то Реймонт научил ее этой маленькой хитрости – читать слова по губам.

– А без него у нас получится? – прочитал Реймонт ее слова.

– Вряд ли. Лучшего руководителя проекта не найти. По крайней мере, без него шансов преуспеть намного меньше.

Линдгрэн зашла за спину Нильссона, обняла астронома за плечи.

– Ну что за беда? – спросила она заботливо.

– Никакой надежды не осталось, – всхлипнул Нильссон. – Жить не для чего.

– Есть!

– Вы же знаете, наверное... Джейн ушла от меня... несколько месяцев назад. А другая... Нет других и быть не может... Так ради чего... Что мне осталось?

– Стало быть, – одними губами проговорил Реймонт, – вот в чем причина. Жалость к себе.

Линдгрэн нахмурилась и покачала головой.

– Нет, Элоф, вы ошибаетесь, – пробормотала она. – Вы... Ты нужен всем нам. Разве мы стали бы просить тебя о помощи, если бы не ценили тебя так высоко?

– Не меня, – покачал головой Нильссон. – Мои мозги. Давайте уж начистоту. – Он выпрямился и в упор уставился на Линдгрэн покрасневшими глазами. – Ум мой вам нужен. Мои советы. Мои знания и талант. Для себя. Но я-то сам на что вам сдался? Может, вы меня за человека считаете? Нет! Для вас я всего-навсего грязный старый Нильссон. Что с ним нежничать? Стоит ему рот открыть, как каждый тут же находит тысячу причин удрать. Никто его в гости не зовет. Ну, в крайнем случае позовут четвертым в бридж или спросят насчет того, как лучше придумать такой-то и такой-то прибор. И что же можно ждать от такого? Работы? Творчества, так сказать? Увольте!

– Это неправда!

– О, не надо, я не ребенок, – поморщился Нильссон. – И если бы это было в моих силах, я бы помог вам. Но голова у меня не работает, я же говорю! За последние недели мне ни одной свежей мысли не пришло! Можете считать, что меня сковал страх смерти. А можете назвать это разновидностью импотенции. Как хотите – так и называйте. Вам ведь все равно. Никто не желает дружить со мной, приглашать в компанию, ничего не хочет... Меня бросили одного в темноте, на холоде. Так что же удивляться тому, что у меня мозги окоченели?

Линдгрэн отвела взгляд. Когда она снова посмотрела на Нильссона, лицо ее было спокойным.

– Просто не могу выразить, как мне стыдно, Элоф. Но ты и сам во многом виноват. Ты вел себя так... так эгоистично, казался таким самодовольным, что все посчитали, будто тебе никто не нужен. Ольге Собески, к примеру, наоборот. Ей одиноко. Потому она и переехала ко мне. А когда ты объединился с Гуссейном Садеком...

– Садек... – проворчал Нильссон. – Да он ни разу шторы не отодвинул. Вот только беда – звукоизоляция у нас неважная. Я все слышу, что он там с девочками вытворяет.

– Тогда понятно, – улыбнулась Линдгрэн. – Если честно, Элоф, мне тоже так жить надоело.

Нильссон буркнул что-то неопределенное.

– Пожалуй, нам надо побеседовать наедине, – сказала Линдгрэн. – Ты... вы не против, констебль?

– Нет, – покачал головой Реймонт. – Конечно, не против. – И вышел из кабинета.

Глава 15

«Леонора Кристин» промчалась сквозь ядро галактики за двадцать тысяч лет. На борту корабля за это время минуло несколько часов. Это были страшные часы: обшивка стонала и трещала от перегрузок. На экране внешнего обзора беспросветная темнота сменялась дымкой – сверкающей, слепящей, созданной скоплениями бесчисленных звезд. Возможность столкнуться со звездой не исключалась: она, скрытая от глаз за плотной завесой галактической пыли, могла в любой миг оказаться прямо перед кораблем. Что при таком столкновении ожидало звезду, сказать было трудно. Вероятно, она могла бы стать сверхновой. А что ожидало корабль? Он мог погибнуть так быстро, что его пассажиры даже не успели бы это заметить. Но, с другой стороны, корабль сейчас пролетал по такой области галактики, где обратное тау возросло до таких величин, что они не поддавались определению.

Передышка наступила только тогда, когда корабль пересекал участок пустого пространства в центре – тут было затишье, как в середине циклона. Фоксе-Джемисон смотрел в окуляр выюера и видел множество солнц – красных, белых, нейтронных карликов... таких, что были вдвое-втрое старше Солнца и его соседей, и таких, что казались совершенно не похожими на те, что он когда-либо видел раньше, и чуть не плакал.

– Непостижимо! Просто издевательство! Прямо под рукой – ответы на миллионы вопросов, и ни единого прибора для исследования!

Его товарищи печально усмехнулись. Кто-то съязвил:

– А где, интересно узнать, ты бы опубликовал результаты наблюдений?

Как ни странно, возродившаяся надежда на лучшее частенько давала себе выход в виде такого вот черного юмора.

А на совещании, куда Будро пригласил Теландера и Реймонта, было не до шуток. Совещание это произошло вскоре после того, как корабль преодолел туманность по другую сторону от ядра галактики и понесся в обратном направлении по той же спирали, по которой летел к центру. «Леонора Кристин» оставила позади нечто, напоминающее пульсирующую шаровую молнию, а впереди простиралась сгущающаяся тьма. И все же, если можно так выразиться, подводные камни были преодолены, и путешествие к галактикам, в области которых располагалось скопление Девы, должно было занять всего лишь несколько месяцев по корабельному времени. Программу исследований и разработки новой аппаратуры почти все восприняли с самым горячим энтузиазмом. Кое-кто даже собрался отметить окончание ответственного этапа в столовой – с вином и музыкой. Взрывы хохота прерывались звучными трелями аккордеона, на котором мастерски играл корабельный врач Урхо Латвала. Отзвуки веселья долетали до капитанского мостика.

– Наверное, надо было дать вам повеселиться вместе с остальными, – извиняющимся тоном начал Будро. Черная борода обрамляла его болезненно пожелтевшее лицо. – Но дело в том, что Мохандас Чидамбаран передал мне результаты расчетов, которые провел сразу же, как мы выскочили из ядра. Он решил, что будет лучше, если я просмотрю расчеты и сделаю какие-то практические выводы... как будто у меня есть сборник правил по межгалактической навигации! Теперь он засел в своей каюте и предается медитации. А я, как только вышел из ступора, решил немедленно посоветоваться с вами.

Капитан Теландер нахмурился и приготовился к новому удару судьбы.

– Каковы результаты? – сухо поинтересовался он.

– И в чем вообще дело? – уточнил Реймонт.

– Дело в плотности пространства впереди нас, – ответил Будро. – Внутри нашей Галактики, между галактиками, между скоплениями галактики. При теперешних показателях тау

частотный сдвиг радиоэмиссии нейтрального водорода таков, что приборы, уже собранные бригадой астрономов, обретают беспрецедентную точность.

– И что же они говорят?

Будро обхватил себя руками.

– Концентрация межзвездного газа падает медленнее, чем мы ожидали. При тех показателях тау, какие у нас будут, когда мы распрощаемся с нашей Галактикой – Млечным Путем – через двадцать миллионов световых лет, то есть на полпути к скоплению Девы... данные, конечно, приблизительные, но все равно будет еще опасно отключать силовые поля.

Теландер прикрыл глаза.

Реймонт резко произнес:

– Такую возможность мы уже обговаривали. Мы не исключали вероятность того, что даже в промежутке между двумя скоплениями нам не удастся произвести ремонтные работы. Из-за этого, в частности, Федоров и Перейра хотят модифицировать систему жизнеобеспечения, продлить срок ее деятельности. Вижу, что у тебя есть другое предложение.

– То самое, о котором мы не так давно толковали, – сказал Будро, глядя на капитана.

Реймонт ждал.

Будро объяснил ему бесстрастным голосом профессионала:

– Еще несколько столетий назад астрономы установили, что скопления или семейства галактик, подобные нашему, не являются высшей формой организации звезд. Группы из одного-двух десятков галактик, в свою очередь, образуют еще более крупные сообщества. Сверхсемейства, что ли...

Реймонт издал короткий смешок.

– Может быть, их стоит назвать кланами?

– А что? Весьма подходящий термин. И правда, клан состоит из нескольких семейств. Ну так вот. Среднее расстояние между членами семейства составляет что-то около миллиона световых лет. Среднее расстояние от одного семейства до другого, естественно, намного больше – порядка пяти-десяти миллионов световых лет. Мы планировали покинуть наше семейство и направиться к ближайшему – тому, в которое входит Дева. Оба они относятся к одному и тому же клану.

– А нам, – кивнул Реймонт, догадываясь, к чему клонит навигатор, – придется, в том случае если мы не сумеем затормозить, покинуть не только собственное семейство, но и весь клан в придачу.

– Боюсь, что дела обстоят именно так, – вздохнул Будро.

– И далеко до следующего клана?

– Не могу сказать. Давно не заглядывал в астрономические журналы. В последнее время они не слишком регулярно поступают, верно?

– Ближе к делу, – попросил Теландер.

– Прошу прощения, капитан, – спохватился Будро. – Признаю, шутка дурацкая. – Навигатор снова заговорил серьезно: – Чидамбаран считает, что этого никто не знает наверняка. Концентрация скоплений галактик резко падает на расстоянии примерно в шестьдесят миллионов световых лет от того места, где мы сейчас находимся. Дальше – пустота. Ближайшее скопление – примерно в миллионе световых лет, по приблизительным расчетам Чидамбарана, или чуть меньше. Безусловно, в промежутке между кланами пространство пребывает в состоянии, настолько близком к абсолютному вакууму, что там нам не понадобится никакая защита.

– Можем мы дотуда добраться? – спросил Реймонт.

На лбу у Будро выступили капельки пота.

– Опасность очевидна, – сказал он. – Мы углубимся в неизвестность намного сильнее, чем когда-либо мечтали. Ни ориентиров, ни точек отсчета. Нам потребуется такое тау...

– Минутку, – прервал его Реймонт. – Позволь, я попробую описать положение с точки зрения дилетанта, чтобы удостовериться, что я тебя правильно понимаю.

Реймонт умолк и потер подбородок так яростно, что вышел звук, похожий на тот, что бывает, когда дерево зачищают наждаком. Констебль нахмурился и наконец изложил свои мысли:

– Мы должны добраться... не просто до промежутка между семействами, а выйти в пространство между отдельными кланами. Следовательно, мы должны довести показатели тау до одной миллиардной или что-то в этом духе. Способны мы сделать это? Скорее всего, да, иначе бы ты вообще об этом не говорил. Догадываюсь, что способ проложить курс по нашему семейству с захватом как минимум еще одного галактического ядра существует. Существует и способ преодолеть еще одно звездное семейство – будь то скопление, в которое входит Дева, или какое-то другое. Короче говоря, надо пересечь как можно больше отдельных галактик и при этом непрерывно наращивать ускорение.

И как только наш клан останется позади, мы сумеем произвести ремонт. Потом нам потребуется точно такое же время на торможение. Тау будет на нижнем пределе, пространство страшно разреженное, нам не удастся стартовать. Материала для запуска горелок там будет недостаточно, информации для навигации – практически никакой. Остается только надеяться, что мы преодолеем следующий клан.

Но нам должно это удалиться! Хотя бы чисто статистически! Но путь затянется.

– Все верно, – подтвердил Теландер. – Вы все поняли правильно.

А наверху пели:

Но на родных берегах Лох-Ломонда²⁷

Мне с любимой не встретиться вновь.

– Ну что же... – задумчиво проговорил Реймонт. – На мой взгляд, ничего страшного. Обычный порочный круг.

– Ты о чем? – нахмурился Будро.

Реймонт пожал плечами.

– Нам нужны такие показатели тау, чтобы мы сумели преодолеть расстояние до следующего клана – сто миллионов световых лет или что-то в этом духе. Такие показатели тау, чтобы мы сумели осуществить поиск среди некоего неизвестного числа звездных кланов, а на поиск, вероятно, уйдет не один миллиард световых лет, пока мы в конце концов не доберемся до такого клана, в который сможем попасть. Уверен, вы сумеете проложить такой курс по первому же клану, который позволит нам набрать необходимую скорость. Насчет всяческих коллизий волноваться незачем. Волноваться нам, в принципе, нельзя. Прогоните корабль через самую плотную область газа и пыли, какую только отыщете.

– Вы... вы как-то воспринимаете все... чересчур спокойно... – изумленно проговорил Теландер.

– А как я должен реагировать? Рыдать? Волосы на себе рвать и посыпать пеплом?

– Значит, я был прав, когда решил, что ты должен первым узнать новость, – вздохнул Будро. – Только ты сумеешь передать ее остальным.

Реймонт долго молча смотрел на товарищей. Молчание затянулось.

– Я, между прочим, не капитан, – напомнил он в конце концов.

Теландер вымученно улыбнулся.

– В каком-то смысле – капитан, констебль.

---

²⁷ Лох-Ломонд – озеро в Шотландии.

Реймонт встал и отошел к стойке с приборами. Наклонив голову, крепко сжав приклады пистолетов, он пробормотал:

– Что ж... Если вы хотите, чтобы я все взял на себя...

– Да, так было бы лучше.

– Тогда вот что. Народ у нас замечательный. Сейчас все воспряли духом, все заняты делом, для каждого есть место. Так что очень надеюсь, они сумеют понять, что по человеческим меркам большой разницы между миллионом и миллиардом, да если на то пошло – и десятками миллиардов световых лет, нет. Изгнание оно и есть изгнание, как ни считай.

– Но ведь время идет, увы... – печально проговорил Теландер.

– Это так, – кивнул Реймонт и посмотрел на собеседников. – Не представляю, надолго ли затянется наше путешествие. Времени у нас немного. И ситуация складывается непривычная, неестественная. Многие, уверен, сумеют адаптироваться, но, как показал опыт, не все. Значит, мы просто обязаны уменьшать и уменьшать тау, какова бы ни была опасность. Не только для того, чтобы до предела сократить путь. Но и из психологической необходимости – сделать все, на что мы способны.

– То есть?

– Разве вы не понимаете? Ведь для нас это способ победить Вселенную. *Vogue la galere*²⁸. Полный вперед, и плевать на торпеды. Думаю, если мне удастся изложить задачу в таком разрезе, народ оживится. По крайней мере, на время.

...Там птицы поют, расцветают цветы
И дремлет под солнцем вода...

---

²⁸ Аврал на корабле (*фр.*).

Глава 16

От Млечного Пути корабль удалялся не по прямой – курс его представлял собой извилистую линию, каждый отрезок которой равнялся нескольким световым годам. «Леонора Кристин» направлялась туда, где были расположены самые плотные туманности и облака космической пыли. На ее борту прошло всего несколько дней с тех пор, как корабль расстался с родной Галактикой и понесся по просторам беззвездной ночи.

Иоганн Фрайвальд явился к Эмме Гласголд с кое-каким оборудованием, сделанным по ее заказу. Как и было решено, она присоединилась к Норберту Вильямсу в работе по конструированию аппаратуры для дистанционного исследования органических форм жизни. Когда механик вошел в лабораторию, Гласголд расхаживала из угла в угол, что-то напевая под нос. Пахло реактивами, пробирки и реторты весело поблескивали, полные разноцветных жидкостей, и дребезжали в такт с подрагивающими переборками. Почему-то Гласголд показалась Фрайвальду новобрачной, занятой приготовлением именинного пирога для возлюбленного.

– Спасибо! – радостно воскликнула Гласголд, получив приборы.

– Ты такая счастливая, – удивился Фрайвальд. – С чего бы это?

– А о чем грустить?

– Да о чем угодно! – яростно рукой рубанул воздух механик.

– Ну, если ты о скоплении Девы, это понятно. Но дело в том, что мы с Норбертом... – Она запнулась и покраснела. – Словом, проект у нас просто потрясающий, и Норберт уже предложил свои блестящие идеи! А ты что такой мрачный? – задорно кивнула она и пристально посмотрела на Фрайвальда. – Куда девалось твоё очаровательное нищезанятие?

– Сегодня мы покидаем нашу Галактику, – сумрачно отозвался Фрайвальд. – Навсегда.

– Но ты же знал, что...

– Знал. Знал и знаю, и что когда-нибудь умру, и, что самое ужасное, что когда-нибудь умрет Джейн. От таких мыслей не развеселишься. Ты... – И вдруг Фрайвальд, высокий, стройный, светловолосый, всегда такой жизнерадостный, обреченно воскликнул: – Ты веришь, что мы хоть когда-нибудь остановимся?

– Что я могу сказать? – пробормотала Гласголд и встала на цыпочки, чтобы дотянуться до плеча Фрайвальда. – Знаешь, мне тоже было тяжело, но Бог милостив, и страшные мысли покинули меня. Теперь я смиренно приму любую судьбу, какой бы она ни была, и, правду говоря, верю, что в том, что с нами случилось, очень много хорошего. Уверена, тебе это тоже по силам, Иоганн.

– Попробую, – вздохнул Фрайвальд. – Только... так темно... Вот уже не думал не гадал, что снова буду, как маленький, бояться темноты.

Громадное звездное веретено Галактики сморщилось, потускнело и осталось позади. А впереди уже завиднелась новая галактика – скопление светил удивительной, непостижимой тонкости и красоты. Ниже нее и выше нее мерцали и переливались сверкающие облака света. Несмотря на то что по законам Эйнштейна пространство было сильно искривлено и сжато за счет той скорости, с которой летела «Леонора Кристин», казалось, что до звездных царств еще немыслимо далеко.

А скорость корабля неумолимо росла – правда, не так быстро, как раньше, ведь концентрация космического газа теперь была примерно в сто тысяч раз ниже, чем в окрестностях Солнца, – но все-таки достаточно сильно для того, чтобы корабль добрался до ближайшей галактики за несколько недель по корабельному времени. Сейчас, как никогда раньше, нужны были тончайшие астрономические наблюдения, а они были невозможны без радикальной переделки аппаратуры, чем и занималась со страстью спасающихся от погони беглецов команда, возглавляемая Нильссоном.

Производя проверку блоков фотоконвертера, он сделал открытие. Звезд в районе, где протекал полет, было мало. Причина этого явления астроному была не совсем ясна: то ли они удалились от родительских галактик вследствие каких-то произвольных пертурбаций невероятно давно, много миллиардов лет назад, то ли непонятно каким образом зародились здесь, в глубинах космоса. Невероятно, но факт – корабль пролетел довольно близко от одной из таких звезд, красного карлика, и аппаратура Нильссона успела определить, что у звезды должна быть система планет... но красный карлик растаял за бортом, будто его и не было...

Нильссон представил себе эти планеты... замерзшие, мрачные, безумно древние, намного старше Земли... может быть, на каких-то еще трепещет жизнь... но ни одна звезда не разрывает светом мрак тамошних ночей... Он поведал об этом Линдгрэн, и она попросила его не рассказывать это остальным.

Прошло еще несколько дней, и однажды, вернувшись в каюту после работы, Нильссон застал там Линдгрэн. Она даже не заметила, что он вошел. Линдгрэн сидела на кровати в полумраке и смотрела на семейную фотографию. Свет от ночника падал на ее белокурые волосы, казавшиеся седыми. Она тихо перебирала струны лютни и напевала. Нет, она пела не те веселые песни, что, по ее словам, принадлежали ее любимому Глашатаю. Да и язык... датский? Нильссон почти сразу узнал стихи. Якобсен – «Песни Гурре». Музыка Шенберга.

Король Вальдемар призвал свою свиту восстать из могил и отправиться с ним на охоту...

Будь славен, Король! Нас веди за собой!
Помчимся по острову чащей густой!
Безмолвна призывная песня рогов,
Незрячи глаза твоих метких стрелков,
Но призрак оленя лишь только мелькнет –
Мы призраки стрел отправляем в полет.
Из раны смертельной роса побежит,
И вот над добычей уж ворон кружит...
Звучи до рассвета, леса оглашай.
Невидимых гончих неслышимый лай!
Нам эта охота судьбой суждена
До Судного дня, до последнего дня...
Так мчитесь же, кони, топчите траву,
Взбивайте, как пену, сырую листву!
За лесом руины белеют во тьме,
Здесь некогда замок стоял на холме...
...Но чем накормить нам усталых коней?
Кругом лишь крапива да жухлый репей...

Ингрид начала было следующую строфу – ту, где Вальдемар плачет об утраченной возлюбленной, но не допела и перешла сразу к тому месту, когда должен наступить рассвет...

Но чу! Уж вот-вот петухи пропоют!
Могилы отверсты, к себе нас зовут.
Все ужасы ночи земля поглотит,
Свет солнца веселую жизнь воскресит,
И радостной песней зальются ручьи,
А мы возвратимся в гробницы свои,
Где нам суждены до скончанья веков
Лишь сонмы безумных, безрадостных снов...

Немного помолчав, Нильссон робко проговорил:

– Как горько, дорогая... И как напоминает о доме...

Линдгрэн оглянулась – бледная, усталая.

– Прости, я не хотела, чтобы меня кто-нибудь услышал.

Нильссону стало нестерпимо жаль ее. Он подошел, сел рядом и осторожно спросил:

– Ты и правда считаешь нас похожими на персонажей этой баллады? На свиту мертвецов?

Трудно поверить.

– Я стараюсь держаться, – проговорила Линдгрэн, глядя в одну точку и продолжая извлекать из лютни диссонирующие аккорды. – Но порой... Ты же знаешь, уже почти миллион лет прошел...

Нильссон обнял ее за талию.

– Чем мне помочь тебе, Ингрид? Чем? – Она тихо покачала головой. – Я так тебе обязан! – продолжал он. – Ты мне столько дала! Свою силу, доброту, себя самое... Ты снова сделала меня мужчиной... Правда... – добавил он смущенно, – я, конечно, не самый замечательный. Ни красотой не могу похвастаться, ни остроумием... И тебе я не пара. Но мне так этого хочется!

– Я знаю, Элоф.

– И если тебе... если ты устала от меня... Не знаю, может быть, тебе хочется чего-то другого... какого-то разнообразия...

– Нет. Ничего такого, – мотнула головой Линдгрэн и отложила лютню. – Мы должны привести наш корабль в гавань. Должны – и все. А все остальное – чепуха.

Нильссон встревоженно посмотрел на нее, стараясь понять, о чем она думает, но Линдгрэн, не дав ему сказать ни слова, улыбнулась, поцеловала его и сказала:

– И все же надо когда-то и отдохнуть. Забыться. А помочь ты мне можешь, Элоф. Принеси-ка наш паек спиртного. Можешь выпить большую часть. Ты такой славный, когда перестаешь стесняться! Давай позовем кого-нибудь в гости, кто помоложе, повеселее, – хотя бы Луиса и Марию... посмеемся, поиграем во что-нибудь, подурачимся... а если кто-то скажет хоть слово о серьезных вещах – окатим его водой из кувшина с ног до головы... Согласен?

– Попробую... – ошарашенно улыбнулся Нильссон.

«Леонора Кристин» пересекла экваториальную область новой галактики – такой путь был избран для того, чтобы довести до максимума протяженность полета через области с наивысшей концентрацией газа и космической пыли. Едва лишь была преодолена граница скопления, как корабль начал набирать скорость. Шум и вибрация сотрясали переборки.

Капитан Теландер не покидал своего места на мостике. Новая галактика простиралась перед «Леонорой Кристин» – витая спираль, похожая на серебристо-голубую дорогу. Переоборудованные экраны то и дело озарялись светом летящих навстречу гигантских звезд, казавшихся искорками волшебного фейерверка, подхваченными ветром, бушевавшим за обшивкой корабля. «Леонора Кристин» мчалась вперед, и ее то окутывала непроницаемая мгла пылевых туч, то озаряло сияние новорожденных звезд.

Основная нагрузка сейчас лежала на плечах Ленкая и Барриоса. Они вручную маневрировали курсом корабля, проводя его по руслу звездной реки длиной в сотни тысяч световых лет. Они не отрывали глаз от экранов и слушали голоса Будро и Федорова, звучавшие из динамиков интеркома и объяснявшие им, что за объекты находятся по курсу и чем они могут грозить кораблю. Управлять кораблем на такой бешеной скорости было чрезвычайно сложно, и приборы, прежде столь безотказно служившие навигаторам, превратились в нечто наподобие дельфийских оракулов. Большей частью астронавты полагались на опыт, умение и интуицию, а может, порой и на молитву.

Капитан Теландер уже не первый час сидел в своем кресле так неподвижно, что его можно было вполне принять за мумию. Лишь несколько раз он прерывал молчание. «Обнару-

жена плотная концентрация материи, сэр. Пожалуй, слишком плотная для нас. Попробовать обойти?» Он отвечал: «Нет. Следуйте заданным курсом, не упускайте ни единой возможности понизить значение тау, даже если ситуация складывается пятьдесят на пятьдесят». Все переговоры звучали спокойно и бесстрастно.

Пылевые облака вокруг ядра новой галактики оказались более плотными, чем вокруг ядра Млечного Пути. Обшивку сотрясали космические громы. Ускорение возрастало невыносимо быстро. Падали и разбивались приборы, навигаторы поднимали их, обливаясь потом, устанавливали по местам и налаживали... бешено мигали лампочки на пульте управления, а пассажиры в каютах в страхе ждали смерти, что могла настичь их в любое мгновение.

– Следуйте заданным курсом! – прозвучала команда Теландера и была выполнена.

И корабль выжил. Промчавшись по звездному полю, он вынырнул в черноту. Галактика осталась позади. Всего за час! Теландер радостно сообщил об этом по интеркому. Ответом ему было громогласное «ура!».

На мостик вбежал Опост Будро. Он весь дрожал, но радовался, как ребенок.

– Mon Dieu²⁹, сэр, мы сделали это! А я даже не верил, что удастся! Честно говоря, мне бы не хватило храбрости отдать такие команды. Вы были правы! Вы герой, капитан! Вы вернули нам всем надежду!

– Пока нет, – сухо проговорил Теландер, не поднимаясь с кресла. Глядя мимо Будро, он спросил: – Навигационные данные проверили? Нам удастся использовать другие галактики этого семейства?

– Ну... в общем, да. Некоторые – удастся, хотя кое-какие из них представляют собой небольшие эллиптические системы, а другие нам придется только краем задеть, так сказать. Скорость слишком велика. Но зато каждый раз опасность для нас будет все менее и менее велика, учитывая прирост массы корабля. Ну и потом, мы сможем точно так же пересечь два-три семейства галактик. По моим расчетам... – Будро задумчиво потерев бороду, – мы очутимся в пространстве между двумя кланами галактик и углубимся в него достаточно далеко, чтобы можно было произвести ремонтные работы... это будет примерно через месяц.

– Хорошо, – кивнул Теландер.

Будро присмотрелся к капитану повнимательнее и испугался не на шутку. Казалось, от Теландера осталась одна оболочка.

Мрак.

Беспросветная ночь.

Только приборы, усиливающие увеличение изображения и мощность звука, преобразующие длину волн, улавливали какой-то слабый свет. Людские органы чувств молчали.

– Мы мертвы, – раздался в наушниках голос Федорова.

– Я бы так не сказал, – отозвался Реймонт.

– А что такое смерть, как не отсутствие всего на свете? Ни солнца, ни звезд, ни звуков, ни веса, даже теней – и тех нет! – хрипло звучал голос Федорова, не нарушаемый даже космическими шумами. Свет укрепленного на его шлеме фонарика отражался от обшивки и терялся в непроницаемой тьме космической ночи.

– Пошли, – поторопил его Реймонт.

– Кто ты такой, чтобы тут командовать? – огрызнулся Федоров. – Что ты понимаешь в системе двигателя Буссарда? И что тебя вообще понесло с бригадой ремонтников?

– Я неплохо управляюсь с инструментами в невесомости, – ответил Реймонт. – Так что для вас – лишняя пара рук. Кроме того, я понимаю, что работу надо сделать как можно быстрее. Уж это ты как-нибудь мог бы сообразить.

---

²⁹ Мой Бог! (фр.)

– Куда спешить? – хмыкнул Федоров. – У нас вся вечность в запасе. Мы же мертвы, не забывай.

– Вот если мы врубимся в какую-нибудь туманность с выключенными силовыми полями, тогда уж точно сдохнем, – парировал Реймонт. – При таком тау, как у нас сейчас, за глаза хватит одного атома на кубический сантиметр... а до следующего клана галактик всего несколько недель.

– И что?

– Слушай, Федоров, ты что, совершенно уверен в том, что мы прямо-таки не можем в любое мгновение врезаться во что угодно? Зародыш галактики, громадное облако водорода – темное, невидимое... да мало ли еще что?

– «В любое мгновение!» – фыркнул Федоров. – Сказал бы уж – в любое тысячелетие.

Похоже, ему таки надоело язвить, и он наконец выбрался наружу из главного люка. Бригада последовала за ним.

Люди, перебиравшиеся вдоль обшивки, были похожи на призраков. Федоров трусом не был никогда, но на миг ему почудилось, будто он слышит шелест крыльев фурий. Да, принято считать, что в космосе темно. Однако большинство представляют себе, что эта тьма озарена светом мириад звезд, собранных в созвездия, галактики, скопления, туманности. Все верно. Так выглядит *внутренний* космос. А здесь... Здесь даже о черном фоне говорить не приходилось. Никакого фона не было. Никакого. Неуклюжие фигуры в скафандрах, смутно напоминавшие людей, плавный изгиб серебристой обшивки корабля – все призрачное, разрозненное, нереальное... Ускорение прекратилось, а вместе с ним исчезла сила тяжести.

Передвижение напоминало какое-то бесконечное плавание, полет, падение... А между тем... Федоров помнил, что его невесомое тело массой может сравниться с горой. Была ли хоть какая-то толика весомости в его полете? Или константы инерции неумовимо изменились здесь, где измерения пространства-времени сжались до почти что прямой линии? Или это иллюзия скольжения в могильном мраке, поглотившем его? Что такое иллюзия? Что такое реальность? Что было реальностью?

Осторожно продвигалась ремонтная бригада вдоль обшивки, и каждый думал об одном: только бы не отцепиться от корабля, только бы не порвался соединительный трос! Так же страшно расстаться с родным кораблем в Солнечной системе, но здесь, где и метеора-то не встретишь неведомо сколько лет, – нет, лучше об этом не думать... Бригада добралась до паутины гидромагнитных генераторов. Какими хрупкими казались они сейчас!

– А если мы не сумеем отремонтировать декселераторы? – проговорил чей-то голос в наушниках. – Так и будем лететь вперед и вперед? Что с нами будет? А вдруг на краю Вселенной и физические законы другие? Не превратимся ли мы во что-нибудь жуткое?

– Пространство изотропично, – буркнул Реймонт, отвечая неизвестно кому. – Края Вселенной не существует. Чушь какая! И давайте все-таки надеяться на то, что нам удастся одолеть эти проклятые тормоза!

Ответом ему было несколько вздохов. Бригада добралась до цели. Пока остальные укрепляли тросы на скобах обшивки ионного двигателя, Федоров подобрался к Реймонту и прислонился к его шлему свой – так можно было переговорить без опасения быть услышанным другими.

– Спасибо, констебль, – сказал он.

– За что?

– За то, что ты такой прозаичный засранец, вот за что.

– Нам и работа предстоит вполне прозаичная – ремонт. Мы, конечно, жуть как далеко улетели, давно пережили ту расу, что породила нас, но недалеко ушли от прямоходящих обезьян. Так неужели относиться к себе серьезно? По-моему, не стоит.

– Гм, – хмыкнул Федоров. – Теперь понимаю, почему Линдгрэн так настаивала, чтобы я взял тебя с собой. – Помолчав, он добавил: – Кстати, насчет нее...

– Да!

– Я... Я на тебя злился за то, как ты к ней относишься. Это главное. Конечно, ты и меня унизил, что и говорить. Только настоящие мужчины должны быть выше такого. Но мне она была очень, очень дорога, и я за нее переживал.

– Брось. Давай забудем об этом, – ответил Реймонт.

– Не сумею. Но кое-что я теперь лучше понимаю, чем раньше. Тебе ведь тоже было больно, наверное. Теперь-то она не с тобой и не со мной. Так, может, пожмем друг другу руки, Чарльз, и будем друзьями?

– Конечно. Я и сам этого хотел. Хороших людей не так уж много.

Рукопожатие вышло неуклюжим, но оно состоялось.

– Отлично, – смущенно пробормотал Федоров и снова включил передатчик. – Ну что ж, надо бы взглянуть, что там и как...

Глава 17

Впереди забрезжил свет. Крошечные пятнышки огня превращались в яркие звезды. Их становилось все больше, вот они заняли уже половину поля зрения व्यюера...

Но это были не отдельные звезды – нет, это были целые семейства галактик, собранные в клан. Позже, по мере приближения корабля, они распались на скопления, а еще позже – на отдельные галактики.

Вьюер реконструировал эту картину не совсем такой, какой она предстала бы перед взором независимого наблюдателя. Компьютер обрабатывал спектральную информацию, учитывал воздействие эффекта Доплера и аберрации, производил необходимую доводку. И тем не менее картина создавалась, увы, только приблизительная.

Специалисты решили, что клан находится примерно в трехстах миллионах световых лет от Солнечной системы. Но для такого глубокого космоса не существовало карт, не было и стандартов измерений. Вероятная погрешность при выведении показателей тау была весьма значительна. Никакие из справочных материалов, имевшихся на борту, не содержали данных о величине абсорбции.

Первоначально «Леонора Кристин» направлялась не к такой далекой цели, и все детали ее курса были сведены в таблицы. Прелегай ее курс по звездному клану, в который входят Млечный Путь, туманность Андромеды и скопление Девы, ей бы не пришлось продираться сквозь такие плотные скопления материи. И скорость корабля тогда была бы ниже, а теперь он мчался со скоростью, настолько близкой к световой, что любая пылинка, встречавшаяся на пути, имела для него значение. Как ни парадоксально, по корабельному времени путь до ближайшей возможной цели оказался бы длиннее, чем до этого клана.

Кроме того, непонятно было, как долго еще протянет экипаж.

Радость, вызванная известием о починке декселераторов, быстро угасла. Многие понимали, что ни одна из двух систем модуля Буссарда неспособна работать в пространстве между двумя кланами галактик – слишком низка концентрация газов. А потому кораблю предстояло несколько недель лететь с выключенным двигателем по траектории, обусловленной релятивистской баллистикой. Внутри корабля установилась невесомость. Предложение использовать боковые ионные сопла для создания центробежной псевдогравитации обсудили и отклонили, так как при этом возникли бы радиальные и кориолисовы эффекты, слишком опасные как для передвижения, так и для самочувствия экипажа. Конструкция корабля не позволяла такой модификации, да и люди не обладали нужной тренировкой.

Нужно было ждать и терпеть много недель, которые за бортом «Леоноры Кристин» равнялись целым историческим эпохам.

Реймонт открыл дверь своей каюты. Он так устал, что допустил ошибку: стукнулся о переборку, отпустил скобу и взлетел в воздух, да так, что перекувырнулся через голову и ударился о стенку, отскочил и только потом влетел в каюту. Опомнившись, он ухватился за скобу и осторожно прикрыл дверь.

Время было позднее, и он думал, что Чиюань Айлинь давно спит. Но она не спала – парила с открытыми глазами над сдвинутыми кроватями, пристегнувшись тоненьким тросиком. Заметив Реймонта, она так поспешно отключила библиотечный монитор, что стало ясно: книгу она читала не слишком внимательно.

– Ну вот... – проворчал Реймонт. – И у тебя то же самое?

Голос его прозвучал непривычно громко; до того как наступила невесомость, а с ней – и тишина, все привыкли перекидывать шум двигателя и дребезжание переборок.

– Что «то же самое»? – болезненно улыбаясь, спросила Чиюань. В последнее время они виделись редко и мало. У Реймонта было полно работы, и в каюте он появлялся, только чтобы

поспать, а все остальное время мотался как проклятый – что-то организовывал, кому-то помогал, где-то распоряжался, что-то советовал, придумывал, планировал и так далее и так далее...

– Разучилась спать в невесомости? – уточнил Реймонт свой вопрос.

– Да. То есть нет, не разучилась. Станный, правда, сон получается – легкий какой-то, и сны снятся всякие... Но просыпаюсь я отдохнувшей.

– Хорошо, – облегченно вздохнул Реймонт. – А то еще у двоих такая история.

– То есть? Бессонница?

– Да. Плюс нервное истощение. Стоит заснуть – тут же просыпаются и кричат. Кошмары снятся. Не уверен, что виной этому только невесомость. Скорее, она стала последней каплей, вызвавшей стресс. И Урхо Латвала точно не знает. Я только что от него. Он советовался со мной. Просто не понимает, что ему делать, – психотропные средства уже на исходе.

– И что ты ему посоветовал?

Реймонт скривился.

– Я перечислил тех, кто, как мне кажется, безусловно нуждается в лекарствах, а кто и без них пока обойдется.

– Тут дело не только в психологическом эффекте, ты же понимаешь, – сказала Чиюань. – Слабость. Чисто физическая усталость от попыток что-то делать в невесомости.

– Это понятно, – кивнул Реймонт, зацепился ногой за скобу и начал раздеваться. – Но это необходимо. Профессионалы-космонавты знают, как себя вести, и мы с тобой знаем, и еще несколько человек. Мы умеем приспосабливаться к невесомости, понимаем, как надо координировать работу мышц так, чтобы они не уставали. Беда в том, что наши сухопутные ученые этого не умеют.

– Сколько еще это протянется, Чарльз?

– Как сейчас? Кто знает? Завтра собираются реактивировать силовые поля, запустить внутренний генератор на малых оборотах. Осторожность нужна – всякое может случиться. Вдруг мы попадем в зону плотной материи скорее, чем ожидаем. В лучшем случае к границам клана мы подберемся через неделю.

Чиюань облегченно вздохнула.

– Ну, это хорошо. Неделю продержимся. А потом... отправимся к нашему новому дому.

– Очень надеюсь, – сонно пробурчал Реймонт, сунул одежду в шкаф, слегка поежился, хотя в каюте было тепло, и принялся натягивать пижаму.

– Надеюсь? – встревоженно переспросила Чиюань и вздохнула так сильно, что ее отнесло от кровати. – Не уверен?

– Послушай, Айлинь, – устало проговорил Реймонт. – Ты не хуже других представляешь себе, какие у нас дела с техникой. Что я тебе могу ответить, сама подумай.

– Прости, но...

– Неужели надо винить офицеров, если пассажиры не желают слушать их сообщения, а если слушают, не желают понимать? – гневно оборвал ее Реймонт. – Кто-то опять пустился во все грехи тяжкие! Прячутся – кто за апатию, кто за религию, кто за секс, кто еще за что-нибудь, лишь бы забыться. Большинство из вас... да, здорово, конечно, было работать над исследовательским проектом, кто спорит; но и он превратился в подобие защитной реакции. О чем бы ни думать, только не об этой гадкой бяке Вселенной. Теперь, когда вам стала мешать невесомость, все снова забились в норки. Валяйте, забивайтесь! – рявкнул Реймонт. – Только меня не трогайте, хватит. Вот вы все уже где у меня, ясно?

Реймонт рывком натянул пижаму, подлетел к кровати и пристегнул к поясу тросик. Чиюань потянулась к нему, попыталась обнять.

– О, любимый... – прошептала она. – Я виновата. Ты ведь так устал, правда?

– Нам всем тяжело, – буркнул Реймонт.

– Тебе тяжелее всех, – покачала головой Чиюань и стала нежно гладить лицо Реймонта, едва касаясь кончиками пальцев скул, обтянутых желтоватой кожей, залегших на лбу и щеках морщин, ввалившихся, покрасневших глаз... – Почему ты совсем не отдыхаешь?

– Хотелось бы. Не выходит.

Чиюань помогла Реймонту улечься поудобнее и крепче прижалась к нему. Ее волосы упали на лицо Реймонта – мягкие, шелковистые, до сих пор пахнувшие солнцем Земли.

– Надо отдыхать, – шептала Чиюань. – Отдохни, милый. Разве не приятно быть таким легким, как пушинка...

– М-м-м... Да, что-то в этом есть... Слушай, Айлинь, ты ведь неплохо знаешь Ивасаки. Как думаешь, выдержит он без транквилизаторов? Мы с доктором не смогли точно решить.

– Ш-ш-ш, – прошептала Чиюань и прикрыла ладонью губы Реймонта. – Ни слова об этом.

– Но...

– Нет, не разрешаю. Не развалится этот корабль, если ты спокойно поспишь хоть одну ночь.

– Ну... ну, может, и так...

– Закрой глаза... Вот так... Сейчас погладим лобик... вот тут... Успокоился? А теперь подумай о чем-нибудь приятном...

– Например?

– Забыл, о чем надо думать? Подумай о доме. Нет. Не так. Подумай о том доме, который мы скоро найдем... Синее небо. Яркое ласковое солнце, лучи сквозь листву и тени на траве, солнечные зайчики на речных волнах, а река течет, течет, течет и поет колыбельную песенку. Спи... Спи...

– М-м-м... – сонно промурлыкал Реймонт и улыбнулся.

Чиюань ласково поцеловала его.

– Там будет наш с тобой дом. Там будет сад. А в саду – странные яркие цветы. Но мы там, конечно, посадим семена земных цветов... У нас будут розы и жимолость, яблони и роз-марины. А наши дети...

Реймонт беспокойно пошевелился.

– погоди, пока еще не время строить такие планы, – проворчал он. – Ты мне, конечно, очень нравишься, но только...

Пальцы Чиюань коснулись его век и не дали глазам раскрыться, иначе Реймонт бы увидел, какая боль наполнила ее глаза.

– Мы спим, Чарльз, – тихонько рассмеялась китаянка. – Спим и видим сны. Не воспринимай все так буквально. Просто представь себе, что в саду резвятся дети. Неважно чьи. Река течет. На берегу лес. А дальше – горы. Птицы поют. Покой.

– Какая ты милая, какая хорошая, – прошептал Реймонт и крепче прижал к себе Чиюань.

– Ты тоже хороший. А хорошим полагается спать под колыбельные песни. Спеть тебе песенку?

– Спой... – еле слышно проговорил Реймонт. – Пожалуйста... Я люблю, когда ты поешь по-китайски...

Нежно разглаживая кончиками пальцев глубокую ложбину между бровей любимого, Чиюань тихонько запела... И тут же зазвучал сигнал интеркома.

– Констебль! – звал голос Теландера. – Вы у себя?

Реймонт вскинулся, протер глаза.

– Не надо! – умоляюще воскликнула Чиюань.

– Да, – ответил Реймонт капитану. – Я на месте.

– Не могли бы вы подняться на мостик? Есть конфиденциальное дело.

– Угу, сейчас, – отозвался Реймонт, отстегнул тросик и принялся стаскивать пижаму.

– Хоть бы пять минут дали передохнуть человеку! – возмутилась Чиюань.

– Наверняка что-то срочное, – отозвался Реймонт. – Никому ни слова, пока я сам не расскажу тебе, в чем дело.

Он быстро оделся и выскочил из каюты.

На мостике его ждал не только Теландер. Как ни странно, с капитаном был Нильссон. Вид у капитана был такой, будто его пребольно стукнули в солнечное сплетение. Астроном выглядел взволнованно, но держался молодцом. В руке у него был зажат испещренный какими-то расчетами лист бумаги.

– Проблемы с навигацией, что ли? – предположил Реймонт. – А где Будро?

– Дело не касается его непосредственно, – начал объяснения Нильссон. – Видите ли, я занимался на компьютере обчетом данных последних наблюдений, произведенных с помощью новой аппаратуры. И результаты, я бы сказал... обескураживающие.

Реймонт покрепче обхватил пальцами скобу и устало посмотрел на капитана и астронома.

– Если я правильно понимаю, мы не можем добраться до этого галактического клана, – высказал он свою гипотезу.

– Верно, угадали, – выдохнул Теландер.

– Ну, не то чтобы совсем верно, – пробормотал Нильссон смущенно. – Мы пролетим сквозь него. И не просто пролетим, а – если пожелаем – можем посетить довольно большое число галактик из тех семейств, что составляют клан.

– Вы уже такие подробности знаете? – удивленно проговорил Реймонт. – Будро таким похвастаться не мог.

– Я же сказал: я работаю с новым оборудованием, оно теперь дает более точные данные. Если помните, Ингрид меня немного поднатащила, и я теперь неплохо управляюсь в невесомости. Аппаратура сейчас выдает информацию более точную, чем та, на которую мы рассчитывали на этапе планирования. Да, представьте себе, я уже располагаю довольно надежной картой той зоны клана, которую нам предстоит преодолеть. Изучив ее, я определил те цели, которые мы можем, так сказать, зацепить.

– Ближе к делу, проклятье! – вскрикнул Реймонт, но тут же взял себя в руки. – Прошу прощения. Я просто немного устал. Прошу вас, продолжайте. В чем дело? Как только мы доберемся до области с высокой концентрацией материи, мы сможем включить двигатели, как я понимаю. Почему же мы не сумеем прорваться?

– Сумеем, – торопливо ответил Нильссон. – Я не говорю, что не сумеем. Но дело в том, что показатели обратного тау достигли невероятных величин. Не забывайте, мы приобрели эти показатели за время полета по самым плотным слоям материи, какие только можно себе представить, до того как вылетели в межклановое пространство. Это было необходимо. Я не оспариваю справедливости такого решения. Но как бы то ни было, в итоге мы ограничены в выборе маршрута пересечения данного клана. Собственно, мы так или иначе принуждены лететь по некоему конусообразному коридору...

– И в этом конусе, скорее всего, маловато материи, так? – спросил Реймонт и до боли закусил губу.

– Точно, – резко кивнул Нильссон. – И, помимо всего прочего, разность в скорости между кораблем и этими галактиками, возникающая из-за растяжения пространства, снижает эффективность двигателя Буссарда сильнее, чем нужно для торможения.

Немного помолчав, он заговорил своим обычным профессиональным тоном:

– В лучшем случае мы преодолеем клан в режиме торможения примерно за шесть месяцев, и, когда окажемся по другую его сторону, тау будет составлять десять в степени минус три – минус четыре. Дальше в межклановом пространстве ожидать прироста скорости, как вы понимаете, невозможно, а следовательно, добраться до следующего клана мы не сумеем при всем желании. К этому времени при таких показателях тау мы либо жутко состаримся, либо умрем.

Голос астронома сорвался. Он выжидательно уставился на Реймонта.

– Почему вы об этом рассказываете мне, а не Линдгрена? – поинтересовался констебль.

– Она так устает, бедняжка, – с неожиданной нежностью ответил Нильссон. – Да и что она тут может поделать? Я решил, что не стоит ее будить.

– Ну а я что могу поделать?

– Дайте мне... вернее, нам... какой-нибудь совет, – попросил Теландер.

– Но, сэр, капитан здесь вы!

– Карл, голубчик, такие разговоры у нас уже не впервые. Я могу... да, я, пожалуй, могу принимать решения, отдавать команды и распоряжения, от выполнения которых зависит то, что мы худо-бедно продираемся по Вселенной. – Теландер развел в стороны руки, и стало видно, как они дрожат. – Но на большее я не способен, Карл. У меня нет больше сил. Вы должны сообщить остальным.

– Сказать всем, что мы дали маху? Провалились? – ахнул Реймонт. – То есть сказать, что, несмотря на все старания, мы обречены лететь, куда не сойдем с ума и не сохнем? Не многовато ли вы от меня хотите, капитан?

– Но новости на самом деле не такие ужасные, – возразил Нильссон.

Реймонт хотел ухватить астронома за воротник, но промахнулся и хрипло спросил:

– Значит, надежда все-таки есть?

Полноватый астроном заговорил отрывисто, и его речь, всегда такая четкая, педантичная, стала похожа на лай бульдога.

– Может быть. Точных данных у меня нет. Расстояния слишком велики. Мы не можем обнаружить другой определенный галактический клан и отправиться к нему. Рассматривать его придется с громадными погрешностями, с огромного расстояния. И все-таки я верю, что надеяться можно. Вдруг повезет.

Со временем мы, скорее всего, смогли бы обнаружить пространство нужной конфигурации. Либо исключительно крупный клан, по которому можно будет проложить курс, включающий самые плотные в отношении числа галактик зоны, а может быть, два или три клана, которые расположены не слишком далеко один от другого, вытянуты более или менее по прямой, и тогда мы сумели бы пересечь их последовательно, а может быть... отыщется такой клан, скорость которого относительно нашей скорости будет более благоприятная. Понимаете? Удастся отыскать что-нибудь в таком роде – и все будет не так уж худо. Тогда мы сумеем управиться за несколько лет по корабельному времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.